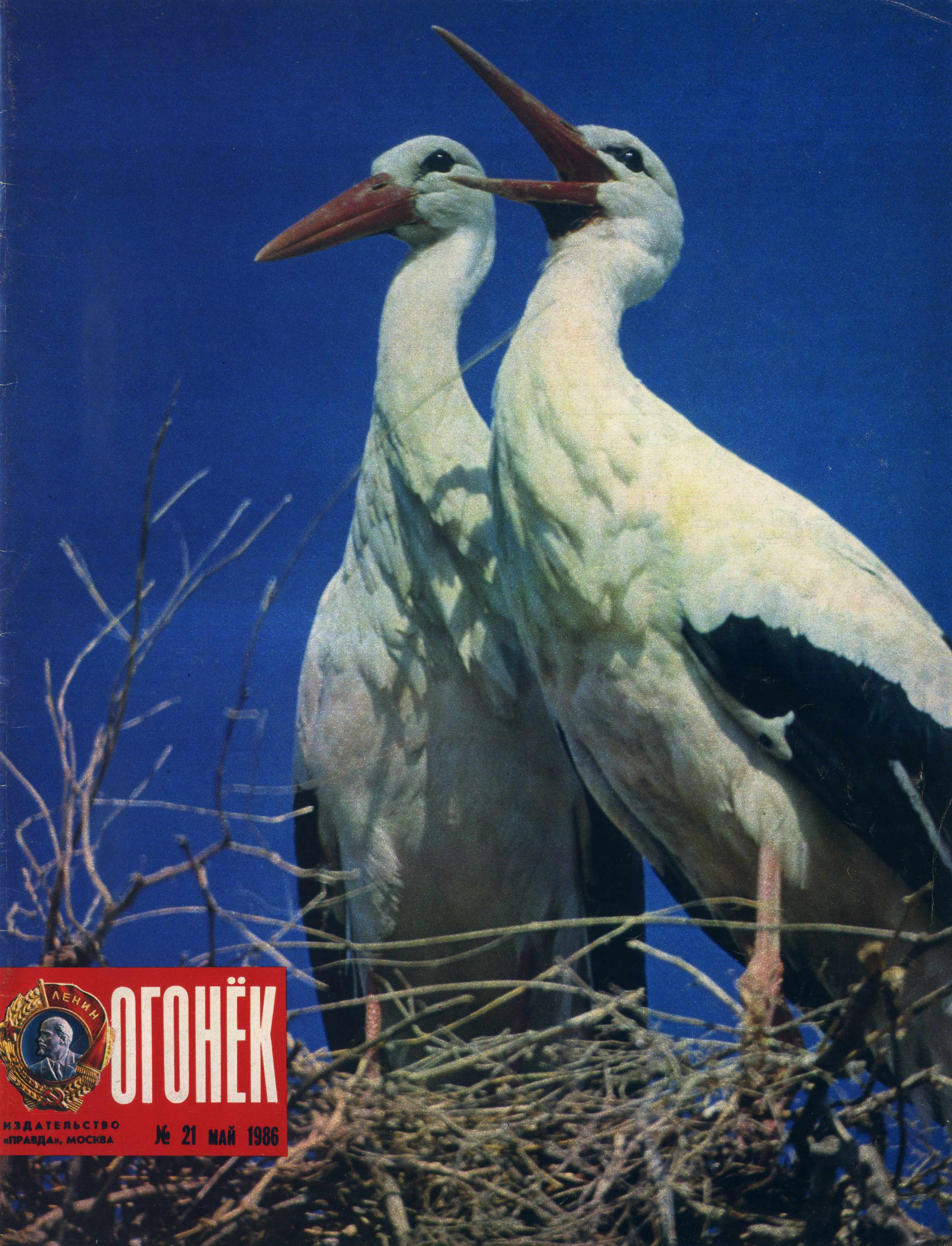

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 21 май 1986

«УРАЛМАШ»

Марка уральских машиностроителей популярна во всем мире.

УЗТМ

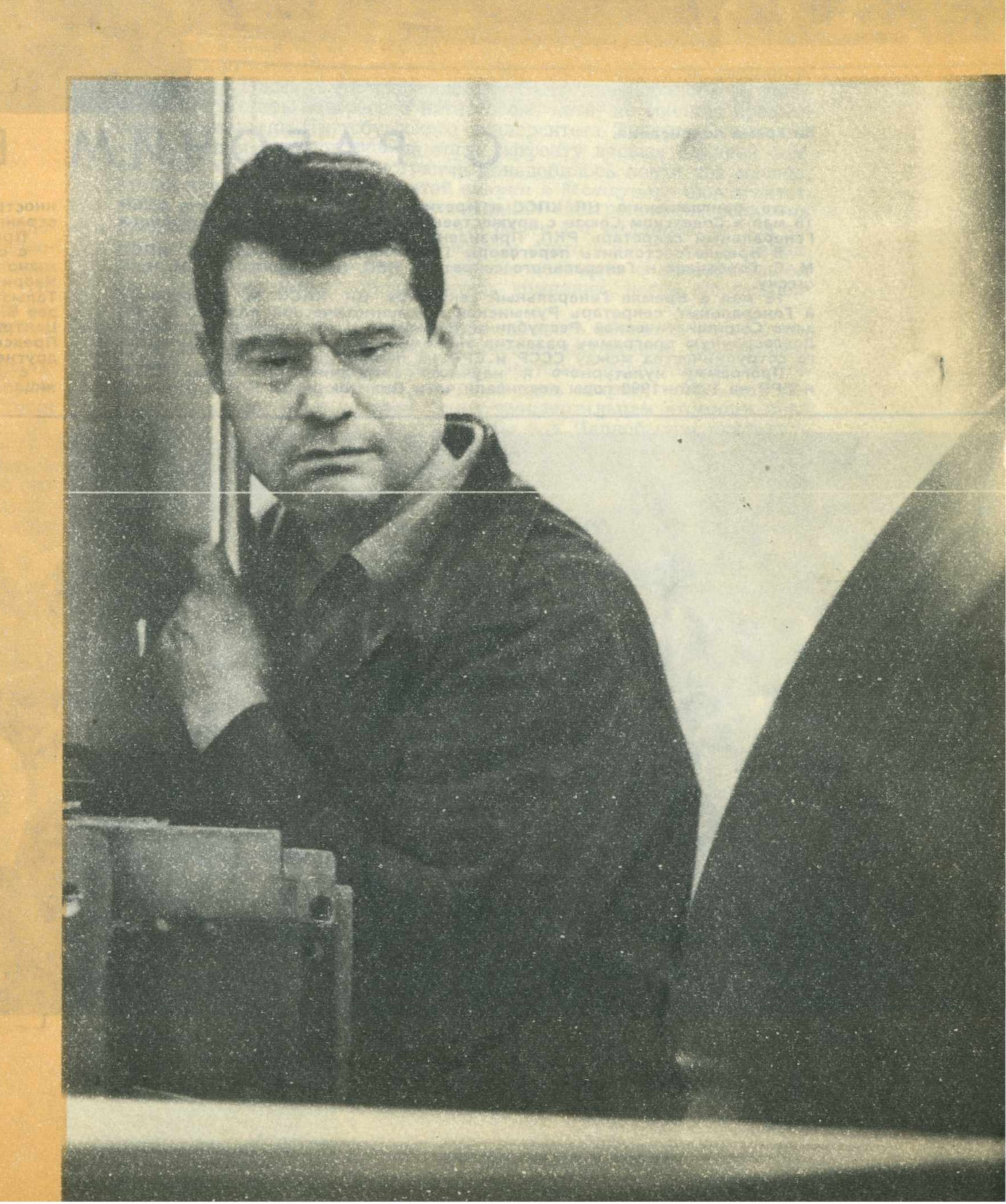
Вот так, в трудах и раздумьях, конструируется новая техника.

—МАГНИТКЕ

ускорение

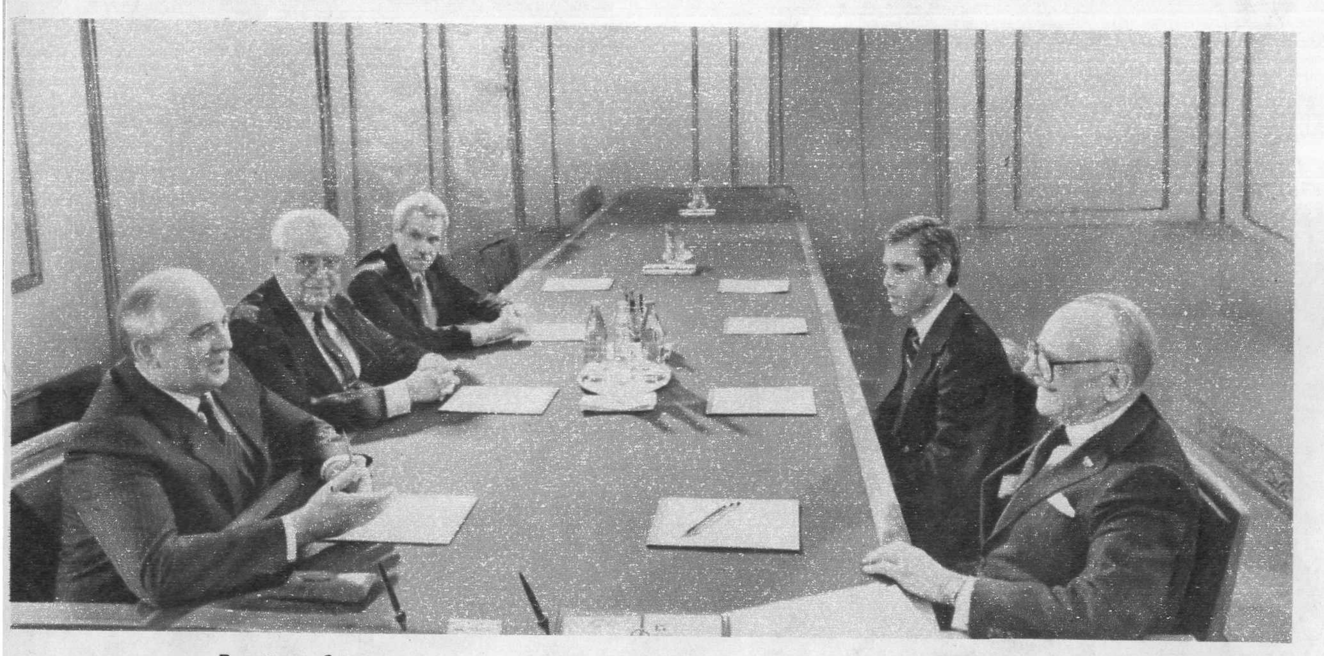
Б. СМИРНОВ,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Можно ли назвать машиной конструкцию высотой метров в двадцать и длиной метров в сорок? Раньше говорили «установка непрерывной разливки стали», что тоже не давало никакого представления о махине размером с многоэтажный дом, где человек несведущий мог назвать всего одну знакомую ему «деталь» — ковш для расплавленного металла. Я видел эти установки (или машины, как говорят теперь) не раз, подолгу наблюдал за тем, как они работают, и в общих чертах мог бы рассказать, в чем их преимущество перед традиционными способами разливки металла по изложницам из мартеновских печей. Но это слишком уж специальная тема, и нам важна лишь ее суть: мартены уходят в прошлое, и чем скорее они будут заменены

Один из тех, кто подписал договор трудового сотрудничества с Магниткой,— токарь «Уралмаша», Герой Социалистического Труда, делегат XXVII съезда КПСС Анатолий Королев.

Окончание на стр. 4—5.

Во время беседы. Фото ТАСС

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С А. ХАММЕРОМ И Р. ГЕЙЛОМ

15 мая М. С. Горбачев принял в Кремле видного американского предпринимателя и общественного деятеля А. Хаммера и доктора Р. Гейла. Он выразил глубокую признательность за проявленное ими сочувствие, понимание и быструю конкретную помощь в связи с постигшей советских людей бедой — аварией на Чернобыльской АЭС.

В поступке А. Хаммера и Р. Гейла, подчеркнул М. С. Горбачев, советские люди видят пример того, как должны были бы строиться отношения между двумя великими народами при наличии политической мудрости и воли у руководства обеих стран.

Р. Гейл высоко отозвался о работе своих коллег — советских врачей. Он подчеркнул, что все в мире должны теперь понять, что, если разразится ядерная война, никакая медицина уже ничего не сможет сделать, она будет просто никому не нужна.

Во время подписания. Фото А. Гостева

С РАБОЧИМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР 16 мая в Советском Союзе с дружественным рабочим визитом находился Генеральный секретарь РКП, Президент СРР Н. Чаушеску.

В Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и Генерального секретаря РКП, Президента СРР Н. Чаушеску.

16 мая в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии, Президент Социалистической Республики Румынии Н. Чаушеску подписали Долгосрочную программу развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и СРР на период до 2000 года.

Программу культурного и научного сотрудничества между СССР и СРР на 1986—1990 годы подписали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и член ЦК РКП, министр иностранных дел СРР И. Вэдува.

При подписании присутствовали:

с советской стороны — товарищи Алиев Г. А., Воротников В. И., Громыко А. А., Зайков Л. Н., Лигачев Е. К., Рыжков Н. И., Соломенцев М. С., Чебриков В. М., Демичев П. Н., Долгих В. И., Ельцин Б. Н., Соколов С. Л., Талызин Н. В., Бирюкова А. П., Добрынин А. Ф., Зимянин М. В., Медведев В. А., Никонов В. П., Разумовский Г. П., Яковлев А. Н., Председатель Центральной Ревизионной Комиссии КПСС Капитонов И. В., заместители Председателей Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР, другие официальные лица;

с румынской стороны — сопровождавшие Н. Чаушеску официальные лица.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Советского правительства 19 мая в Москву с официальным визитом прибыл Председатель правительства Испании Фелипе Гонсалес с супругой.

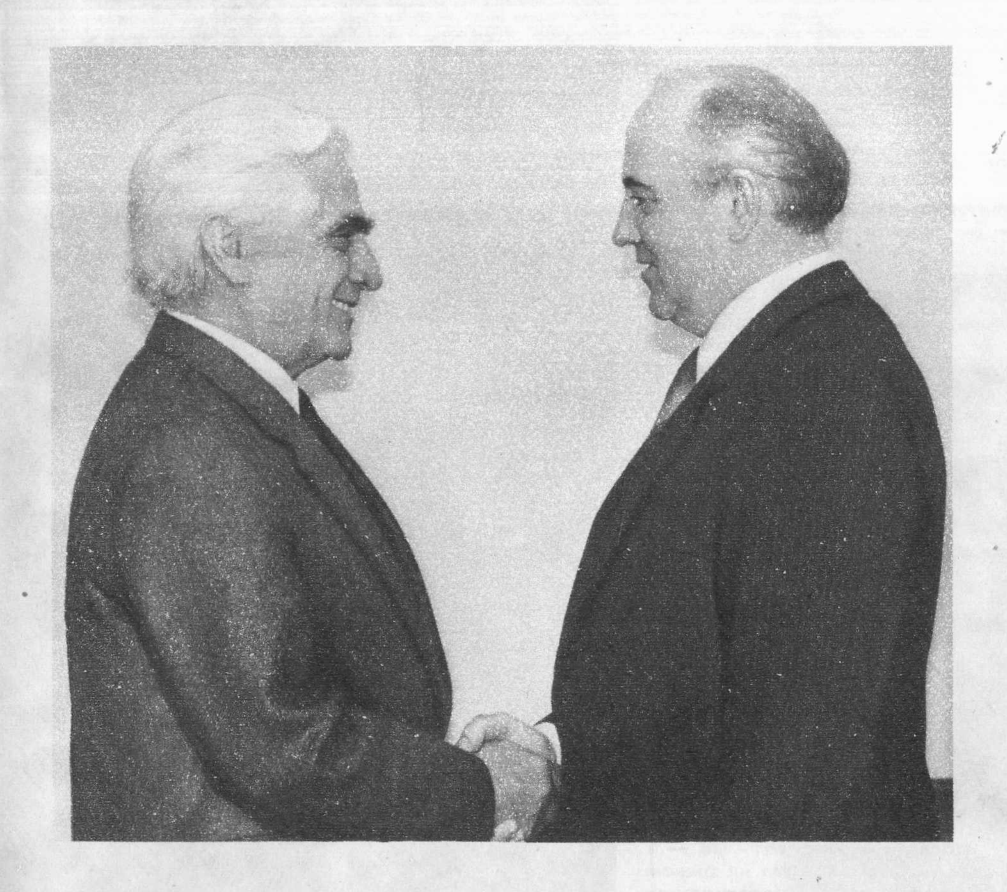
На Внуковском аэродроме главу правительства Испании и его супругу встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков с супругой, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, другие официальные лица.

В этот же день начались переговоры Н. И. Рыжкова с Ф. Гонсалесом.

В ходе переговоров стороны с удовлетворением отметили, что по ряду существенных аспектов международной жизни СССР и Испания имеют точки соприкосновения. Это создает возможности для расширения областей взаимопонимания, совместных или параллельных действий двух стран в пользу укрепления мира, доверия, безопасности и сотрудничества в Европе и за ее пределами.

Стороны выразили обоюдное убеждение в том, что конструктивный характер отношений между Советским Союзом и Испанией отвечает не только коренным интересам народов двух стран, но и делу укрепления международного мира и сотрудничества.

На снимке: во время переговоров.
Фото А. Гостева

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С А. КУНЬЯЛОМ

19 мая М. С. Горбачев встретился с находившимся в Советском Союзе на отдыхе Генеральным секретарем Португальской компартии А. Куньялом.

В теплой дружеской обстановке полного взаимопонимания М. С. Горбачев и А. Куньял информировали друг друга о политической и теоретической деятельности КПСС и ПКП на современном этапе развития их стран.

Состоялся углубленный обмен мнениями по крупным международным проблемам, о трудностях и перспективах борьбы против ядерной угрозы, за прекращение гонки вооружений. Были обсуждены актуальные вопросы рабочего и коммунистического движения.

На снимке: перед началом беседы.

Фото ТАСС

ПОЧЕМУ ОНИ ЛГУТ

Сергей ЛОСЕВ

Сейчас официальный Вашингтон и Бонн с наигранным негодованием отрицают, что в первые дни после аварии на АЭС в Чернобыле они стали инициаторами разнузданной антисоветской кампании на Западе, лгали преднамеренно, злобно и беспардонно. Но ведь это было именно так и, к великому сожалению, не иначе, хотя радоваться чужой беде, а тем более злорадствовать в представлении любого народа — это подлость.

В ход были пущены самые бессовестные и низкопробные фальшивки: от рисованных цветных картинок четвертого блока Чернобыльской АЭС до подделки кадров дымящей цементной фабрики в Триесте (Италия) под «горящую» советскую атомную электростанцию. За это жульничество две американские телекомпании — Эн-би-си и Эй-би-си — заплатили автору-мошеннику 40 миллионов итальянских лир, причем эксперт, специально присланный из США в Италию, охотно удостоверил «подлинность» кинопленки.

Если бы счетчик Гейгера мог измерять заряд животной классовой ненависти американской буржуазии к нашей социалистической Отчизне, то в дни чернобыльской трагедии стрелка счетчика, видимо, выскочила бы за шкалу.

С особым усердием администрации Рейгана помогали в этом неблаговидном деле правящие круги ФРГ. В канун 45-летия нападения фашистской Германии на Советский Союз кое-кто в Бонне опустился до того, что стал требовать с нашей страны «компенсацию» за якобы понесенные убытки. Гитлеровские недобитки забыли, по-видимому, что они все еще в неоплатном долгу перед советским народом за те злодеяния, разрушения и страдания, которые они причинили нашей стране, каждой советской семье.

Организаторам этой злонамеренной и в высшей степени аморальной кампании, очевидно, как отметил в выступлении по телевидению Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, нужен был повод для того, чтобы, уцепившись за него, попытаться опорочить Советский Союз, его внешнюю политику, ослабить воздействие советских предложений по прекращению ядерных испытаний, по ликвидации ядерного оружия и одновременно смягчить растущую критику поведения США на международной арене и их милитаристского курса.

«Если говорить начистоту, некоторые западные политики,— подчеркнул М. С. Горбачев,— преследовали вполне определенные цели: перекрыть возможности выравнивания международных отношений, посеять новые семена недоверия и подозрительности к социалистическим странам...

Мало того, была сделана попытка вообще доказать миру, что переговоры, тем более соглашения с СССР невозможны, и дать тем самым «зеленый свет» дальнейшим военным приготовлениям».

Как признал в интервью Би-би-си британский министр иностранных дел Джеффри Хау, некоторые на Западе — и Лондон не стал исключением — оказались способными «превращать человеческую трагедию в политический футбол».

Уместно напомнить, что в 1979 году после аварии на американской АЭС «Тримайл Айленд» властям США понадобилось 10 дней, чтобы уведомить конгресс о катастрофе, хотя, по мнению профессора радиологии Питтсбургского университета Эрнеста Стернглэсса, радиация соответствовала тогда эффекту взрыва ядерной бомбы. Американской администрации понадобилось почти два месяца, чтобы представить отчет об этой аварии в Международное агентство по атомной энергии, причем компания «Метрополитэн Эдиссон» преднамеренно умолчала о том, что почти 1,4 миллиона литров зараженной радиацией воды было тайком слито в реку Саскаузханна. Я не вижу причин, почему нам нужно извещать о каждом нашем шаге, цинично заявил представитель компании, когда его приперли к стене.

И вот те же самые люди имеют наглость обвинять нашу страну в «неполной информации», в «нецивилизованном поведении», ставить под сомнение приведенные Советским правительством точные данные о числе жертв в первый день аварии, когда, как помнят читатели, погибло двое. Этим неандертальцам атомного века непременно почему-то хотелось, чтобы под Чернобылем оказались горы трупов. Когда один из корреспондентов спросил государственного секретаря США Дж. Шульца: «Если вы говорите, что число убитых на АЭС значительно выше, чем в официальных советских заявлениях, то могли бы это подтвердить цифрами?» Последовал ответ: «Я не располагаю цифрами, но я готов биться об заклад, что две жертвы — это слишком мало!»

Если говорить по существу, то организаторов всей этой свистопляски не интересовала ни истинная информация, ни судьба советских людей.

«Дело дошло до того,— сказал генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс,— что на моей родине в Швеции на первые полосы газет попало сообщение о моем облучении при посещении СССР такой дозой радиации, которая превышает уровень, допустимый для работника АЭС за год. Мне пришлось пройти обследование, которое засвидетельствовало, что доза радиации в моем теле не превышает дозу, которую получает человек во время рентгеновского снимка зуба.

Находясь в Москве и Чернобыле,— указал Бликс,— мы получили правдивую информацию о положении дел. Советский Союз готов к взаимодействию на базе нашего агентства. Это значит, что международное сотрудничество может принести ценные результаты».

Новые советские предложения от 14 мая открывают путь для подлинного международного сотрудничества с целью обеспечения безопасности в мирном использовании энергии атома. А решение Советского Союза продлить односторонний мораторий на ядерные испытания до 6 августа нынешнего года, продиктованное общечеловеческими гуманными соображениями, дает уникальную возможность остановить сползание к ядерной катастрофе и начать процесс ядерного разоружения.

См. II обл.

«УРАЛМАШ» — МАГНИТКЕ

конвертерами и машинами непрерывного литья, тем больше страна получит металла, кстати сказать, более высокого качества. Следует заметить, что в наиболее передовых промышленно развитых зарубежных странах, например, в Японии, в мартеновских печах металл уже не выплавляют. У нас в стране по этой новой технологии работает полностью лишь одно предприятие — Новолипецкий металлургический завод. А машины непрерывного литья для него создавались на «Уралмаше».

«К чести коллектива «Уралмаша», он проявил настоящую рабочую солидарность, инициативно пересмотрел планы и взял обязательства в короткие сроки создать высокоэффективную технику для реконструкции Магнитки. Уже в этом году будет досрочно завершено рабочее проектирование новых машин непрерывной разливки стали, которые позволят с каждого миллиона тонн жидкого металла получать на 200 тысяч тонн проката больше. Это замечательный пример сотрудничества двух гигантов индустрии, двух выдающихся коллективов нашего рабочего класса».

Эти слова из речи товарища М. С. Горбачева на встрече с трудящимися города Тольятти очень хорошо знают здесь, на «Уралмаше».

Так кто же все-таки создает, иначе говоря, придумывает, эту исполинскую технику?

...Мы сидим в кабинете главного конструктора машин непрерывного литья заготовок (МНЛЗ — так довольно неуклюже именуются в официальных бумагах эти сооружения) Виталия Максимовича Нисковских. Он лауреат Государственной премии СССР за 1979 год, доктор технических наук, заслуженный изобретатель РСФСР, опытнейший конструктор, руководитель большого коллектива, но когда я спросил, можно ли его считать автором машины, создаваемой для Магнитки, Виталий Максимович рассмеялся.

— Нет, конечно! В наше время, когда речь идет о такой сложнейшей технике, можно быть автором какой-то основополагающей идеи, можно придумать какой-то узел, но всю конструкцию по силам разработать только конструкторскому бюро. Как это теперь пишется:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (3070)

24—31 МАЯ

«Время гениальных одиночек прошло»,— правильно?

— Но ведь авторские свидетельства выдаются не только коллективам, но и конкретным людям. Вот вам, например...

— Да, если говорить конкретно, я в свое время предложил криволинейную схему разливки металла на этих установках.— Виталий Максимович быстро чертит на листе бумаги схемы, объясняет, в чем суть его предложения. Если раньше слитки металла в сотни тонн застывали в вертикальном положении, то Нисковских «уложил» их, а это изменение конструкции машины дало очень серьезные преимущества в технологии (разумеется, все это объяснение дилетантское, неспециалиста для неспециалистов,— прошу поверить на слово).

— Вы тогда, в начале шестидесятых годов, уже были главным конструктором отдела?

— Что вы, тогда и отдела такого не было! Нам, группе конструкторов «Уралмаша», поручили подготовить проект установки вертикального типа для Липецка. Ну, а у меня возникла идея... Удалось ее реализовать, построили у себя на заводе опытную установку, кстати, она до сих пор на «Амурстали» прекрасно работает. Оказалось, что и в других странах в те же годы конструкторы работали примерно над той же технологией, но нам удалось «выскочить» чуточку раньше...

— Вы говорите — «удалось реализовать»: можно ли так понимать: молодому заводскому конструктору сразу поверили, дали поле деятельности, завод стал строить установку...

— Нет, конечно. Вернее, далеко не все шло так гладко, мне просто повезло, что я «уралмашевец», а здесь стало какой-то, можно сказать, традицией верить в своих конструкторов, главное, поддерживать их. Когда чувствуешь, что за твоей спиной могучий завод, гораздо легче бороться...

— Я помню такой случай,— включился в разговор Петр Михайлович Соловейчик, главный конструктор проекта для Магнитки.— Мы тогда монтировали установку криволинейного типа в Липецке. Довольно долго бились над одной проблемой — не выдерживали ролики, по которым катился сляб; потом оказалось, что для них был взят металл не той марки. И вот вызывают меня в «высокий» кабинет и ставят «вопрос ребром»: «Долго вы еще будете обманывать государство своими уралмашевскими вариантами?»

— Да, сейчас преимущества такой схемы очевидны, по ней строят машины во всем мире,— подытоживает Нисковских,— а у нас несколько таких машин успешно работают и на «Азовстали», и в Липецке, и в Череповце, вот теперь очередь дошла и до Магнитки.

— А почему не в первую очередь? Ведь Магнитка у нас флагман...

Конструкторы переглянулись. Кажется, я случайно задел больное место.

— Видите ли, это очень сложный вопрос,— медленно, подбирая слова, говорил Нисковских.— Ведь речь идет не о модернизации, а о полной, о коренной перестройке производства. А металл Магнитки для страны — это... Впрочем, объяснять не надо, какую роль играет это предприятие. А сроки перестройки упущены. Магнитка устарела, вот почему мы должны теперь в кратчайшее время дать ей новейшую технику. Вот откуда родилось наше обязательство: сдать рабочие чертежи МНЛЗ уже в этом году. Ведь что такое рабочая солидарность? Для нас Магнитка своя, родная, мы не разделяем — вот, мол, их заботы, вот наши. Это же так естественно! И я скажу откровенно: эти наши обязательства не восприняты и на «Уралмаше», и на Магнитке как что-то особенное, такого просто не могло быть, чтобы «Уралмаш» не пошел Магнитке навстречу.

— Будут ли чем-то отличаться машины для Магнитки от тех, которые созданы для других предприятий?

— Они все одна на другую не похожи, все оригинальные,— объясняет Петр Михайлович Соловейчик, и по тому, как загораются его глаза, я чувствую — сейчас будет подробнейший разговор о капризах и повадках этих огнедышащих чудовищ. И... ошибаюсь. Просто для этих людей, для специалистов высочайшего класса, их машина во всей ее громадности настолько близка и понятна, что им несложно находить самые простые образы для рассказа о своем детище. И Петр Михайлович в два счета растолковывает мне самое главное: площадка для цеха в Магнитогорске (а МНЛЗ — это, по существу, целый цех) выделена на самом берегу Урала, на многолетних шламовых отвалах, и углубить цех, как обычно, на много метров в землю — сложнейшая задача: надо либо замораживать грунт, либо всю жизнь откачивать воду из Урала в Урал. Значит, надо отказаться от «нижних этажей», надо переделать проект. И Петр Михайлович объясняет, как вертикаль удалось расположить по горизонтали. Теперь и мне кажется — совсем просто! А вот еще проблема: по условиям Магнитки нужны будут и широкие, и узкие слябы, иначе сказать, слитки стали и в четыреста, и в двести тонн. Получить широкие не проблема, а вот узкие... Всюду в мире поступают так: режут слябы автогеном, а это дополнительный цех, тысячи тонн оборудования, потеря качества металла. И вот возникает решение: разливать металл не в два, а в четыре ручья! Машина усложняется, зато выгоды очевидны.

— А так уже делали где-нибудь в мире?

— Нет, мы первыми придумали...

— Вы только не пишите, будто мы тут вдвоем сидим и все это придумываем,— опять улыбается Нисковских (видно, прошлые беседы с журналистами дают повод для такого веселья).— Над проектом работает целый коллектив конструкторов, причем прекрасный, сложившийся коллектив — около трехсот человек... Конечно, главные задачи решают человек двенадцать — пятнадцать. Но мысль, я подчеркиваю, коллективная. Убери кого-то одного из них, убери главного конструктора — проект все равно будет создан.

— Но если убрать десятки остальных?..

— Нет, ничего тогда не получится! В любом деле есть что-то очень сложное и что-то попроще, нужны специалисты разного уровня, разных способностей. А в общем, коллектив! Да вы пройдите по нашим мастерским, посмотрите, как работают конструкторы...

Мысль увидеть невозможно. Лишь отражение, плод ее — в кружеве линий, в магических цифрах и знаках, которые, сойдя с этих белых бумажных листов, обретут плоть металла, станут живыми частями громадного организма машины. А пока ничего нет, только следы карандаша на бумаге... Рулоны, горы рулонов уйдут в цеха «Уралмаша», прежде чем через месяцы, не раньше, можно будет руками потрогать то, что называется безликим словом «машина».

Мы говорили со многими из тех, кто по черточке, по листу создает сейчас это самое «будущее». И, пожалуй, самое главное, что уяснили себе,— нет здесь никакой атмосферы необычности вокруг почетного и ответственного заказа для Магнитки. Сроки? Да, сроки сжатые, но весь график сдачи рабочих чертежей рассчитан точно, с учетом возможностей коллектива. Сложность? Она есть всегда, когда создается что-то новое, а здесь работают конструкторы индивидуального проектирования, у них на листах всегда и все сложное.

— Нам нельзя ошибаться: слишком дорого обходятся ошибки, когда все то, что ты нарисовал, тут же в цехе переходит в металл,— говорил руководитель группы конструкторов Валерий Горлицын.— Думать быстрее, чем думается, никто не сможет, и рисовать быстрее, чем рисуется, тоже невозможно. А почему мы взяли обязательство сдать проект досрочно? Время такое сейчас, никому вполсилы работать нельзя...

Уже в дверях мимо нас, едва «вписавшись» в проем, кто-то из конструкторов пронес целую кипу белых рулонов. Что там — ковш, разливочный стенд? Пройдут месяцы — и этот конструктор, наверное, сам удивится, что мог эту махину нести в своих руках.

В. М. Нисковских, П. М. Соловейчик: быть главными конструкторами — значит отвечать и за будущее, и за сегодня...

ЗДОРОВЬЕ —

трибуна «огонька»

А. И. ПОТАПОВ,
министр здравоохранения РСФСР

Почти год назад Минздрав Российской Федерации возглавил Анатолий Иванович ПОТАПОВ — человек энергичный, волевой организатор здравоохранения, прошедший путь от рядового врача до министра. С первых же дней своего пребывания на высоком посту он доказал, что ему чужды принципы так называемого «кабинетного руководства». За несколько месяцев он побывал во многих областях и краях республики, включая глубинки Нечерноземья, тюменскую землю и районы Сибири. По-партийному принципиально и горячо стремился постичь суть существующих на местах проблем здравоохранения, разобраться в наболевших вопросах не по «справочным» отчетам, а воочию и по существу дела.

Узнав, что читатели «Огонька» интересуются «положением дел со здравоохранением на местах», Анатолий Иванович согласился ответить на вопросы журнала, предупредив: «Говорить будем в основном о том, что еще не совсем так, как бы хотелось, делается в нашем доме».

С министром беседовал специальный корреспондент «Огонька» Виталий ЗАСЕЕВ.

— Анатолий Иванович, хотелось бы начать вот с чего. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду, делегатом которого вы были, особо подчеркивалась необходимость повсеместно и как можно быстрее удовлетворить потребности населения в высококачественной лечебно-профилактической и лекарственной помощи. Но до сих пор не изжиты факты прямо противоположного отношения к проблеме. Нам известно, что, например, в Дагестане больницу на пятьдесят коек строят уже... одиннадцать лет. Правда, недавно ее приняли с незавершенными работами не только по монтажу медицинского и санитарно-технического оборудования, но и с недоделками по водоснабжению и вентиляции. А потому и принятая, она находится под замком.

— Факт, о котором вы упомянули, был недавно обсужден на коллегии министерства Федерации. Руководству Минздрава Дагестанской АССР поручено в кратчайший срок решить все организационные вопросы и ввести в строй действующих эту новостройку. И уж коль мы условились говорить обо всем начистоту, скажу, что подобные факты далеко не единичны в строительстве объектов здравоохранения в нашей республике.

В Ярославской области, к примеру, из-за низкого качества строительства не первый год бездействуют четыре больницы—более чем на пятьсот коек. В Ульяновской также простаивают два стационара почти на четыреста мест. Такое положение существует и на ряде объектов в Ивановской, Пензенской, Смоленской областях, на Камчатке. Почему так происходит? Однозначного ответа нет. Причин и объективных, и субъективных достаточно, многие из них не зависят от нас, медиков. Легче всего, конечно, сваливать грехи долгостроя на чужие плечи. Делать этого не собираюсь. Практика показывает, что в тех регионах, где руководители здравоохранения активно формируют общественное мнение, правдиво, без оглядки информируют партийные и советские органы о его нуждах, там срывы, как правило, бывают редко и вопросы с плановым вводом больниц и поликлиник решаются должным образом. Вывод один: руководителям облздравов следует проявлять настойчивость и оперативность в достижении цели. Ведь вопросы охраны и укрепления здоровья людей — дело первостепенной важности. Именно так было сказано на XXVII съезде.

Ни один секретарь областного комитета партии, знаю по собственному опыту работы в Томске, никогда не поднимет руку на плановый объект здравоохранения, если руководитель облздрава в угоду начальству не отступит от своих принципиальных позиций. Так что, отвечая за здоровье людей, нужно уметь проявлять и гражданскую смелость, и твердость духа, и решительность в достижении цели. Без этих качеств, думается, на нынешнем, крутом подъеме проблем не осилить.

Наше государство щедро субсидирует нужды здравоохранения. К сожалению, по вине иных нерадивых руководителей эти средства остаются неосвоенными. В прошлом году, например, около семидесяти миллионов рублей, отпущенных нам, осталось в банке. А в результате в строй не было введено новых стационаров на более чем пять тысяч коек.

Развитие материально-технической базы здравоохранения — основа нашего дела. И поэтому правительство Российской Федерации изыскало на 1986 год ресурсы для небывалого ранее увеличения темпа прироста капитальных вложений. Они возросли по сравнению с прошлым годом на сорок процентов. Но это накладывает и на Минздрав повышенную ответственность — сделать все, чтобы успешно выполнить этот напряженный план. Мы решили не оставлять без внимания ни одного факта проволочек и очковтирательства на местах, принимать незамедлительно соответствующие меры к виновным.

— И что же получит республика в XII пятилетке в случае успешного решения задач в области здравоохранения?

— Будет введено и реконструировано стационаров на сто пятьдесят тысяч коек, а поликлиник на 350 тысяч посещений. Опережающими темпами будет развиваться сеть детских больниц и родильных домов. Мы сделаем все, чтобы планы воплотить в реальность. Иного не дано. Так велит время.

— Ваши поездки по республике, знакомство с положением дел на местах, конечно же, обогатили вас определенными впечатлениями. Каковы они, хотелось бы знать в общих чертах?

— Если говорить о впечатлениях со знаком плюс, истоком для них служит огромный научный потенциал работников медицины,—в стенах НИИ, вузов и клиник трудятся 26 тысяч докторов и кандидатов наук. Это во-первых. Во-вторых, высокий профессионализм наших медиков-ветеранов. Работая в трудных условиях, не всегда имея под рукой современную диагностическую аппаратуру, транспорт, они мужественно и умело сражаются за здоровье советского человека. Подлинные образцы творческого труда, высокой требовательности к себе и товарищам проявляют наши лучшие организаторы здравоохранения. Среди них главный врач Новосибирской клинической больницы скорой медицинской помощи № 1 М. Кривонос. Участник войны, первоклассный хирург, он и по сей день предан своему делу, воспитал не одно поколение Врачей с большой буквы. Почти четверть века возглавляет Горьковскую областную клиническую больницу имени Семашко Народный врач СССР, коммунист О. Обухов. Инициативный, отзывчивый к чужой боли, Олег Александрович с полным правом может гордиться делом рук своих и своих товарищей. Это их стараниями, трудом выросли современные светлые корпуса многопрофильного стационара почти на полторы тысячи коек на волжском берегу. Здесь же поликлиника и медучилище. Позаботились они и о сотрудниках, живущих отныне в благоустроенном квартале современных домов. Не могу не сказать добрых слов о докторе З. Рыловой из Тюмени, о враче М. Желниной из Пскова и многих, многих других наших славных медиках.

Если говорить о негативных впечатлениях, то меня поразил в первую очередь результат опроса общественного мнения. По неудовлетворительности обслуживания населения мы, к сожалению, вместе с работниками общественного транспорта вышли на первое место. Это свидетельствует о все еще низких результатах нашей работы. Предстоит сделать не только выводы, но и повести суровую борьбу со всем, что мешает делу. Начинать будем с амбулаторно-поликлинической службы.

— Вы правы, Анатолий Иванович, у многих читателей журнала именно эта служба вызывает наибольшее число нареканий. Читатель из Хабаровска А. Комаров, например, сообщает: «Идти в нашу поликлинику даже при острой необходимости не очень-то хочется. Равнодушие со стороны врачей, поспешность при осмотре, на скорую руку выписанный рецепт — с этим нам часто приходится сталкиваться в районной поликлинике».

— Поверьте, горько слышать такое. Горько, потому что это правда. Многие участковые врачи потеряли чувство ответственности за здоровье пациента. В их психологии, как ни парадоксально, укоренилось и продолжает укореняться представление, что их в случае чего непременно подстрахуют либо «узкие специалисты», либо врачи скорой медицинской помощи. В результате многие из них по собственной инициативе обрели статус «диспетчеров», направляющих больных на бесконечные, ничем не оправданные консультации к невропатологам, физиотерапевтам, онкологам. А в результате страдает больной человек и, как следствие, общегосударственное дело — ускорение социально-экономического развития страны.

Я не оговорился, поставив знак равенства между состоянием здоровья человека и социально-экономическим развитием общества. Сегодня в обстановке все обостряющейся проблемы трудовых ресурсов их нехватка может быть во многом решена благодаря кардинальному повышению качества медицинской помощи. Вот конкретный пример. Побывав недавно на Новолипецком металлургическом комбинате, я воочию убедился, как благодаря усилиям медицинских работников медико-санитарной части, своеобразного цеха здоровья этого гиганта отечественной индустрии, здесь удалось только за прошлую пятилетку в несколько раз снизить трудовые потери, вызван-

ВСЕМУ ГОЛОВА

ные болезнями рабочих и служащих предприятия.

Возвращаясь к роли участковых врачей, или, как у нас их принято называть, врачей первой линии, думаю, что для них настало время проявить хорошее честолюбие. Государство уже сделало серьезный шаг в сторону поощрения их деятельности. Теперь слово за ними. А мы со стороны министерства приложим максимум внимания к повышению ответственности поликлиник за лечение больных. Отныне их руководители и заведующие отделениями обязаны еще строже контролировать плановость и полноту лечебно-оздоровительных мероприятий, добиваться наступательной позиции врачей в вопросах всеобщей диспансеризации.

— В редакционной почте «Огонька» немало писем на одну и ту же тему. Большинство читателей сетуют на отсутствие возможности попасть на прием к врачу в нерабочее время. «Поликлиники у нас работают так, как удобно не больным людям, а обслуживающему персоналу»,— пишет из Курска В. Нестеров. А вот письмо с Сахалина. «Чтобы попасть к окулисту или невропатологу,— сетует И. Новиков,— необходимо брать отгул или отпрашиваться у начальства. Иного выхода нет, так как врач принимает в основном в часы работы».

— И эти нарекания справедливы. Министерство примет все необходимые меры для наведения порядка.

Недавно у нас на расширенной коллегии шел нелицеприятный разговор об этом со многими организаторами здравоохранения на местах. Заведующим облздравотделами Белгородской, Курской, Рязанской и ряда других областей было строго указано на эти недоработки. Что касается Сахалинской области, то этот вопрос был специально рассмотрен Президиумом Совета Министров РСФСР в конце марта нынешнего года. В случае, если из указанных областей вновь поступят жалобы на неудовлетворительный режим работы поликлиник, будем принимать более радикальные меры.

А теперь позвольте и мне задать вам вопрос: среди писем ваших читателей неужели нет жалоб по организации медицинской помощи больным на дому? Предваряя возможность таковых, хочу особо поговорить по затронутому мною же вопросу. Сегодня, оставаясь дома, больной человек практически лишен возможности основательно в короткий срок выяснить причину своего заболевания. А все потому, что анализы, которыми так любят увлекаться врачи стационаров, для больных, оставшихся дома, назначаются крайне редко. В результате создается предпосылка к некачественной диагностике и, как следствие, возникают запущенные заболевания, появляется необходимость в госпитализации больного, а затем и в реабилитации его болезни. А ведь чего проще было бы своевременно взять анализ крови на дому или сделать кардиограмму?! Ведь это вполне по силам медсестре поликлиники.

В свое время нам немало предъявлялось претензий со стороны врачей амбулаторно-поликлинической службы на отсутствие транспорта. Сегодня положение исправилось. Большинство районных поликлиник обеспечено машинами. Но электрокардиография на дому все еще делается от случая к случаю. Что же касается физиотерапевтических методов лечения, то они и вовсе стали редкостью.

В чем причина? В безынициативности главных врачей и заведующих отделениями, которые не привыкли создавать для себя лишние хлопоты. С подобным отношением к делу мы также начинаем вести планомерную борьбу. Каждая обоснованная жалоба, каждый факт пренебрежения к нуждам пациентов станут предметом не только особого обсуждения, но и принятия конкретных мер, направленных на их предупреждение и устранение.

Письма читателей свидетельствуют о том, что, к сожалению, наша «скорая» все еще не стала скорой помощью. Не очень-то повысился и профессиональный уровень ее действенности. Так ли это, Анатолий Иванович?

— Раз есть жалобы, значит, так оно и есть. Хотя должен заметить, что в некоторых областях служба «скорой помощи» работает успешно. Это, например, области Ростовская и Челябинская, Новосибирская и Ленинградская. Но давайте все же разберемся в отмечаемых недостатках и в этой сфере.

Главное звено среди них — недоукомплектованность нашей «скорой» врачами. Более половины вызовов в республике обслуживается фельдшерами. Отсюда и высокий процент диагностических ошибок. В одной только Мордовской АССР каждому пятому больному, у которого побывала «скорая», был установлен ошибочный диагноз. Министр здравоохранения республики А. Кондратьев вызывался недавно на коллегию в Москву, и перед ним были остро поставлены вопросы по наведению порядка в этой области. Строго спрошено и с других руководителей здравоохранения, где «скорая» не соответствует своему назначению. Министерством здравоохранения Федерации этот вопрос также взят на особый контроль, и он не будет снят до тех пор, пока мы не добьемся ощутимых сдвигов в лучшую сторону.

— В почте журнала встречаются упреки читателей в адрес медицинской науки, которая, как им представляется, все еще оторвана от практического здравоохранения. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Как я уже отмечал, медицинская наука Российской Федерации действительно располагает огромным научным потенциалом. Однако результаты деятельности этого потенциала не всегда дают желаемые результаты в улучшении показателей здоровья населения республики. Первопричина в том, что научные исследования в большинстве случаев ведутся в отрыве от нужд практического здравоохранения. И уж вовсе обидно, когда результаты актуального открытия застревают на непомерно растянутых этапах внедрения в практику. И того хуже, когда вовсе не находят своего применения. Это не слова. Сегодня у нас скопились целые архивы научных открытий, которые устаревают, что называется, на глазах. Это порочная практика, требующая сурового осуждения.

— Кто же они, плетущиеся в арьергарде медицинского научно-технического прогресса?

— В первую очередь у нас есть серьезные претензии к Иркутскому научно-исследовательскому институту эпидемиологии и микробиологии, который возглавляет доктор В. Лебедев. Не лучше обстоят дела в коллективе Уфимского научно-исследовательского института глазных болезней (директор В. Демьянов) и во многих других научных центрах.

Оторванность от практического здравоохранения — застарелая болезнь и многих наших высших учебных заведений. Ни для кого не секрет, что более половины научных открытий в медицинских вузах республики (да и страны тоже) внедряется только на собственных кафедрах. Это приводит к сплошным парадоксам. Судите сами. Медицинская помощь населению, скажем, Хабаровского края оказывается без учета наиболее эффективных методов, разработанных в стенах Владивостокского мединститута. Иначе, как консерватизмом и вопиющей бесхозяйственностью, это явление и назвать-то нельзя.

Вот вам пример. Ленинградский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии (директор Т. Перадзе) неоправданно затянул решение вопроса об изменении схемы иммунизации детей против кори, и болезнь, к сожалению, все еще остается нередким гостем в нашем доме. В Германской Демократической Республике, где применяется советская вакцина, корь практически ликвидирована. Кто и что нам мешает добиться подобного результата? Ответ может быть только один — наша нерасторопность, а порой и элементарная безответственность.

Настало время еще раз напомнить, что успехи, достигнутые коллективом научных работников, измеряются не количеством докторских и кандидатских диссертаций, а конкретным вкладом их в теорию и практику здравоохранения в виде новых предложений по профилактике, диагностике и лечению заболеваний. Только при таком подходе можно рассчитывать на выполнение задач, поставленных XXVII съездом КПСС перед медицинской наукой.

— Вопрос улучшения здравоохранения волнует и жителей сельской местности. Не так ли?

— В Политическом докладе ЦК КПСС, с которым выступил Михаил Сергеевич Горбачев, и в решениях XXVII съезда партии развитие сельскохозяйственного производства обозначено первоочередной задачей. В этой связи медицинским работникам республики предстоит решить важнейшую социальную проблему — улучшить состояние здоровья тружеников села, сохранить их трудовую активность.

Пока же мы только можем со всей прямотой констатировать, что качество амбулаторно-поликлинического обслуживания сельских жителей оставляет желать лучшего. Здесь высока текучесть медицинских кадров, в результате чего многие участковые больницы оказываются недоукомплектованными. Особенно это относится к Свердловской области, где более двадцати больниц до сих пор не имеют необходимого числа специалистов.

Что касается своеобразной «палочки-выручалочки» — передвижных форм обслуживания, то они внедряются крайне медленно. Мы будем поправлять это отставание, потому что именно здесь, как мне кажется, ключ к первостепенному решению названной проблемы. К тому же я уже говорил, что в XII пятилетке будет построено немало первоклассных больниц и поликлиник. Многие из них получат «прописку» в сельской местности. Это поможет нам более активно проводить не только всеобщую и полную диспансеризацию населения, а и повсеместно противоалкогольную профилактику.

— Не могли бы вы рассказать чуть поподробнее о передвижных формах обслуживания, о которых вы вскользь упомянули? Известный опыт, я знаю, имеют в этом деле томичи.

— Научные подразделения Томского центра АМН СССР совместно с учеными медицинского института разработали многоплановую программу охраны и развития здоровья томских добытчиков нефти и газа. На бумаге все это выглядело многообещающе и убедительно, но как добраться до первопроходцев, если их разделяют сотни, а порой и тысячи километров тайги и непроходимых болот? И тогда по предложению академика Р. Карпова был снаряжен плавучий диспансер. Для этой цели оснастили обычное судно переносной современной диагностической аппаратурой — и... короче говоря, за два месяца плавания «команда» диспансера, а она была укомплектована из ведущих специалистов-кардиологов, обследовала сотни жителей Томской области, в числе которых было немало и сельских тружеников. Эту инициативу томских медиков, как мне известно, уже подхватили работники здравоохранения Тюмени и некоторых других областей.

В заключение хочу сказать: пусть не покажется читателям журнала, что в наших делах превалируют лишь негативные явления. О них говорилось для того, чтобы выявить причины, тормозящие развитие здравоохранения, медицинского обслуживания.

Мы с гордостью можем говорить о том, что у нас в стране передовая медицина, что на страже здоровья людей стоит самая большая в мире армия медиков. Однако после того, как XXVII съезд вдохнул в нашу жизнь свежий ветер перемен, все ценности приобретают ныне иную величину, требуют активного вмешательства людей во все сферы и механизмы ускорения, важным фактором которого является человеческое здоровье.

* * *

Публикуя беседу с министром здравоохранения Российской Федерации, редакция приглашает читателей журнала к разговору об актуальных проблемах здравоохранения.

«ТАБУРЕТКИ» ДЛЯ ГУЛЛИВЕРА

З. КРЯКВИНА

Фото С. ПЕТРУХИНА

Расширить разведочное и эксплуатационное бурение на нефть в Каспийском море...

Из Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

В какой-то миг вздохнули разом море и... люди. Гигантская, цвета воронова крыла стальная лестница, словно живая, подалась вперед и соскользнула в полутемную воду. Море, приняв в объятия громаду, на минуту-другую перелилось через край. Счастливые крики потонули в грохоте волн. Стометровое чудо улеглось на понтон, горделиво покачивалось среди брызг. А люди стояли на берегу, и усталые лица светились радостью: «В добрый путь!»

Так запомнился мне недавний спуск в Каспий стальной опоры на заводе глубоководных оснований. Это предприятие, пока единственное в Союзе, вырастает на южной окраине Баку. Строительство завода еще не закончено, а первая продукция уже сошла с его стапеля. Она предназначена для добычи нефти со дна морского.

По своей конструкции глубоководные опоры чем-то напоминают буровые вышки, только эти лестницы потолще, покрепче, повыше ростом, весом до и более 10 тысяч тонн. Стоят и «трудятся» эти «табуретки-гиганты», что называется, посреди самого синего моря, более чем по плечи в воде, возвышаясь над нею всего лишь на семь—десять метров.

Первая платформа, вернее, одна ее половина, отправилась отсюда в путь в августе прошлого года. Место ее работы на сегодняшний день — самое, пожалуй, перспективное месторождение на Каспии — имени 28 апреля. Не прошло и полугода, как дождалась выхода в море вторая половина. Они встретятся вдали от берега, соединятся воедино, и еще один искусственный остров появится на карте Каспия, а с ним еще восемнадцать буровых.

Сегодня на «28 апреля» на глубине от 80 до 120 метров «трудятся» четыре платформы, дают нефть, из которой получают самые высококачественные продукты.

А на заводе вовсю идет работа над третьей махиной, которая спокойно лежит на боку, с каждым днем набирая вес и приобретая форму.

Я познакомилась с лучшим бригадиром слесарей-сборщиков Вагифом Юсубовым. Это невысокий, крепкий бородатый человек с обветренным лицом. Он имеет солидный опыт, пришел сюда с завода металлоконструкций, где более десятка лет руководил монтажом. За плечами — профессиональное училище и вечерний энергетический техникум; он депутат Карадагского районного Совета Баку.

У Вагифа Юсубова под началом десять слесарей-сборщиков. Они съехались из разных районов Азербайджана. Возраст — 28—30 лет. Это и стеснительный Намизад Агаев, и всегда режущий правду в глаза Билал Бабаев, и веселого нрава Гисмет Бакиров.

Что привело их сюда?

Прежде всего романтика. Новое дело. «Мы молоды,— говорит Агиф Солтанов,— хотим побольше увидеть, узнать новые места и людей и хотим доказать на деле, на что мы годимся. Работа у нас нелегкая, под открытым небом, на высоте. Совесть не позволяет допускать халтуру. Здесь каждый из нас знает: наша работа будет проверена в экстремальных условиях, от нас зависят судьбы многих людей, которые будут жить и добывать нефть на нашем острове. И все мы работаем как надо». Ребята одобряюще кивают. Гисмет Бакиров откидывается на спинку стула, добавляет: «Мы вместе работаем, живем и насквозь узнаем друг друга».

Погода здесь не балует, ветры дуют почти каждый день, и если их нет, ребята даже скучают. На рабочем месте бывают неполадки: и инструмент не всегда под рукой, и освещение во вторую смену оставляет желать лучшего. И оплата, чего греха таить, ниже, чем они со своим разрядом могли бы заработать на другом, отлаженном производстве: простои тут часты из-за ветров и дождей. Но сборщики сердцем любят свою работу. По их словам, она интересна, и разнообразна, и очень ответственна. Они хорошо понимают, что завод еще строится, только набирает силу, и всех проблем, естественно, сразу не решить. «Мы знаем, как новым месторождениям нужны наши платформы,— замечает работающий по соседству бригадир сборщиков Василий Журавлев.— Мы полны сил и, думаю, поработаем как следует не один годок на монтажах, проводим в море не один стальной остров».

Я помню лица ребят, мастеров, руководителей завода, инженеров и конструкторов у причала: им тревожно и радостно. Через какое-то время они узнают, услышат о первой нефти, которую добудут на созданном ими стальном острове. И будут искренне радоваться успехам нефтяников, спешащих собрать «урожай» в морских глубинах и перелить его до капли на службу людям.

...Смена закончилась. Усталые и запыленные люди спускались вниз. Начальник цеха Олег Субхиевич Султанов говорит, что сегодня поработали неплохо. Время — деньги. Для нашего народного хозяйства и, конечно, для собственного кошелька. Мы еще раз возвращаемся к этой теме. Система оплаты на заводе сдельная. Она недостаточно эффективно срабатывает в открытых цехах, считают рабочие. По требованиям технологии сборщики должны прекращать работу при скорости ветра десять метров в секунду, а сварщики — даже 5,4 метра в секунду. Но недаром Баку в переводе — «город ветров»: по данным гидрометеослужбы, ветреных дней в году здесь 250. А оплата простоя сдельщика — всего треть тарифа. Подсчитано, что если рабочий в погожие дни перевыполняет норму в два раза, а в непогожие получает тариф, то его заработок составит не более 74 процентов тарифа.

Этот разговор мы продолжили в кабинете главного инженера завода Александра Олеговича Барабашева. Он согласен с рабочими во многом. Завод действительно расположен в особых климатических условиях. Отсюда и неправомерность общего положения на оплату простоев. Устарели и тарифные ставки. Средняя зарплата по Азербайджану сегодня 233 рубля, по Союзу—195, а тариф слесаря-сборщика четвертого разряда — всего лишь 115 рублей 98 копеек.

Пока мы разговаривали с Александром Олеговичем, в кабинет вошли директор завода Фаик Нифталиевич Султанов и его заместитель по производственным вопросам Рафик Садыкович Таривердиев. Фаик Нифталиевич в должности главы предприятия всего одну неделю, но нужды его знает очень хорошо. И это неудивительно. До прихода на завод он возглавлял трест «Каспморнефтегазпром». Султанов тут же вступил в разговор.

— Вопрос оплаты труда сегодня особо важен. Заводу требуются рабочие руки, а их нет. У нас работают 2400 человек, а потребность наша — 4500. К нам не очень-то идут. Во-первых, отдаленность от города, во-вторых, большая очередь на квартиру, а жилье строим медленно. Рабочие в основном живут в городке Приморске.

Но генподрядчику — строительным управлениям треста «Главбакстрой»,— как видно, неспоподручно строить там дома. В прошлом году выполнили план только наполовину. Не торопятся наверстывать упущенное и в этом. Кранов на стройке почти нет. Не оправдывает надежд жителей Приморска и трест № 7 Минпромстроя. По проекту строители должны сдать Дворец культуры в 1986 году, но пока заложен только фундамент. В таком же положении и больница на триста коек, срок сдачи которой перенесен на 1988 год. Проблема кадров определяется жильем. Нет жилья — нет рабочих. Новые квартиры в Приморске получили 800 семей, есть общежитие на 350 мест. Для такого молодого предприятия, как наш завод, этого очень мало. Сейчас сложилась такая ситуация. Возвращаются 120 рабочих, которых завод посылал в свое время для приобретения специальностей на родственные предприятия страны, а селить их некуда. Возвращаются на завод и ребята из армии, а принять их нет возможности. Одна надежда на базовое ГПТУ. В год оно выпускает около ста человек. Но, сами понимаете, дело у нас новое, оборудование нестандартное, автоматика. Нам нужны на первых порах специалисты высокого класса.

Говорили мы и о недостатках в материально-техническом снабжении, и о бедах, возникших при передаче завода новому ведомству — Мингазпрому, о нехватке инструмента и сырья, запасных частей, и о налаживании сотрудничества производства с наукой, в частности с Институтом электросварки имени Патона, и о том, что «Азглавэнерго» отказывается эксплуатировать энергетическую службу предприятия, и даже о том, что директор предприятия не имеет прямого выхода телефонной связи на заинтересованные министерства... Проблем, как видите, не занимать. Тем не менее в двенадцатой пятилетке заводу предстоит смонтировать 11 глубоководных оснований. Перед коллективом предприятия стоит огромной важности задача: как можно скорее выйти на проектную мощность—60 тысяч тонн металлоконструкций в год. Бригада слесарей-сборщиков Владислава Захарова выступила с инициативой: все заказы изготовлять в полтора-два раза быстрее, меньшим числом людей и при высоком качестве. Почин поддержали многие рабочие. На заводе идет соревнование под девизом: «Проектной производительности — рабочую гарантию». Задачи до 1990 года определены четко, и уже точно подсчитана та выгода, которую принесет нашему народному хозяйству их реализация. Глубоководные платформы, высота которых будет постоянно возрастать до 200 метров и более, позволят нефтяникам ускоренными темпами осваивать каспийский шельф.

Планов на будущее много, и долг заинтересованных министерств и ведомств — уже сегодня оказать столь необходимую молодому заводу помощь, повернуться лицом к этому экспериментальному в своем роде предприятию страны.

Повелитель богатырского крана Адалат Дунямалиев * Счастливого плавания.

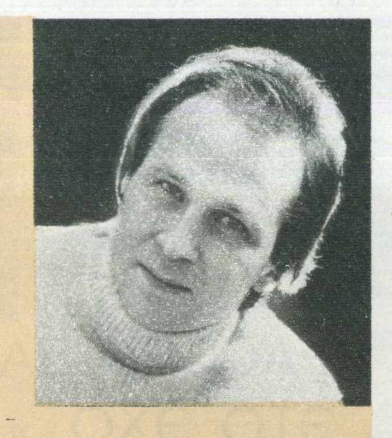
решения XXVII съезда партии — в жизнь!

Александр ГОВОРОВ

Утро года

БУРЯ

Кормовая, килевая,
Покряхтывая,
Кивая,
Вот какая качка!
Пену с клотика срывая,
Прет корабль,
как крачка.
Он кряхтит уже с одышкой,
Отдохнуть и мне бы...
Разглядел с трудом
За вспышкой
То ли дно,
то ль небо.
Выворачивает сдуру,
Жжет нутро и студит...
Пережить бы эту бурю,
А другой
не будет.

ВСПОМНИМ ДЕТСТВО

Вспомним детство! — а детство
было —
Лучше б громом его разбило!
И врагу, а не другу зазорно
Пожелать такого, сынок...

...Из борозд выдирали зерна,
Чтобы
что-нибудь
на зубок.
Все черева жгло от водянки,
Был я весь
Как сплошной синяк.
А поймали б —
За это мамке
Десять лет
И не меньше никак...

Вспомним детство!
В каком-то классе,
Лишь услышал — офонарел,
Мол, я в детстве своем
Мало каши —
Манной,
пшенной,
гречишной...—
Ел.
Я — не ел,
И во сне не видел,
И о пище такой не слыхал.
Так меня поговоркой
Обидел
Этот кто-то,
Что аж застонал.
И сквозь зубы шептал
ошалело:
— Мало ка-ши! —
Стонал по складам.

И за это неправое дело
Схлопотал тот остряк по зубам.
Я мечтал —
Вот прогоним немца,
И когда мы добьем на корню,
До отвала я каши наемся
И сестренку свою накормлю.
А вернутся с победою н а ш и,
И в землянку вернут пшенный дух,
Потому что
детские каши
Гитлер съел
(чтоб от них он распух).

Ох, сынок!
Никуда мне не деться,
Годы бедствий
Приснились опять...
Вспомним детство...
А было ли детство?
Вспомним детство...
А что вспоминать?..

В ПОЛНУЮ СИЛУ

Ночью перестрелка почек,
Вспыхнула во всю сирень.
Просинь...
Впрочем,
В общем,
прочерк —
Про-
зе-
лень...
Утро света,
Утро года,
Удовольствие ль продлю?

Приготовилась природа
К самому
Ве-
ли-
ко-
дню.
День такой настал,
Что даже
и не верится совсем.
Впрочем,
дальше.
В общем,
дальше
Всем —
по семь.
Зачем?
Затем,
Чтоб стоять за душу живу,
Не слукавлю,
Не словчу...
И живи
Не в полусилу,
А во всю,
живи во всю.

ВЕЧЕРЕЛО

Вечерело. Вереск цвел.
Может, чуть велеречиво
Начал я. Но как счастливо
Я тебя под ручку вел.

Вечерело. Вечер шел
Весело, легко, красиво.
Между двух недальних сел
Вся от пчел гудела нива.

Таял вечер, тай же, тай же!
Таял вечер, таял ведь.
Свечерело. Что же дальше?

Месяц в небе начал млеть.
Стало так легко, что даже
Мы могли б с тобой взлететь.

КАК БЫТЬ СО СВОЕЮ ЗВЕЗДОЙ?

Гора велика —
Да близка.
Звезда далека —
Да мелка.
Вот так и живешь
От броска
до броска
К себе ль,
От себя ль...

И не скрою —
Опять я умылся такою
Тоскою —
тоска
Бьет с носка.
С чего же она и о чем?
Себя ли тоскою умою?
...Плыви же,
Плыви,
Мой стремительный челн,
Плыви
по житейскому морю.
Туда
иль сюда,
Без следа
и суда
Мирских
и мужских пересудов...
Звезда далека,
Но мелка ли звезда?
Не видно покуда
Отсюда.
А как заглянуть —
По звезде ль этот путь?
Как быть мне
С звездой суетливой?
...Прекрасной быть хочешь?
Так,
милая,
Будь!
Не можешь?
Так будь же счастливой.

●

Мы с тобою дали крюку —
Путь был крут и лих.
Ты на счастье
Дай мне руку,
Радость дней моих.

И лети легко,
неспешно
Надо всей землей,
И шепчи,
Светло и нежно:
— Ненаглядный мой.
Проживем, не зная горя,
Милая моя.
И шепчу, тебе я, вторя:
— Не-
наг-
ляд-
на-
я...
В песне этой нет и крови,
Пой,
не хмурь бровей.
Нам бы только
крепкой кровли
Над любовью всей.
И с испытанной
любовью
Я и смел, и лих...
Справлюсь я с бедой
любою,
Радость дней моих.

ПЕНИТЕЛЬ ВОЛН

Гой, рысак соленых дорог,
Эге-гой!
Страсть благородна —
Свободна —
С тобой,
Пой,
дорогóй.
Дорóгой, полной извечных тревог,
Пенитель
волн
морских,
Слуш-шай:
— С у ш а!..
А случай,
будь строг —
В крепких руках мужских.
Всегда и везде
Шесть футов —
под киль
На весь
немыслимый путь.
Случай, будь строг,
Удачу подкинь,
Она не покинет пусть!
Пой:
— На рысях
Попадешь ли впросак
Под рынды
рыдающий звон?..
Гой,
соленых дорог рысак,
Пленительный
пенитель волн.

ЮРЛОВСКАЯ КАПЕЛЛА

Как пели! — и не мы ли снова
В капелле
имени Юрлова,
Что каждый вдруг
Дорос до слова,
От жажды петь
И звук иссяк...
И восхищенный до озноба,
Как кто-то свыше
Подал знак.
И подал так,
Что заплескалась,
Собравшись с силами, душа...

То замирая,
То ласкаясь,
То чуть вздыхая,
Чуть дыша,
Не с такта
в такт,
А из-за такта,
И — не со слов,
А из-под слов...
Напрягся зал...
И — все!
— И так-то! —
Беззвучно бросил сам Юрлов.
Как пели!—
и не мы ли снова
В капелле
имени Юрлова.
В капелле...
имени...
Капелла!..
Я молча слушал чуть дыша.
И чудилось,
Сама запела
Раскрепощенная душа.

◀ Рождается глубоководное основание для буровых * Водолазы Игорь Исмаилов и Рафик Султанов дали «добро»: опора к службе готова * Сегодня практиканты — завтра рабочие.

«СУМЕЙ РАССЛЫШАТЬ ЭТО ЭХО...»

Когда-то М. Горький, рецензируя первую книгу Исаковского, писал, что он пристрастен «к стихам, простая форма которых насыщена ценным содержанием». Простые по форме, искренние, взволнованные стихи Сергея Викулова, составившие новую его книгу «Разговоры-разговоры...», наполнены глубоким и весомым смыслом. Читая ее, соглашаешься с уже утвердившимся мнением, что после Исаковского, Прокофьева, Твардовского С. Викулов — один из самых ревностных, самых последовательных певцов крестьянской колхозной России. «Все мои радости и печали связаны с деревней»,— отмечает поэт. Добавим, с северорусской, а еще точнее — с вологодской деревней. С ее жизнью, бытом, с ее послевоенными трудностями и сегодняшними перестройками. С понятием хлеборобской чести, крестьянского патриотизма. Да и с самим вроде бы уходящим в прошлое понятием «деревня». Вот именно «вроде бы». Потому что для Викулова деревня, родимый дом — это символ отчей земли, «кровная навеки связь».

Сумей расслышать это эхо,
глубинным нервом ощутить,
чтоб, не плутая,
дальше ехать,
чтоб не вслепую дальше плыть.

«...Эхо разговора, что меж собой ведут века». Стихотворение «Память рода», откуда взяты цитаты, программное в смысле ощущения художником памяти истории, памяти малой родины, памяти той «цепи, которой нет начала и не предвидится конца!».

«Разговоры-разговоры...» ...Название книги кажется поначалу этаким игриво-праздничным. Но беседует поэт со своим читателем на вполне серьезные темы. Здесь и отношение человека к труду, обостренное внимание к нравственному здоровью современного крестьянина, здесь и проблемы пьянства, алкоголизма, стремление некоторых пожить за чужой счет. И еще один четко обозначенный акцент разговоров: цена слова. Не краснобайского, «обещалкиного», пустого, а слова-труженика, слова дела.

И скажу вам:
только то словцо
до души в конце концов
достанет,
что не сверху вниз,
не с пьедестала,
а глаза в глаза, лицо в лицо
и с доверьем сказано...

Читая книгу, беседуешь с мудрым, опытным человеком, прямым в мысли и в слове, заботливо обращенными в день сегодняшний. Простота, доступность общения поэта с читателем, весомость его разговоров-раздумий — отличительные свойства книг.

Можно обмануть свою невесту,
и жену, и мать, коль нет
стыда,—
землю же —
да будет вам известно,—
землю не обманешь никогда!

Вот об этом, самом главном, самом весомом — о взаимоотношениях между землей-кормилицей и человеком, и ведет «Разговоры-разговоры...» поэт с читателем.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Сергей Викулов. Разговоры-разговоры... Стихотворения и поэма. М., «Современник», 1985. 158 с.

И. ТОЛКАЧЕВА — **Фото М. САВИНА**

НАШ КОМПЬЮТЕРНЫЙ КЛАСС

Мы познакомились с лауреатом премии Ленинского комсомола Николаем Петровичем Барановым в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства. Он приехал сюда из Рязани, где преподает в СПТУ. Вместе с Владимиром Георгиевичем Кузнецовым, доцентом кафедры ЭВМ Рязанского радиотехнического института, они налаживали на выставке экспозицию своего дисплейного класса. Здесь же были и другие авторы работы — молодые преподаватели училища и студенты С. Серегин и Е. Матвеев.

...Класс рязанского СПТУ-8, где разместился вычислительный центр училища, открыт всегда. В любое время ребята могут зайти сюда, поиграть на машинах в увлекательные игры, если ЭВМ свободны от основной работы, решить задачу, а в итоге — поучиться.

Сейчас много говорят о насущной необходимости ЭВМ для обучения и производства. Но подчас в школах и училищах преподаватели, пройдя двухнедельный (!) курс по вычислительной технике, обучают ребят работать на ЭВМ, не имея ЭВМ! Нередко и в цехах сиротливо пылятся роботы. Рабочие смеются: «Начальство приехало, пошли робота включать!»

Плохо, когда есть современные автоматы, но не умеют на них работать, плохо и когда изучают какое-то живое дело, не видя его в глаза, не понимая, каким образом оно сможет стать главным делом твоей жизни.

В рязанском ПТУ нашли равновесие между «теорией» и «практикой». Приобрели оборудование, составили программу обучения, а главное, стали реально помогать производству.

Николай Петрович Баранов работал старшим мастером в СПТУ-8. Одновременно он заканчивал Рязанский радиотехнический институт. Встретился на подготовке дипломного проекта с доцентом кафедры электронно-вычислительных машин Владимиром Георгиевичем Кузнецовым. Вместе они и решили:

— ЭВМ! Вот что нужно ребятам в училище!

Вскоре был организован первый кружок технического творчества. Баранов руководил, а В. Г. Кузнецов курировал, помогал составлять и разрабатывать программы. Сложнее же всего было научить учащихся работать на машинах, заинтересовать их непривычным делом.

— Приходилось учитывать, что ребята практически не имеют знаний, необходимых для освоения ЭВМ: чисто технических, математических и языковых. Программа для машины составляется на основе английских ключевых слов. Мы решили разбить обучение на два этапа: первый — изучение калькуляторов, и второй — переход на вычислительные машины,— рассказывает Владимир Георгиевич.

Интересен составной элемент обучения — программы-игры. «Забавляясь» машиной, ребята учатся работать на ней. Но самое увлекательное — следующий этап.

— Мы поняли, что невозможно по-настоящему понять машину, не используя ее для важного хозяйственного дела. Ребята должны видеть в ЭВМ не только игрушку, но и свой будущий инструмент. Пусть он станет для них таким же привычным, как молоток и тиски,— это слова Николая Петровича Баранова.

Ребята предложили свои услуги базовому предприятию — производственному объединению «Химволокно». И нашли там поддержку. Получили первое задание: определить причину неполадки работы компрессора. Определили и заслужили благодарность. Контакт с настоящим делом окрылил и ребят, и их преподавателей.

Так родилась творческая связь: институт — училище — производство.

В этом сугубо, что ли, техническом деле огромную роль играет энтузиазм, тот «перпетуум мобиле», который движет человеческим прогрессом. Это он заставляет Кузнецова, Баранова и их товарищей «по дешевке» покупать негодные платы и корпуса вычислительных машин и монтировать из них новые ЭВМ для училища. Сидеть ночами, продумывать сборку, перепаивать, собирать, составлять новые программы, искать самые разные возможности применения машин для работы на окружающих предприятиях. И все это по большей части бесплатно, потому что нет положения, которое разрешало бы училищам выполнять хоздоговорные опытно-конструкторские работы.

В ПТУ теперь стало интересно всем: и преподавателям, и учащимся; оно стало престижным. Сюда стремятся поступать, едут поучиться и педагоги.

— Мы мечтаем о широком использовании нашего вычислительного центра для предприятий города,— рассказывает Н. П. Баранов.

— Согласитесь: две ЭВМ для одного училища и только для училища — это роскошно. Можно составлять множество программ — и для расчета размеров деталей, учета продукции, составления рецептов, хотя бы на той же кондитерской фабрике. Как передавать информацию с нашего вычислительного центра на производство? Мы продумали: на предприятиях сделать специальные приставки к телефону. Кладешь трубку на рычаг — и программа идет в работу...

Планы, расчеты и постоянный поиск — вот будни инженеров и ученых, преподавателей и учащихся рязанского СПТУ-8, его нового вычислительного центра.

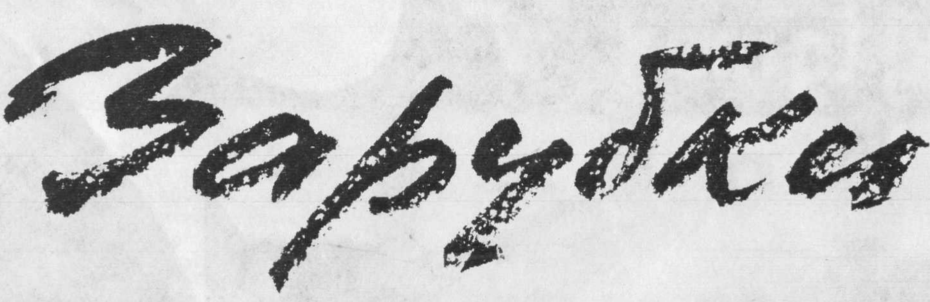
Сергей Корчагин уже знает: новая техника требует предельной собранности.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ «ИВНИЦА»

Федор СУХОВ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

1

На закате солнца, когда вновь дал себя знать хоть и небольшой, но круто заворачивающий морозец, мы благополучно вошли в раскинувшееся над глубокой балкой село Житень. Думалось, что это село станет нашим ночным пристанищем. Нужно было передохнуть и людям, и лошадям. Люди-то уж ко всему привыкли, во все втянулись, а лошади, они заметно сробели, приморились. Все получилось как бы само собой, мы приткнулись к хатам и выпрягли лошадей.

— Вторая рота, строиться,— не приказал, а как-то тихо проговорил командир роты Заруцкий, когда мы выпрягли лошадей, когда развели их по соломенным закуткам.

Повзводно построились, стали ждать дальнейших распоряжений.

— Проверить патроны в подсумках!.. Примкнуть штыки!

Проверили патроны, примкнули штыки и мысленно простились с теплом так долго поджидавших нас, сразу пригорюнившихся хат.

Двинулись по упавшей в буерак и круто выползающей из него санной дороге, оставив возле лошадей по одному бойцу из каждого взвода.

2

Стыла вечерняя, багровеющая сквозь лесную заросль, угрюмо насупленная заря; она упала на снег, отсвечивалась на боковых окнах стоящих над буераком покидаемых нами хат, тревожно ложилась на лица молчаливо шагающих бойцов, сукровично стекала с мерцающих холодной сталью, обнаженных штыков. Батальон поднимался, выходил на открытое поле, в голове батальона капитан (он стал капитаном) Брэм и капитан Салахутдинов. Прорысил на своем игреневом скакуне лейтенант Захаров. Достаточно было взглянуть на его лихо заломленную шапку, чтобы понять, куда мы идем. По всей вероятности, предстояла встреча, теперь уже не с мадьярами, с самими немцами. Наше, если можно так сказать, обозное наступление кончилось. Немцы решили придержать нас.

Прямо на зарю, на багрянеющее кровоподтеками небо пустил своего игренька лейтенант Захаров. Пригибаясь, он скакал к отдаленно стоящим ометам. Не доскакал: стукнул немецкий пулемет, споткнулся игренек, припал на передние ноги. Лейтенант подался вперед и вылетел из седла через гривастую, длинно вытянутую шею. Билась о заклекший снег конская голова, но подняться не могла, зато сам лейтенант поднялся, стоял с опущенными руками. В подобных случаях коней жалеют. Лейтенант Захаров не пожалел своего игренька, не нажал на спусковой крючок висящего на груди автомата; он только снял седло и, взвалив его на свои плечи, понуро зашагал обратно.

— Сволочи! Какого коня подстрелили!— возмущенно проговорил лейтенант, когда подходил к стоящему на взгорке комбату. Комбат не отозвался, он безмолвно каменел своим открытым всем ветрам, свежо и чисто выбритым лицом; чувствовалось: комбат не по своей воле вывел нас в открытое поле, всегда решительный, он не решался подать ту команду, которую подают в подобной обстановке.

— Батальон, к бою! — Эта команда была подана капитаном Салахутдиновым.

Новые положения боевого устава пехоты, которые мы каждодневно штудировали под Воронежем, ясно и точно определяли место командира в наступательном бою. Не только командиру роты, но и командиру взвода по новым положениям предписывалось держаться позади своих бойцов, что способствовало, по уразумению составителей реформированного устава, правильному ведению наступательного боя и охраняло командный состав от излишних потерь. Личный пример командира не исключался, но инициатива первого шага теперь принадлежала рядовому бойцу. И рядовые бойцы знали это уставное, четко определенное положение. Знали это положение и Тютюнник, и Наурбиев, знали его и Адаркин, и Фомин, и всегда печальный Загоруйко, знал весь мой взвод, знал Заика, знал Волков, знал старший сержант Ковалев, и все-таки командир, и прежде всего командир взвода, первым поднимался, первым шел в атаку. Поданная капитаном Салахутдиновым команда насторожила меня, я тронул затвор автомата, но еще не сделал первого шага, не рванулся к отдаленно стоящим ометам...

— Рота, вперед!— Эта команда хлестнула меня по захолонувшей спине, я рванулся вперед.

— Товарищ лейтенант!— Я вздрогнул, я не думал, что меня окликнет мой ординарец Заика; я оглянулся и сразу придержал себя: куда-то запропастился Фомин, не видно Тютюнника, не слышно Наурбиева.

Завечерело, заслезилось первыми звездами, видать, не равнодушное к земной юдоли, позимнему низкое небо. Заря попятилась, отодвинулась от направленных в ее душу студено и остро мерцающих штыков. Может быть, попятились, отодвинулись и немцы, может, мы зря обнажили свои штыки. Поднялась, круто выгнулась ракета, она осветила Фомина, Тютюнника, Наурбиева, я увидел их лица, которые зеленели как бы вышедшей из-под снега, неживой, убитой морозом озимью.

— Ложись!

Я крикнул и припал к заснеженной земле. Близко (потому и страшно) стукнул пулемет, посвистывая (как ветер), пролетели над моей головой трассирующие пули. Обстановка складывалась не в нашу пользу, было видно, что мы не сможем сокрушить оборону противника, не сможем приблизиться к отдаленно стоящим ометам.

— Вперед!— послышался голос младшего лейтенанта Заруцкого.

Встаю, бегу вперед, но вскоре снова спотыкаюсь о стук яростно вспыхивающего пулемета. Приподнимаю голову. И тогда-то, фонтанно рассыпаясь, ударил снаряд, он ослепил меня нестерпимо ярким светом.

— Горю, горю я, братцы, помогите!

Кто-то горит из моих бойцов, я ползу на крик горящего человека.

— Товарищ лейтенант, термитными бьет, товарищ лейтенант, сгорите!— слышу чей-то предупреждающий голос.

Шипело на снегу, как окунутые в воду головешки, упавшее на землю звездное небо.

— Товарищ лейтенант, ползите сюда!

Я ползу на позвавший меня голос, голос ефрейтора Заики.

— Смотрите, какое укрытие...

Что за укрытие? Откуда укрытие? Я не думал ни о каком укрытии.

Перед моими глазами что-то бугрилось. Может быть, какая-нибудь копешка? Нет, не копешка, бугрился и все еще дышал, упав на перебитые передние ноги, игренек лейтенанта Захарова. Ничего не скажешь, лучшего укрытия нельзя было и найти. Но ведь снова может послышаться команда «вперед», тогда... Тяжело тогда будет подниматься из-за лошадиной, тепло дышащей спины.

Игренек, почуяв живых людей, приподнял голову, повернул ее сперва к Заике, потом ко мне и утробно, едва слышно простонал. Попросил от нас помощи, не зная, видимо, что мы решили укрыться за его лошадиной спиной.

Игренек приподнялся, выпростал из-под себя здоровые задние ноги. Его вдруг окатило зеленоватым светом высоко взлетевшей, выпущенной из-под притихшего было омета, погусиному шипящей ракеты. Шевельнулись, как от запаха лугового сена, в кровь разбитые о мерзлую землю лошадиные губы, раздулись мокрые от подтаявшего снега ноздри. И тут-то по раздутым, высоко приподнятым ноздрям прошлась короткая пулеметная очередь. В последний раз ткнулся игренек во все еще зеленеющий снег и, можно предположить, испуская дух, он думал о внезапно явленном счастье, об увиденном среди зимы весеннем луговом раздолье...

За зеленой ракетой, с тем же гусиным шипом, рассыпалась обыкновенная осветительная ракета, она широко раздвинула вечернюю (а может быть, уже ночную) темь и явственно обнажила линию немецкой обороны. Немцы забаррикадировались, они, как из булыжника, возвели из комьев снега что-то похожее на высокую стену. Так вот какие они, эти немцы! Они не только свыклись с нашей русской зимой, но надумали надежно укрыться ею от наших винтовочных и автоматных пуль.

Наши силы были явно недостаточны. Одними винтовками и автоматами мы не могли сокрушить, пускай из снега, пускай не такую великую, но все же внушительную стену. Вольно или невольно мы прилипли к заметеленной, отпетой снежными буранами земле. Притих Заика, да и все притихло. Одни снежинки, только снежинки кружатся, кружатся, хотят припасть на ствол моего автомата, но опасаются, боятся. Потом снежинки смелеют, они садятся на мои ресницы и, мельтеша, холодят, остужают широко открытые глаза, и мне кажется, что я лежу в сплошном березовом лесу, лежу один, но я знаю, что меня кто-то должен поднять, я поднимусь и навсегда распрощаюсь и со снежинками, и с прильнувшим к моим глазам, незабвенным светом явственно привидевшихся берез.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Сонм уходящих, что за сонм? Непонимаемое раньше слово вдруг обрело осязаемую плоть, передо мной предстали люди, живые, люди, убитые, но живые... Младший лейтенант Ваняхин, лейтенант Белоус... Младший лейтенант Ваняхин, он близко-близко придвинулся ко мне.

Три секунды осталось жить... Почему-то он не повторил этой, уж больно памятной фразы. Не знаю, моими, своими ли губами он прошептал исповедь великой любви ко всему сущему на всем белом свете, на всей земле.

Взлетела еще одна осветительная ракета. Приподняв положенную на приклад автомата голову, я попытался оглядеть примятое нашими животами, убитое термитами поле. И что удивило меня: на убитом поле все еще что-то шевелилось, что-то жило, расстилалось полами шинелей.

Батальон скрытно, по два, по три человека отходил к темнеющему за моим затылком, молчаливо стынущему лесу. Появилась надежда на более подходящее укрытие, хотя ни я, ни мой ординарец Заика не были в обиде на бездыханно лежащего неподалеку от нас игренька, он храбро умер, приняв на свою душу предназначенные для нас пули.

Скрытный, без какой-либо паники, как бы заранее обдуманный отход позволил батальону сохранить еще неутерянную боеспособность, предпринятая атака не удалась, но она не воспринималась как жестокое поражение, скорее всего, ее следует считать разведкой — разведкой боем. По крайней мере, так говорил младший лейтенант Заруцкий, когда мы, отодрав примерзшие к примятому снегу животы, собрались всей ротой на опушке леса.

Я давно чуял, что в моем взводе кого-то недостает. Не слышно было Фомина, не расправлял могутные плечи Симонов.

— Симонов, где он у нас? — спросил я стоящего передо мной Тютюнника.

— Вин, товарищ лейтенант, при конях.

— Где при конях?

— В Житене.

— А где Фомин?

— Фомин убит, товарищ лейтенант, — четко, не раздумывая, а потому и страшно, выпалил младший сержант Адаркин.

— А кто сгорел?

— Фомин сгорел, — теперь совсем по-другому, как-то понуро ответствовал младший сержант.

Подошел командир роты, он не спросил ни об убитых, ни о раненых, он только сообщил мне, что по приказу командира батальона взвод мой назначается в боевое охранение.

Таким образом, опушка леса становилась моим ночным пристанищем.

— Не горюй, дорогой, я тебе свою шубу оставлю...

Годуадзе, откуда он взялся? Я ведь о нем на какое-то время забыл, он как-то выпал из моей памяти.

— Товарищ старший лейтенант, а вы сами, как вы без шубы?

— Я на печи буду отогреваться, на печи.

Распахнутая шуба долго не хотела выпускать из своих объятий потряхивающего округлыми плечами, пожилого человека. Я тащил за рукава, тащил со всей силой и — стащил. Шуба легла к моим ногам, ступнями ног я ощутил ее медвежью тяжесть.

3

Боевое охранение. Я понимал, что это такое, и не думал закутываться в предоставленную в мое распоряжение шубу. Всю ночь придется держать ушки на макушке: немцы-то совсем близко, их-то, наверное, много, а нас, сколько нас осталось?

Осталось нас десять человек. Впрочем, не так уж мало для боевого охранения.

— Тютюнник, змэрз чи ни?

— Ни, товарищ лейтенант.

— А Наурбиев? Озяб, Наурбиев?

Тот промолчал, наверное, не понял, о чем я его спросил.

— Наурбиев, шуба тебе нужна?

— Моя на посту, моя не разговаривать.

Посмотрел на мнущегося, зябко поеживающегося Адаркина.

— Адаркин, полезай под шубу!

— Вы сами полезайте, товарищ лейтенант...

Подумал-подумал, а подумав, залез под шубу, залез под нее и Адаркин, залез Загоруйко.

А Заика совсем поблизости нашел такое убежище и от заползающего за шиворот мороза, и от круто дующего с поля ветра, что, пожалуй, сам полковник Сыроваткин позавидовал бы, сказал бы, что противотанкисты умеют выбирать выгодные позиции.

— А яки мы противотанкисты? Мы зараз пехота, — непременно поправил бы полковника рядовой Тютюнник.

Прояснился затуманенный, склоненный над лесом лик полной, блинно расплывчатой луны. Было видно, как путано волокнились бегущие с юга на север облака. Явственно вырисовывались стволы деревьев, заметней стала издалека видная, крапленная чернью белизна берез, светлела жидкая зелень осин. Корявая кора дубов все так же темнела, но каждый дуб обозначался всей своей кроной, всем абрисом.

Под двумя заматерелыми, стоящими чуть ли не вплотную друг к другу дубами Заика выгреб из глубокой яруги снег и чиркнул спичкой. Курить, насколько мне помнится, Заика не курил. Возможно, надумал разжечь костер?.. Спичка погасла, оставив в остуженном вызвездившемся небом воздухе резкий запах серы.

— Хлопцы, идите сюда! — На зов, резво донесшийся из яруги, первым подался Тютюнник, он осторожно ступал по Заикиным следам...

Прошлогодней, схваченной еще осенними первыми морозами и пересыпанной, как солью, тяжело навалившимся снегом, неохотно потрескивающей листвы явно было недостаточно, чтоб обогреть хотя бы одни наши ладони. Наломали сухих веток, и наш костерок воспылал горячей любовью к нам, стал веселее и приветливее. Он осветил что-то похожее на парашютики — семена липы, они висели над нашими головами. И Тютюнник уже жует их. Я не стерпел, тоже потянулся к невысоко висящим парашютикам и испытал, доныне не забытое, ни с чем не сравнимое чувство утоления остро ощущаемого голода. Впоследствии я пробовал много всяческих деликатесов, но древесное масло липового семени все время ощущал на своем языке.

— Стой! Кто идет?

— Свои.

— Кто свои?

Не думали мы, что наш костерок заметит командир роты, оказалось — заметил. Заметил и прислал к нам своего ординарца.

— Товарищ лейтенант, командир роты приказал немедленно... прекратить безобразие.

Безобразие было прекращено. Весело и приветливо горящий костерок потушен. Потушена последняя, единственная радость, которая иногда выпадала на долю тех, кто непосредственно соприкасался с противником, с его передовыми оборонительными постами...

Глянули на небо, глянули так, как глядят на циферблат часов, с нескрываемым желанием узнать: не начал ли брезжить новый, скачущий на белом коне, в сущности-то, может быть, последний наш, ничем не отвратимый день?

Мы ведь знали, что нам придется выйти из своего убежища, знали, что снова застучит немецкий пулемет и что снова белой молнией падут на наши головы термитные снаряды. И все-таки мы с нетерпением ждали своего белого коня.

Не утоленный липовыми парашютиками голод обострил наше зрение, наш слух, наше обоняние. Виделась каждая звездочка на небе, виднее сделался лес; различалось каждое дерево: отчетливо выделялись осины своими зеленоватыми стволами и растопыренными, как пальцы, стоячими ветками, светились гладкой корой ясени, молодые, они гнулись под тяжестью наваленного на их хрупкие спины зачерствелого снега.

Я видел, как поднял голову Тютюнник, поднял и насторожился.

— Завтрак несут, товарищ лейтенант, — обрадованно проговорил сидящий возле меня Заика.

— Где, кто несет?

Заика шмыгнул носом. А я встал и пристальней всмотрелся в синеющие между деревьями и широко выходящие в открытое поле просветы.

— Старшина идэ, — оповестил пригнувшийся под снежной ношей, усыпанный туманно нависающим инеем, непролазный лес.

Старшина Шаповалов, наконец-то! Он обрадовал нас, пускай не прямо с пылу-жару, но добрыми кусками отварной говядины.

— Не взыщите, хлопцы. Кухня все еще догоняет нас. Мясо в печи варилось.

Мясо не то чтобы заледенело, оно ощетинилось хрупкими иголками похрустывающего на зубах морозца, но есть его можно было. Зато хлеб, как мы с ним ни бились, не давался; даже Тютюнниковы зубы ничего не могли с ним сделать; буханки казались стальными болванками, можно было бить ими по немецким танкам...

Мы и не заметили, как развиднелось, как проскакал мимо нас белый конь.

Утренняя заря уже сошла, должно было выкатиться солнце, но оно медлило и, может быть, поэтому не шевельнулся ни одной снежинкой, выжидательно притих околдованный длинной зимней сказкой, неисхоженный, лишь кое-где тронутый заячьими лапами, удивительно уютный, не по-зимнему приветливый лес. Ах, как бы было хорошо, если б старшина сказал, что получен приказ окопаться, и не где-нибудь — обжиться вот под этими дубками, под этими березами. Ничего не говорит старшина, он молчит и почему-то медлит, не уходит от нас.

— А как у вас, друзья мои, с боеприпасами?

Я не знал, сколько у Тютюнника осталось патронов, но я знал, что Тютюнник без патронов свой самопал не оставит, не оставит и Наурбиев. Достаточно глянуть на их вещмешки, чтоб убедиться, что есть кое-какой неприкосновенный запасец.

С пустыми дисками и с пустым вещмешком оказался один Заика, он выпалил все свои патроны. Что ж, парень воспользовался выгодной позицией, стрелял из-за лошадиной спины.

Старшина вытащил из засаленного, воняющего ружейной смазкой мешка три цинка, два с винтовочными, один с автоматными патронами.

Автоматы были у меня, у Заики, у старшего сержанта Ковалева, у всех остальных были винтовки.

Всегда улыбающийся, весь светящийся Заика придвинулся к открытому цинку и полной горстью зачерпнул дразнящих солнцем, словно обсосанных чьими-то губами леденцов. Он набил ими и свои, и мои диски... Теперь можно закутаться в шубу и немножко прикорнуть.

Нет, не прикорнул я. Шуба как бы спрятала меня, отделила от Адаркина, от Волкова, от всех живых людей, я очутился в одиночестве, а одиночество на войне страшнее всякой пули. Начался какой-то кошмар: виделись оскаленные лошадиные зубы, немцы виделись — окружили меня, хотят взять в плен. Я вынимаю трофейный браунинг, нажимаю на спусковой крючок, но (что за чертовщина?!) не слышу выстрела. Так что же мне делать? Притвориться мертвым?

Притворяться я не научился и, если умирать, так умереть с открытыми глазами. И я открываю глаза...

На опушку леса, из его овражистой глубины, по пояс увязая в чистом, осыпанном, как веснушками, древесными семенами снегу, пробирались, один за одним, бойцы нашей 2-й роты, среди них я заметил и командира роты и замполита старшего лейтенанта Годуадзе. На миг мне подумалось, что нас могут сменить и отправить в Житень на отдых.

Замполита Годуадзе можно было узнать только по усам да по суковатой палке, на которую он тяжело опирался, поднимаясь к нашим приметно темнеющим корявыми стволами, раскидисто стоящим дубкам. Старший лейтенант обволок себя неведомо где раздобытым ослепительной белизны маскхалатом и стал смахивать на некогда виденного мной в кино белого медведя.

— Ну как, папанинцы, вы живы-здоровы?

— Умирать мы не собираемся, товарищ старший лейтенант! — Молодец Заика, знает, как ответить, знает, что сказать в любом, казалось бы, не очень располагающем к безудержному оптимизму случае.

— Правильно говоришь! Умереть мы всегда успеем. Жить надо! Воевать надо, за себя, за свою Грузию. Так, что ли, Наурбиев, так я говорю?

А Наурбиев, он понял, понял и я, что кому-то из нас и жить-то осталось две-три минуты...

Младший лейтенант Заруцкий взмахом руки подозвал меня к себе и, держа перед собой планшет с прикрытой целлулоидом картой-двухверсткой стал объяснять предстоящую боевую задачу.

Я видел на карте село Житень, зеленый массив леса, длинную, хорошо заметную линию грейдерной дороги, которая соединяла Медвенку и Большое Солдатское, за дорогой небольшой населенный пункт — Шагарово.

— Наша задача,— тихо, с едва заметной дрожью пухлых, по-женски чувственных губ, разъяснял младший лейтенант,— наша задача,— повторял он,— выбить противника из Шагарова и, развивая наступление, занять село Волоконск. Нашему батальону придается батарея семидесятишестимиллиметровых пушек. Сигнал первого броска — артиллерийский залп.

А залпа-то и не было. До войны я не знал, как открывают шампанское, и, если б знал, то, наверное, подумал, что за моей спиной, где-то в глубине леса, в овраге, раскупорили сначала одну бутылку, потом другую...

Мы вышли из своего ночного убежища. Говорят, что человек, когда он идет в атаку, начинает звереть, ему будто бы ничего уже не страшно, он жаждет только одного: как бы скорее сблизиться с противником. Жалкие, пустые россказни! Каждому из нас приходилось встречать на пути глубокую, издалека ощущаемую реку, тот самый Рубикон, который во что бы то ни стало надо перейти. Рубикон не только глубок, он и широк, он пугает непроглядно черной, до времени невозмутимо молчаливой бездной. И какой бы ты ни был пловец, какой бы ты ни был храбрец, ты не можешь без дрожи захолонувшей души сразу, безрассудно броситься в эту бездну.

Я не завидовал тем, кто остался на берегу, на опушке леса, но особо и не хорохорился, а когда я увидел возле себя старшего лейтенанта Годуадзе, мне показалось, что не я один, не один мой взвод, не одна наша рота — весь лес, клены, дубы, ясени, все рванулись вперед и без крика, без того «ура», без которого, как принято думать, будто бы не обходится ни одна атака.

— Не спеши, дорогой, не спеши...

А я, видимо, спешил, и старший лейтенант решил придержать меня за хлястик бьющей по коленям, натянутой на меховую безрукавку, обыкновенной красноармейской шинелишки. Мудрый грузин, он берег меня, берег и Наурбиева, и Тютюнника — всех нас берег, так мне думалось, так казалось. Подумалось и другое: может быть, старший лейтенант не верит в успех предпринимаемой атаки...

Как-то невпопад била батарея 76-мм пушек. И все-таки мы не теряли, как говорят в таких случаях, боевого духа, никто из нас не поклонился первым, скорее всего винтовочным, тоненько поющим пулям. А вообще-то пулям на войне и не принято кланяться, больно мелкие пташки, да и не пташки — пчелки. Они пели, они летели, чуть не задевая за наши уши, искали подходящего взятка.

Мы выходили на открытое поле, злее, назойливей и певучей кишели, роились, чмокали под носками валенок разрывные и неразрывные, трассирующие и нетрассирующие пули. Я ждал своей, отлитой на Одере или на Рейне, может быть, давным-давно ищущей мой взмокший лоб пули.

Я не только ждал, я сам бежал навстречу этой своей пуле...

Помню, метались, боялись прикоснуться к подминаемому нами полю, все такие же дурашливые снежинки, помню, что на нашем пути опять встали, нет, не вчерашние, другие ометы все той же ржаной или пшеничной соломы. Из них-то, как из ульев, сыпались смертельно жалящие пчелки.

— По скирдам бей! Зажигательными, зажигательными...

Старший лейтенант бьет из вскинутого к плечу автомата по ближнему омету, бьет по нему зажигательными пулями и Наурбиев. Все мы стреляем на бегу, припадая и приподнимаясь, предвкушая запах белого соломенного дымка.

— Приготовить гранаты!

— Гранаты подготовить!— подхватил мою команду все время вырывающийся вперед Заика. Я видел, как он, приподняв над головой и развернув плечо, со всего маха швырнул к заскирдованной, накрытой снегом соломе одну за другой две лимонки. Солома за-

дымилась, дым шел прямо на нас, в нем затерялись Тютюнник, Адаркин, Волков, выделялся только своей белизной маскхалат замполита Годуадзе.

Из-под омета, как мыши, выбежали немцы. Они, пригибаясь, покидали свои норы. Заика хлестнул из автомата, что-то мышино-серое споткнулось, упало в снег.

Всем взводом мы рванулись к бело и густо дымящемуся омету.

Сразу же бросились в глаза стреляные гильзы, они еще не успели остыть. И противогазные болваночно круглые, с каннелюрами коробки. Валялись на снегу и два байковых одеяла — к ним особо приглядывался Наурбиев. Других трофеев вроде не было.

Дальше мы не знали, что делать, вопросительно смотрели на замполита, а он сам был как бы рядовым. Пришлось ждать связного от командира роты или от самого командира батальона. Мы ведь первые сблизились с противником и одержали пускай не большую, но все же победу. Вскоре отвоеванный нами омет стал ротным командным пунктом. Младший лейтенант Заруцкий понял, в чем дело, и убрался с опушки леса; он решил восстановить с нами прерванную на какое-то время непосредственную связь.

В белом дыму горящей соломы невозможно было разглядеть лица сгрудившихся в одно место людей, я видел только неподвижно расширенные глаза младшего лейтенанта, видел черно круглящийся в них истошный крик:

— Рота, вперед! Адаркин, Загоруйко, вперед!

Мы снова рванулись вперед, теперь уже к недалекой, бугрящейся комьями вылопаченного снега столбовой дороге.

Снова зачмокали разрывные и неразрывные, трассирующие и нетрассирующие пули.

— Тютюнник, за мной! Наурбиев, за мной!

Старший лейтенант Годуадзе выделялся среди нас не одним маскхалатом, но и своей, не замечаемой мной ранее стремительностью. Не только Наурбиев, но и я, более ходкий на ноги, едва поспевал за прикрытыми белой материей, ломающими заслюдяневший снег валенками.

— Давай! Давай!— Годуадзе обернулся ко мне и не споткнулся, нет: он на какую-то долю секунды остановился с приподнятой, зовущей рукой, а потом рука опустилась, подкосились ноги, и все тело в полуобороте в мою сторону, тяжело, как дерево, рухнуло — лицом и грудью к плачущему чистыми, непорочными снежинками, мглисто затученному небу.

Я сделал еще один рывок и припал к взбугрившемуся снегу.

— Товарищ лейтенант, Адаркина ранило...

Оборачиваюсь, гляжу на Адаркина, на его перекошенное нутряной немощью лицо; изо рта на подбородок пролилась струя свежо алеющей крови.

Что же делать? Я гляжу на Заику; Заика рванулся к Адаркину, он понял, что нужно младшему сержанту...

Младший сержант Адаркин, ты теперь имеешь право отползти назад, к дымящемуся окопу, к опушке леса, а там недалеко и Житень, недалеко, наверное, и медсанбат, ефрейтор Заика поможет тебе. Не помог. Младший сержант запрокинул голову, он долго не закрывал глаза, вскоре их прикрыли снежинки, они все гуще и гуще сыпались на наши винтовки, на наши автоматы.

Поднимаю голову, вижу Тютюнника, Наурбиева, Заику. Не вижу Загоруйко, Волкова, Ковалева.

А небо все сыплет и сыплет, и уже не отдельными снежинками, начало лепить непроглядными хлопьями, залепило Тютюнника, Наурбиева, автомат мой залепило.

— Тютюнник! Наурбиев!— Лежат, не поднимают головы.

Сделалось жутко, одиноко, одиноко потому, что я потерял из виду своего ординарца, ефрейтора Заику. Крикнуть нельзя: немцы услышат, они близко-близко.

Что же делать? Ничего не сделаешь. Лежу и держу палец на спусковом крючке. Но мой палец начинает зябнуть, деревенеть, да и глаза слипаются, перестают видеть.

— Тютюнник! Тютюнник!— Молчит Тютюнник.

— Наурбиев! Наурбиев!— Молчит и Наурбиев, все молчат, молчу и я, но я слышу, как холодят мой лоб чьи-то липкие пальцы, они стараются смежить мои ресницы, усыпить широко открытые глаза.

Бело, кругом бело. Березы, одни березы. Я трусь отягощенными, усыпленными глазами о рукав шинели и вспоминаю о сидящих за снежным барьером немцах. В ушах моих стоит их гортанный крик. Оглядываюсь назад. И что я вижу?.. Белые маскхалаты движутся, они идут, они останавливаются... Немцы? Маскхалаты склоняются над припорошенными телами наших товарищей. Подкатились салазки, на них кладут старшего лейтенанта Годуадзе, куда-то увозят...

— Тютюнник! Наурбиев!

Тютюнник приподнимает голову, Наурбиев тоже приподнимается, они изготавливаются к стрельбе по шагающим в снежной замяти, приближающимся халатам.

— Не стрелять!— кричит приподнявшийся из-за укрытия Заика.

— Братцы! Вы живы?— Иван Захаров обнажил рафинадно белеющие зубы, остановился невдалеке от примятого моим брюхом сугроба.

Батальон снова откатился к опушке леса...

Только на другой день мы вошли в Волоконск.

МАРЕСЬЕВ

Алексею Петровичу Маресьеву только что исполнилось семьдесят лет. Но мы-то помним его молодым, тридцатилетним человеком из легенды! Так счастливо получилось, что о необыкновенном подвиге летчика впервые страна узнала из художественного произведения, но сюжет был настолько жизнен, был настолько нашенским, советским, что книга всеми прочлась как документальная. И слово «повесть» звучало как «повествование». Книга повествовала о жизни двадцатисемилетнего летчика, вынужденного посадить истребитель в прифронтовом лесу, о том, как потом он восемнадцать дней в одиночку боролся за жизнь, и обо всем, всем, что случилось позже...

Детство Алексея Петровича прошло в Камышине. Фэзэушник, токарь, дизелист. Начало биографии самое обычное. Родился на Волге, мужал на Амуре, первый бой — воздушный бой — провел над берегами Днепра...

А потом — из жизни в книгу: летчик, которому ампутировали ноги, добился разрешения остаться в строю, мало того — добился приказа на вылет, на бой. На подвиг. Ноги не крылья, летит на крыльях истребитель, но человек одолевал не только технические проблемы пилотирования в воздушном бою — себя, инвалида, одолевал. И одолел. Начинать в любой ситуации, в любой схватке с реальностью, обстоятельствами (на войне ли, в нашей ли будничной текучке) надо с себя. Это урок Героя Советского Союза А. П. Маресьева. Легенда — всего-навсего красивое слово. Жизнь Алексея Петровича Маресьева не легенда, но именно жизнь. Большая, напряженная, прожитая день за днем достойно. И завидно. Не сломался человек! Не просто выжил, а жил, всегда жил целеустремленно, в духе времени, как того долг велит. Восемьдесят шесть боевых вылетов, одиннадцать вражеских самолетов — таков боевой счет А. П. Маресьева. Он служил в ВВС двенадцать лет — долго еще и после Победы. Личным примером, всей своей личностью помогал ставить на крыло новых летчиков. Учился в ВПШ, окончил аспирантуру в Академии общественных наук, защитился. И тридцать мирных лет — в Советском комитете ветеранов войны.

А. П. Маресьев всегда подчеркивал и до сих пор подчеркивает: он не исключение. Порыв добить фашистскую гадину был всеобщим; летали, дрались без ног летчики Л. Белоусов, З. Сорокин, И. Маликов — боевые побратимы, Герои Советского Союза. Без ног пахал Прокофий Нектов, Герой Социалистического Труда. Здесь и героизм как черта характера, и тот наш социальный потенциал, который срабатывает тогда, когда страна в нем особенно нуждается. Вся жизнь таких людей, как Алексей Петрович Маресьев, подтверждает это.

Н. БЫКОВ

Фото М. Савина

НЕ ИГРАТЬ В ТРУД!

В журнале «Огонек» № 10 за этот год было напечатано интервью с заместителем директора Института социологических исследований АН СССР В. А. Мансуровым «О любви, труде и досуге». Редакция получила много писем читателей, которых заинтересовали проблемы молодой семьи, труда и отдыха молодежи. Пришли письма и от коллег В. А. Мансурова — социологов.

Проблемы, которые затронул в своем интервью для «Огонька» Владимир Андреевич Мансуров, сегодня очень актуальны.

Начну с отношения молодежи к труду, с выбора профессии. Мне кажется, мы подзабыли, что именно труд «очеловечил» нашего предка, сделав его ЧЕЛОВЕКОМ, и продолжает делать это по сей день. Труд формирует личность. А сегодня ни для кого не секрет, что сплошь и рядом наши подросшие дети в процессе так называемого «трудового воспитания» оказываются в игровой ситуации «невсамделишного» участия в труде взрослых. Их работа на предприятиях и УПК не принимается всерьез, их труд не оценивается по достоинству наравне с трудом взрослых. (Примеров тому могу привести много, поскольку среди троих детей в моей семье растет 17-летняя дочь и все процессы, связанные с ее «трудовым воспитанием» в школе, протекали на глазах родителей.) Понятно, что труд подростков меньше «стоит» — в силу отсутствия квалификации, опыта работы и т. д.,— но он никак не меньше «значит» в социальном плане как фактор формирования личности социалистического общества.

Как добиться того, чтобы труд подростков повсеместно стал социально значимым? Это сложная задача, над решением которой должны совместно поработать экономисты, юристы, психологи, медики. Но немаловажным шагом на пути к решению этой задачи представляется мне оплата труда подростков. Оценить их труд «в рублях» — это значит признать его полезным и необходимым для общества. Именно отсюда начинается «труд всерьез», не игра в труд, а настоящая работа, в процессе которой и формируется нравственная основа человека, складывается его отношение к труду. Ведь важен не только и не столько выбор профессии — «кем быть?», сколько выбор — «каким быть?». Последствия упущений и недоработок в сфере трудового воспитания юношей и девушек значительно серьезнее, чем это нам иногда кажется: подросток выходит в жизнь нравственно неготовым к труду, а значит, социально незрелым, нестойким и в конечном счете не приспособленным к жизни.

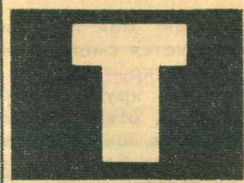
Велика роль семьи в процессе трудового воспитания, а она порой сведена к минимуму, особенно в условиях современного города. «Вынеси ведро», «сбегай за хлебом», гораздо реже — «вымой пол», «постирай белье» — вот почти исчерпывающий перечень наших трудовых поручений подросткам.

Сегодня мы не нуждаемся в труде подростков экономически, но мы нуждаемся в нем нравственно. И здесь свое слово должна сказать проводимая сейчас реформа школы, в рамках которой найдут свое решение и задачи трудового (читай — нравственного, поскольку первое и второе неразрывно связаны) воспитания подрастающего поколения!

Хотелось бы еще немного затронуть вопрос о роли семьи в подготовке молодежи к самостоятельной семейной жизни. С чего же условно можно начинать процесс такой подготовки? Видимо, с самой семейной жизни ребенка с родителями, с воспитания родителей, с формирования в каждой семье благоприятного психологического климата, который хотелось бы потом воспроизвести в своей собственной семье, вместе с избранницей (избранником). Следовательно, если общество ставит задачу укрепления молодой семьи, то начинать решать ее надо с семьи родительской.

Мы почему-то считаем, что подготовка молодежи к семейной жизни должна начинаться лет с 15—16, не раньше. Вряд ли это так. Ведь, помимо интимных отношений, в жизни молодой семьи присутствует множество других аспектов и связанных с ними трудностей экономического, хозяйственного, психологического характера. Учить правильной оценке этих трудностей и их преодолению можно и нужно отнюдь не с юношеского возраста, а значительно раньше. Умение «вести счет деньгам», правильно строить свой семейный бюджет, справляться с приготовлением пищи, стиркой, уборкой быстро и весело, не возводя их в ранг «камней преткновения» семейной жизни. Наконец, умение не просто избегать конфликтов, а, вступая в них (бесконфликтная жизнь складывается только у «премудрых пескарей»), выходить из них достойно — всему этому поздно учить пятнадцатилетних. Взять хотя бы такой пример, как поведение человека в конфликтной ситуации. Ведь уже в классе складывается коллектив, живущий по определенным законам, в нем сталкиваются различные, часто прямо противоположные интересы, формируются модели поведения. Значит, в школе нужен психолог, нужна непрерывная работа по воспитанию у детей психологических навыков межличностного общения. Детство, отрочество, юность — это не подготовка к жизни, это сама жизнь.

И. ДУДКИНА,
кандидат философских наук

Такого, кажется, еще не бывало. Чему, как правило, учат малышей? Музыке, живописи, танцам... Но вот нашелся человек, взявшийся учить архитектуре. Вначале было пятеро с одного двора, которым Владислав Иванович Кирпичев рассказал кое-что о своей профессии. Дети узнали, что без рисунка, живописи, музыки, математики, физики нет архитектуры. Удивились. Увлеклись...

За детьми редко наблюдается тяга к знаниям как к таковым, их тянут игра, баловство, свобода. И Кирпичев предоставил им такое удовольствие.

— Владислав Иванович, а можно я для китайского императора дом построю?

— Можно!

Все можно — это его, Кирпичева, принцип. Если ты только что прочитал сказку Андерсена,— давай для императора. Но если уж что задумал, будь добр, доводи до ума. А ума дети потихоньку набираются. Это помимо того, разумеется, что им дает обычная школа.

Приходят сюда, в экспериментальную детскую архитектурную студию при московском клубе имени Зуева, и шестилетние, и пятилетние. И если новичку достаточно сделать из бумаги шалаш и назвать это сооружение, к примеру, «домом рыбака», то потом такое рукоделие сами же ребята назовут «детским лепетом».

Студийцы знакомятся с проектированием на всех стадиях: от эскиза до полного звучания в макете с учетом свойств материала, физических нагрузок, функциональности. Конечно, эти понятия они получают в адаптированном виде, и не в форме лекции, а по ходу дела.

Владислав Иванович стремится дать своим ученикам сумму представлений и ощущений об архитектуре. Если на занятиях речь идет о готике, то ребята услышат средневековые баллады, музыку тех времен, короткую историю европейских государств. В студии есть проигрыватель, магнитофон, книжки. Можно почитать и послушать. Представления о жизни и искусстве возникают объемные.

Один из видов занятий: рисованные фантазии по произведениям великих композиторов или поэтов. С первого взгляда кажется, что это абстрактные построения, но после разговора с маленьким автором понимаешь иначе: талантливая попытка перевести звуковой ряд в осмысленный, зрительный. Формотворчество, формообразование лежит в основе архитектурного мышления.

На этих фотографиях — работы студийцев Кирпичева. Они экспонировались в залах Москвы и Будапешта, и зрители, представьте, не верили: нет, это не дети рисовали! Такого не может быть!

Они не верили, потому что привыкли: детский рисунок — это наив, милое неумение... А здесь у всех без исключения свой стиль, осмысленность, завершенность — взрослые категории. И все же это работы детей, и рука взрослого к рисункам не прикасалась. Прикасалась его душа.

Владислав Иванович — действующий архитектор, принимает участие в конкурсах и проектах. Его воспитанники могут наблюдать весь процесс профессионального творчества от начала до конца. И, конечно, Кирпичев заражает ребят собственной определенностью: по работам видно сразу, что это ученики одного мастера — общий подход, общая направленность. Те, кто после общеобразовательной школы подал документы в архитектурный институт, легко выдержали вступительные экзамены и зачислены. Потому что они пришли туда осмысленно, а не просто — «захотелось», когда молодой раздумывает, то ли стать архитектором, то ли врачом, то ли знаменитым артистом.

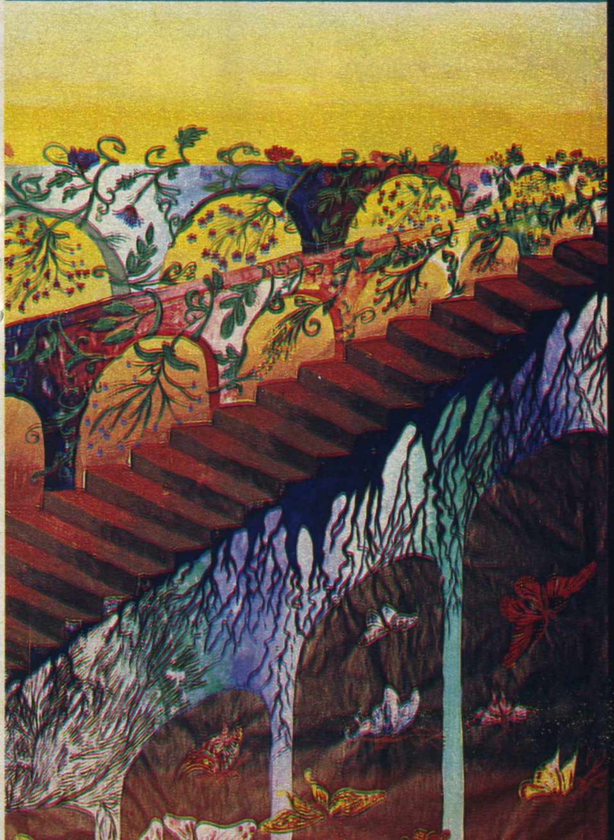
Возраст студийцев школьный и дошкольный. Никто ребят туда не заманивает, никто их и не отчисляет. Отсев проходит сам по себе. Работы, которые мы публикуем, выполнены ребятами в возрасте от 9 до 15 лет.

Но вот проблема: помещение, где занимается студия, случайное, неудобное. Дом старый, ветхий, его собираются ломать. А этого делать нельзя, пока для ребят не найдут новое помещение. Потому что тогда рухнут тысячи прекрасных зданий, которые еще предстоит придумать и выстроить их окрепнувшими со временем талантом и руками.

Т. ШАХВЕРДИЕВ,
фото автора

Дом, который сломать нельзя

Владислав Кирпичев с воспитанниками детской архитектурной студии.
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: «Что нам стоит дом построить!» Работы юных студийцев.

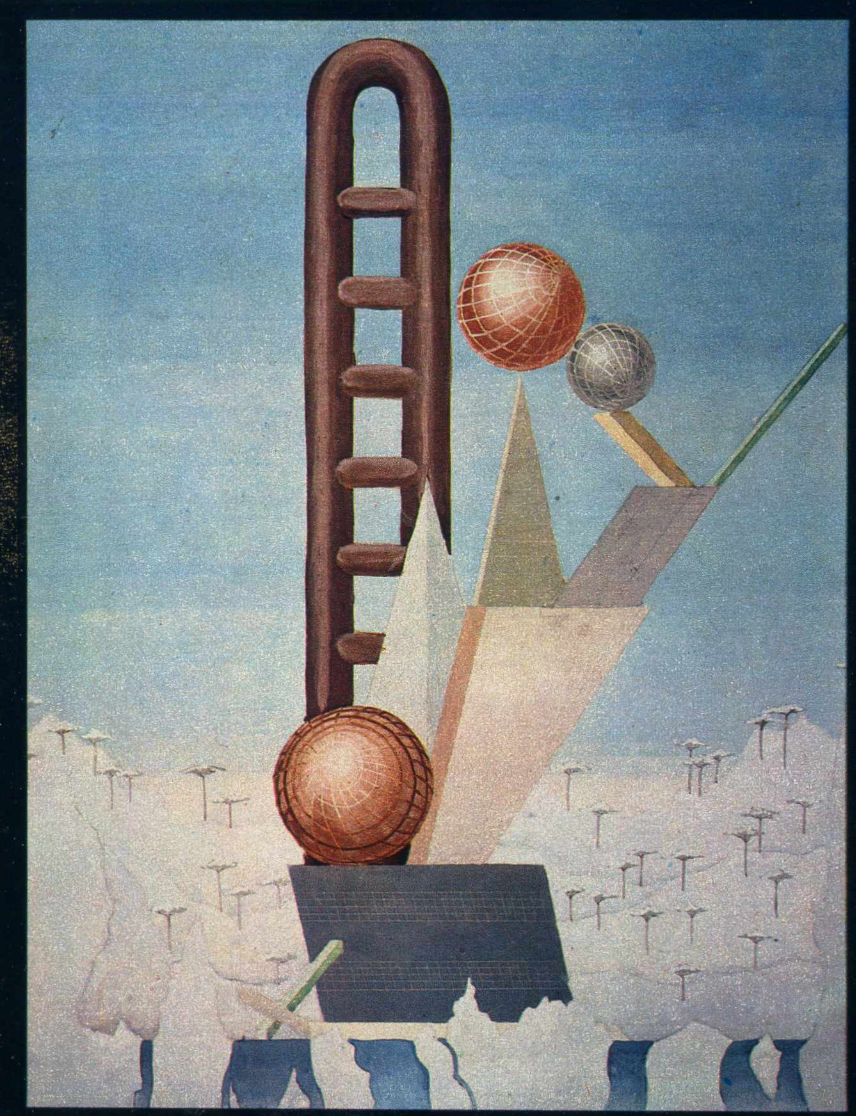

«Неглавная» роль

В последнее время на экранах появилось сразу несколько картин, в титрах которых фамилия Л. Удовиченко: «Зимняя вишня» И. Масленникова, «Валентин и Валентина» Г. Натансона, «Успех» К. Худякова. Но это отнюдь не внезапный взлет ранее никому не известной актрисы, когда вдруг все режиссеры желают работать именно с ней и только с ней. Здесь нет и в помине никакого «вдруг», в данном случае вернее будет говорить о наглядном проявлении закономерного и достаточно длительного процесса. У Ларисы Удовиченко на сегодняшний день весьма внушительный кинематографический «послужной список». Ученица С. А. Герасимова и Т. Ф. Макаровой, она стала сниматься, еще будучи студенткой II курса ВГИКа. Это был фильм «Дочки-матери», поставленный ее учителем, где она сыграла одну из дочерей в семье Васильевых — Галю. Ее партнерами были Т. Макарова и И. Смоктуновский. Для студентки II курса общение с такими партнерами прежде всего прекрасная школа мастерства. Ее Галя, ироничная и насмешливая, но в душе добрая, отзывчивая девушка, не осталась незамеченной.

Есть такое выражение у Т. Макаровой: «поверх барьеров». Так вот ее ученица Л. Удовиченко первой же своей работой в кино сломала определившееся для нее в институте амплуа лирической героини, преодолела такой барьер. А дальше последовали различные предложения. Часто отказывалась. Соглашалась сниматься, когда советовали учителя. Так появились работы в фильмах «И это все о нем» режиссера И. Шатрова, «Красное и черное» режиссера С. Герасимова, «Летучая мышь» Я. Фрида, «Место встречи изменить нельзя» С. Говорухина, в своих картинах ее снимали М. Швейцер, Г. Панфилов, Е. Ташков, К. Худяков. Сама актриса считает, что в ее творческой судьбе не последнюю роль сыграло везение. Что это такое, на ее взгляд?

— Везение — это как отправная точка, как первый камень, как угол, от которого пошел. И качество это — нечто врожденное, как интуиция, как талант,— говорит она.— А может быть, между ними есть что-то общее... Да, наверное, они родственны между собой, находятся в какой-то труднообъяснимой связи.

В каждом деле есть свои корифеи, бывают выдающиеся ученые, выдающиеся шахтеры, выдающиеся портные. Это все художники в своем деле, но каким образом они нашли его? Должно быть, такие люди получают удовольствие от работы, которой занимаются. Но что подсказывает тебе, чем надо заниматься и как делать свое дело? Здесь и срабатывает интуиция, а потом талант.

Кинематографическая биография Ларисы Удовиченко выглядит достаточно благополучной. Но, судя по ее работам, у нее не возникает зачастую обманчивого чувства профессиональной стабильности, не появляется желания двигаться дальше по инерции. Ее роли всегда наполнены темпераментом, который невозможно сымитировать, воспроизвести посредством актерской техники. Актриса изображает своих героинь, не боясь ярких красок, но именно благодаря этому ее персонажи получаются очень конкретными и живыми.

Эффектная, запоминающаяся внешность, дарование, которое позволяет ей играть даже острохарактерные, граничащие с гротеском роли... Такие данные привлекают режиссеров всех поколений, самых различных направлений. Но вот что любопытно: ни разу актриса не сыграла главной, центральной роли. Неужели не приглашали?..

— Почему, приглашали,— отвечает она,— правда, редко. Я, наверное, плохо подхожу под сложившийся стереотип героини. Режиссеры говорят, что для меня надо специально писать.

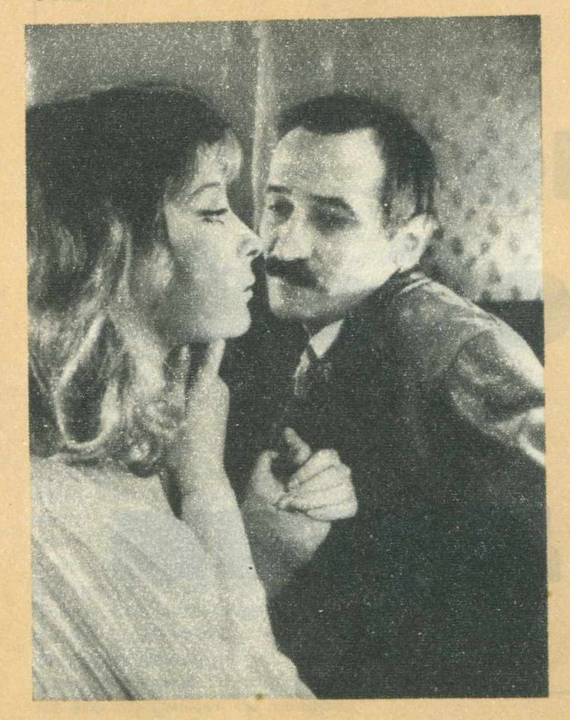
Когда мне предлагают сценарий и, на мой взгляд, героиня выглядит как-то однобоко, акцентируются какие-то однообразные ее качества, мне это неинтересно. Почему можно бесконечно смотреть на Евгения Урбанского в фильме «Коммунист»? Потому что он разный: нежный и жестокий, умный и глупый, одержимый и одухотворенный.

Меня прежде всего волнует характер. Если я найду хоть минимальную зацепку для фантазии, я могу согласиться работать. Пусть это будет даже примитивный сценарий, но если находится хоть маленький крючочек, который даст надежду сделать роль не так банально, как она написана, тогда я соглашаюсь сниматься. А еще я решила, что не надо идти на компромиссы и поддаваться уговорам.

«Любовью за любовь».

«Успех».

Пожалуй, актриса имеет право предъявлять высокие требования авторам фильмов, потому что не менее требовательна и к себе. Как сказал о Ларисе Удовиченко в одном интервью режиссер К. Худяков: «Сколько гнева в ее словах и движениях! Сколько искреннего недовольства, порой растерянности, а то и раздражения! И весь этот гнев, все раздражение и недовольство — не на партнеров, а на себя и только на себя. Мучительно, тяжело, путаясь, но твердо веря в удачу, пробирается Лариса к сути образа, бесконечно сомневаясь и перепроверяя найденное на репетиции, сыгранное в предыдущем дубле. И все это не от неуверенности в своих силах, а от огромного творческого потенциала и творческой требовательности к себе, заложенных природой в этой плавной, с округлыми движениями, удивительно пластичной женщине».

В фильме К. Худякова «Успех» Лариса Удовиченко сыграла роль актрисы Аллы Сабуровой, которая репетирует Нину Заречную в чеховской «Чайке».

— Не вызвала ли эта роль у вас, «стопроцентной» киноактрисы, ностальгии по театру, по сцене?

— Мне было очень интересно здесь сниматься. В павильоне «Мосфильма» построили декорацию театрального зала. В зале сидели настоящие зрители. И я ощутила магию театра. Может быть, до конца не поняв, почувствовала какую-то силу, которая манит и затягивает. Я очень люблю театр, мне даже кажется, что я больше театральная актриса. Ведь на сцене можно прожить всю роль от начала до конца, что никогда не бывает в кино. В кино часто даже репетировать не удается, приходишь — и сразу сниматься... Бывают, конечно, предварительные беседы с режиссером, когда оговаривается образ, какой видит роль он, какой я. Но вся основная работа происходит дома. Иногда, читая какое-либо произведение литературы, сама для себя пытаюсь представить и проиграть роли. Месяц назад у меня появилась потребность перечитать Льва Толстого. Думала об Анне Карениной, хотя понимаю, что это не моя роль. Очень люблю Шекспира. Сама для себя пробовала сыграть леди Макбет. Я знаю, что для этого надо иметь другие задатки и данные, что я, наверное, мелка для таких ролей. Но это практика, это школа, это самотренаж. И еще это невероятно интересно, потому что кажется таким недоступным...

Когда происходила наша встреча с Ларисой Удовиченко, она уже больше месяца не снималась, отказывалась от всех предложений.

— Я очень много работала в этом году,— объяснила актриса,— истратила себя, и теперь мне нужно какое-то время отдохнуть и соскучиться по работе. Если ты израсходовал свои эмоциональные ресурсы, свои душевные запасы, их нужно вновь копить. Сегодня я посижу одна дома, отдохну. Потом, может быть, встречусь с друзьями, родными. Очень люблю принимать гостей, заниматься хозяйством. Но больше всего люблю живопись. Она мне помогает, эмоционально обогащает. Мои душевные запасы могут пополнять самые простые вещи. Я считаю себя человеком жизнерадостным... Радуюсь тому, на что мы часто не обращаем внимания, радуюсь, что светит солнце, что выпал первый снег, что встретилась с другом, что посмотрела хороший спектакль...

Лариса Удовиченко много снимается. Ее работы выглядят уверенно и интересно. Но закончить хочется предположением, что для нее это — только начало, что самое важное и значительное еще впереди. Что? И зрителям, и актрисе это предстоит узнать...

Е. ГУДКОВА

Киноактриса Лариса Удовиченко.

Фото Т. Шахвердиева

Винни МАНДЕЛА

СУПРУГИ ДЕ ВААЛЬ

Я глубоко уважаю Пита де Вааля. Этот бурский адвокат оказался надежней, чем кое-кто из своих, хотя мое появление здесь принесло ему одни неприятности. До этого Питу едва ли доводилось иметь дело с полицией, теперь же он то и дело вызволяет меня из тюрьмы и защищает меня в суде. Для этого ему пришлось даже толком выучить английский. И все ради какой-то черной!

Он поразительно изменился за последние годы. Как вспомню нашу первую встречу в его конторе на Фортреккер роуд, так вновь и вновь изумляюсь. На секретарше его просто лица не было, когда я вошла. Я наверняка была первой черной, рискнувшей войти сюда с улицы, а не с черного хода. Она растерялась, не зная, что со мной делать. Предложить мне стул она не решилась и тут же позвала господина де Вааля, хотя тот как раз принимал клиента. Завидев меня, он тоже растерялся и никак не мог опомниться. Голос его дрожал, карандаш валился из пальцев. Мне самой стало так неудобно, что я сразу же откланялась, не желая ставить его в еще более затруднительное положение. Зато с женой его, Аделе, все было иначе. Она поздоровалась со мной и Зиндзи так сердечно, что я глазам своим не поверила. «Вы, наверное, чувствуете себя такой одинокой в нашем захолустье»,— сказала она и тут же пригласила нас к себе. Она сделала все от нее зависящее, помогая нам обустроиться здесь. Чего она только не делала для нас! Я просто в себя не могла прийти от изумления! Даже готовила для нас, пока у нас не было плиты. Аделе де Вааль помогла нам выстоять в первые, самые тяжелые дни. Только благодаря ей мы смогли здесь почувствовать себя как дома.

Однажды мне принесли от нее записку: «Забеги ко мне поскорее». К ней, оказывается, приехали ее родители. Она давно хотела меня с ними познакомить и представила меня им. Никогда не забуду выражения их лиц! Да и объясняться мне с ними было непросто, они приехали из деревушки в «оранжевой» глубинке — коренные буры, не понимавшие по-английски.

Мы славно провели тогда время с родителями Аделе. Я уже собиралась прощаться, как вдруг они оба встали, торжественно так. Ну, думаю, сейчас последует заранее подготовленная и наизусть выученная речь. Так оно и было. Постояли они немного, а потом отец Аделе и говорит: «Мистрис Мандела, поверьте, мы не держим на вас зла». Так и сказал! У меня прямо язык отнялся. Я-то про себя думала, что именно мне надо бы сказать им нечто подобное. Они, извольте ли видеть, не держат на меня зла. Стало быть, не они мне, а я им что-то сделала! Ничего себе заявление! В этой фразе выражена вся психология африканеров, все их миропонимание.

Нет, серьезно, в этом и заключается главная проблема белых в нашей стране. Они исходили из того, что я должна чувствовать себя виноватой перед ними. Их достоинство задевало уже одно то, что я черная. И они мне это великодушно простили. В моем лице они обращались к 22 миллионам черных, у которых отобрали их землю!

За дружбу со мной Аделе дорого поплатилась, оказавшись, по существу, в социальной изоляции. Прежние друзья от нее отвернулись, в своем доме она почти всегда одна. Я очень за нее переживаю. И дочка ее Соня доставляет ей немало хлопот: почти ничего не ест. Вот уже почти два года она с ней мучается. Думаю, что подсознательно это у Сони как-то связано с нашим пребыванием здесь.

На Соню, бурскую девочку из «оранжевого» захолустья, знакомство с Зиндзи (обе девочки — почти однолетки) и постоянное общение с ней подействовали как шок. Она понятия не имела о политике в нашей стране, причем без всякого притворства. И вот появилась Зиндзи, которая ей обо всем рассказала. В том числе и о своей школе, где учатся вместе дети всех цветов кожи. Девочки об этом говорили до тех пор, пока Соня не начала упрашивать родителей, чтобы те отдали и ее в эту школу. Господи, ничего подобного бур в «оранжевой» провинции и представить себе не в состоянии. Аделе не знала, что и делать: Соня хотела поступить в смешанную школу, где учатся дети независимо от расовой принадлежности.

Я научилась у Аделе очень многому — тому, что я никогда и не узнала бы, не проживи я здесь несколько лет бок о бок с ней, хотя она и была из бурской семьи. Де Вааль и вся его семья держались стойко. Пит стал даже добиваться разрешения на встречу с Нельсоном в тюрьме. Это свидетельствует о том, как глубоко повлияло на них общение с нами и в какой мере это изменило их представления о положении черных в нашей стране. Пит де Вааль ныне зашел по этому пути уже столь далеко, что, не колеблясь, сравнивает сопротивление черных с борьбой его собственных предков.

Пит, бур по происхождению, внезапно осознал, что правительство не имеет никакого права держать в тюрьме такого человека, как Нельсон Мандела. Он понял вдруг, что этот человек, которого наше правительство приговорило к пожизненному заключению, в действительности отстаивал и его, Пита, интересы.

Здешние африканеры поставлены перед гораздо более сложной дилеммой, чем я сама. Они маниакально боятся попасть под чужое господство, которое, как они полагают, в конечном счете обрекло бы их на вымирание. Я же, напротив, знаю, чего хочу, и поэтому борьба за освобождение для меня дело само собой разумеющееся.

И все же, если потомок Пита Ретифа — Пит де Вааль из Брандфорта, и Мандела, ведущий свой род от Шака и Дингаана, познакомившись, прониклись друг к другу симпатией и стали вместе думать о том, что их будущее только в сосуществовании,— это уже само по себе символ надежды.

ДЕТСТВО В ДЕРЕВНЕ

Я очень рано поняла, что белые убеждены в своем превосходстве над нами. Это задевало мою детскую гордость и приводило в такую ярость, что уже тогда я твердила про себя: «Хоть белые и победили нас, черных из племени Ксоза, в девяти войнах, но мы все равно не покоримся! Мы вернем себе нашу землю, которую белые украли у нас!»

Я не сразу научилась разбираться по-настоящему в том, что происходит в нашей стране. Я же была деревенская девочка. Правду об истории нашей страны узнала в школе от своего отца, который был там учителем.

По праву рождения мой отец был вождем, но отказался возглавить свое племя и, когда представилась возможность, стал директором нашей школы. В детские годы я, конечно, еще не могла понять, почему. От него-то я и узнала кое-что об истинной истории черных, о социальных условиях, в которых они жили. В школу я ходила с отцом через всю нашу деревушку и изо дня в день убеждалась в том, как велика у нас разница между белыми и черными, даже между белыми детишками, встречавшимися нам по пути, и моим отцом-учителем, который, даром что окончил университет и был к тому же еще и директором школы, одевался так же бедно, как и прочие черные. Нет, нет, мы не «выбились в люди», хотя и мать моя тоже была учительницей.

Мы жили не лучше местных крестьян — моих земляков, в поте лица своего вспахивавших здешнюю засушливую землю. Все имущество черного крестьянина состояло из допотопного деревянного плуга да отощавшей скотины. Мне самой не раз доводилось гонять ее через дезинфекционный тракт, оборудованный белыми, чтобы скот не заели клещи.

Слушая отца на уроках истории, которую он вел в школе, я понемногу начала понимать, что к чему. Он не придерживался утвержденных учебных планов, и то, что он вкладывал в наши детские головы, я никогда и не забывала и не забуду. К примеру, он рассказывал нам о войнах, которые белые вели против ксоза — нашего народа. В школьных учебниках эти войны, разумеется, изображались в интерпретации белых. Отец сперва проходил с нами текст из учебника, где излагалось лишь то, что, по мнению белых, привело к этим войнам. Потом, отложив учебник, отец говорил: «Так написано в этой книге, но на самом деле белые пришли в нашу страну, напали на наших дедов и прадедов и отобрали у них землю». Непосредственным поводом для вооруженных столкновений был угон скота: белые угоняли скот с пастбищ у наших дедов и прадедов, и тем приходилось отбивать его».

В 1953 году я поступила в университет в Йоханнесбурге. В общежитии на Иеппер-стрит, где я жила, группа студентов входила в «Юнайти» — «Организацию единства» — движение троцкистской ориентации. На первом курсе я еще поддерживала тесный контакт с «конвенционалистами», мы проводили свои сходки тайком в Доорфонтайне: студентам запрещалось участвовать в политических собраниях. Так еще в студенческие годы я, можно сказать, впервые «побывала в полуподполье».

Мы, разумеется, слышали о Нельсоне Манделе — он шефствовал над нашим университетом в социальных вопросах, и студенты нашего семинара увязывали свои представления о деятельности в социальной области с его политическими целями.

В общежитии на Иеппер-стрит жили в основном рабочие, простые рабочие, большинство их, думаю, не менее 95 процентов, были членами партии «Африканский национальный конгресс». Они познакомили меня с лозунгами и партийной литературой АНК. Это и был мой первый контакт с нашей партией.

Свои мероприятия руководство АНК проводило обычно в центре города, в Трейдсхолле, где собирались рабочие. Там я и наладила связи с нашими профсоюзниками из САКТУ — Конгресса африканских профсоюзов. В 1955 году я сдала государственные экзамены и стала работать ассистентом по социальному призрению в Барагванатской больнице. В это время я и повстречалась с Нельсоном.

Продолжение. См. «Огонек» № 20.

Он унес с собой часть моей души

Винни и Нельсон Мандела.

НЕЛЬСОН МАНДЕЛА И АНК

«Дорогая жена моя! Я чувствую себя хорошо — духовно и физически. Твое последнее письмо вдохновило меня и придало мне новые силы. Я полон бодрости и оптимизма прежде всего потому, что уверен в твоей любви ко мне».

Письмо мужа к жене. Радостное, почти восторженное. Словно из отпуска. Но это письмо человека, который провел 22 года в тюрьме и должен остаться там до конца своих дней. Этот человек — Нельсон Мандела, тюремный номер 220/82; приговорен к пожизненному заключению за «саботаж».

Мандела был осужден за «планирование подготовки террористических актов», но в действительности он посажен в тюрьму за то, что боролся во имя будущей демократической Южной Африки, где белые и черные сосуществовали бы на основе равноправия.

Поэтому он и стал для белых в Южной Африке воплощением революции и коммунизма, стремящегося покончить с существующей здесь системой апартеида и свергнуть господство белых.

Для черных в Южной Африке он признанный лидер, живой символ их надежды на освобождение. Судьба Манделы отражает как в фокусе угнетение, которому подвергается его народ. Для мировой общественности Мандела олицетворяет сопротивление политике апартеида. Ему не раз присуждались международные премии, присваивались почетные звания. В его честь переименовывают улицы, и даже одна из вновь открытых частиц материи названа его именем. В ходе всемирной кампании за его освобождение в различных странах были собраны тысячи подписей.

Но буров в Претории мировое общественное мнение вообще мало волнует. Напротив, в 1982 году они резко ужесточили условия тюремного заключения Манделы, переведя его с каторги на острове Роббен в тюрьму Полсмоор под Капштадтом. В прежнем месте заключения в последние годы он по крайней мере жил в отдельной камере, имел возможность работать на огороде, заниматься спортом и отдыхать в часы досуга. Теперь, по его собственному выражению, стрелка часов переведена на 20 лет назад. В его сырой камере в Полсмооре заключены еще пять человек; он лишен прогулок, возможности заниматься спортом, права на подачу жалоб, ему запрещены контакты с прочими заключенными, кроме его товарищей по камере.

Политический путь Нельсона Ролилала Манделы, выходца из рода вождей племени Тембу, начался в селах, раскинувшихся на склонах зеленых холмов Транскея. Еще мальчиком он слушал здесь рассказы старших соплеменников о доблести предков, о добрых старых временах, когда в их стране еще не было белых.

«Наш народ жил мирно, под управлением племенных вождей и советников, не нарушавших традиционной демократии. Земля принадлежала всем сообща... не было ни бедных, ни богатых, ни эксплуатации. Все были свободны и равны. На этой основе и зиждилось управление; правящий совет был настолько демократичен, что все люди племени, будь то земледельцы, воины или жрецы, участвовали в обсуждениях и принятии решений. Хотя этот общественный строй во многих отношениях уже не отвечал требованиям нового времени, в нем все же коренилась революционная демократия, преодолевшая угнетение, страх перед завтрашним днем и нищету. Именно эти идеалы и вдохновляют меня и моих друзей в нашей политической борьбе» (из выступления Нельсона Манделы на судебном процессе в 1962 году).

Еще будучи молодым адвокатом в Йоханнесбурге в начале 50-х годов, он на собственном опыте убедился, сколь тернистым будет путь к освобождению. Здесь он воочию увидел, что несут черным будни апартеида: бесправие, безработицу, страх.

То было время, когда пришедшая к власти в ЮАР Национальная партия возвела традиционное разделение рас в ранг государственной политики апартеида. Буры начали издавать один за другим драконовы законы, закреплявшие неограниченное господство белых и дискриминацию черных: раздельное жительство; ограничение на въезд в города; предоставление белым лучших рабочих мест; введение системы примитивного школьного образования для «банту»; принятие «программы оздоровления» в сельских местностях, означавшей насильственное переселение черных с одновременным введением «самоуправления» в так называемых черных резервациях — «хоумлендах», или «бантустанах», в которых черные, составляющие большинство населения страны, оказались скученными всего на одной восьмой части ее территории.

Против безнравственных и несправедливых законов надо бороться. Таково было твердое убеждение Манделы, которым он и руководствовался на практике.

Политическим инструментом этой борьбы стал АНК — партия «Африканский национальный конгресс» — старейшая и наиболее значительная из политических организаций в освободительном движении черных. Она придерживалась гандистской ненасильственной ориентации. Присуждение Нобелевской премии мира прославленному председателю АНК — старому вождю Альберту Лутули явилось убедительным свидетельством признания мировой общественностью миролюбивого характера АНК. ООН и Организация африканского единства, в свою очередь, признали эту партию законным представителем черного населения ЮАР.

Программа АНК предусматривала отмену белого господства в Южной Африке и создание в этой стране демократического устройства, основанного на равноправии рас и позволяющего черным и белым совместно и на равных определять будущее своей страны.

Мандела, который благодаря своему высокому авторитету и выдающимся способностям очень быстро выдвинулся и вошел в состав руководства АНК, постоянно подчеркивал, что его партия ведет борьбу не против белых, а против существующей в ЮАР социальной и политической системы.

Избранный в 1952 году руководителем организации АНК в Трансваале, Мандела возглавил проведение кампаний ненасильственного протеста, которые тем временем получили поддержку значительных слоев цветного, индийского и даже белого населения ЮАР.

Апогеем нараставшего движения сопротивления белому правительству явилась Хартия вольности, принятая Конгрессом народов в 1955 году. Этот документ, являющийся с тех пор политической программой партии, предусматривает установление в ЮАР свобод-

О литературе Америки

В новой книге известного специалиста по литературе США Г. Злобина сообщается весьма примечательный факт. Оказывается, в «Частотном словаре русского языка» говорится, что определение «американский» замыкает первую шестерку прилагательных по степени употребляемости, опережая слово «русский». О чем это свидетельствует? Об интересе к Америке, конечно. Но еще и о том, что ее у нас знают, ибо о том, чего не знаешь, много не поговоришь. В полной мере это относится и к американской литературе. В СССР ее издают в таком количестве и такими тиражами, которые в десятки раз превышают тиражи советских книг, выходящих в США. Только с 1979 по 1984 год в Советском Союзе было издано 1784 названия книг американских авторов общим тиражом в 203 миллиона экземпляров. Что могут противопоставить Соединенные Штаты такой статистике? Почти ничего. Можно добавить, что в 165 советских театрах идут спектакли по 51 пьесе американских драматургов. И, наконец, можно вспомнить, что эта статистика относится не к самому лучшему (не по нашей вине) периоду в советско-американских отношениях.

Уже одни эти цифры, свидетельствующие о популярности у нас американской литературы, говорят о важности таких работ, как книга Г. Злобина. С большим уважением к культуре американского народа он вспоминает истоки его литературы, которую называет «самой молодой среди развитых литератур мира». Вспоминает первые шаги нового государства и стремление понять, что такое американец. Первые разочарования и мечта об «Эльдорадо» у Эдгара По. Желание побороть мировое зло у Германа Мелвилла в «Моби Дик» и беспринципность вашингтонской политической кухни у Генри Адамса в его «Демократии»... На примере творчества основоположников американской литературы Г. Злобин начинает разговор об «американской мечте», «звонком и захватанном словосочетании», пишет о внешних, можно сказать, официальных признаках этой мечты и о ее изнанке. Автор метко называет преслоутую американскую демократию «демократией добычи» и делает справедливый вывод: «Америка изначально понесла в себе коренное неразрешимое противоречие. Его бремя постоянно испытывал каждый, кто достоин называться художником».

Г. Злобин. По ту сторону мечты. Страницы американской литературы XX века. М., «Художественная литература», 1985 г. 335 стр.

Открывает книгу глава о творчестве Уильяма Фолкнера, удачно названная «Тяжба со временем». Сегодня это, пожалуй, самый читаемый у нас американский автор, его произведения широко печатаются в нашей стране, сейчас выходит собрание сочинений в шести томах. Г. Злобин справедливо относит прозу Фолкнера к выдающимся достижениям литературы XX века и подробно анализирует его творчество, объясняет, что за кажущейся сложностью скрывается глубокий смысл и всепобеждающая правда жизни и искусства. Недаром академическая «Литературная история Соединенных Штатов Америки» характеризует прозу писателя как «выдающийся образец внутреннего монолога в американской литературе».

В главе «Как зрели «Гроздья гнева» Г. Злобин пишет о Джоне Стейнбеке и напоминает, что его знаменитый роман «Гроздья гнева» вышел в 1939 году и появился у нас в русском переводе уже в 1940 году. Американские литературоведы сравнивают впечатление, которое произвел этот роман, с той бурей, какую вызвала в свое время антирабовладельческая книга «Хижина дяди Тома». Г. Злобин считает, что определенную роль в создании «Гроздьев гнева» сыграла поездка Стейнбека в Советский Союз. В своем романе он писал о судьбе обездоленных сельских тружеников в Калифорнии, и его, естественно, интересовало решение земельной проблемы в нашей стране. В конце жизни он написал очерки «Путешествие с Чарли в поисках Америки». В этой книге Стейнбек, в частности, вспоминает о встрече с одним провинциалом, которого он спросил о том, как американцы отводят душу.

«— Да как вам сказать, сэр,— отвечал он.— Кое-когда случаются убийства, а нет, так книжку про убийство можно прочитать. Ну а бейсбол — «Уорлд сириз»! Пожалуйста, спорьте с пеной у рта, какая команда сильнее, «Янки» или «Пираты». Но есть еще кое-что получше бейсбола — русские.

— Тут страсти разгораются?

— Еще бы! Дня не проходит, чтобы на них всех собак не вешали...

— А тут у вас кто-нибудь когда-нибудь знал русских?..

— Да нет, конечно. Поэтому они так и пригождаются на все случаи жизни. Ругайте русских сколько влезет, никто вас за это не осудит».

Так было в 60-е годы. К сожалению, так и осталось...

Большой интерес вызовет у читателей и анализ творчества Хемингуэя, также широко известного и любимого в Советском Союзе. Автор рецензируемой нами книги начинает рассказ о писателе с Испании, где Хемингуэй сражался против фашизма, за свободу этой прекрасной страны. Его книгу о войне в Испании «По ком звонит колокол» Г. Злобин ставит в один ряд с «Гроздьями гнева» Стейнбека и пишет, что «По ком звонит колокол» «величественно завершает короткий, но на редкость насыщенный и пока, пожалуй, непревзойденный этап, когда американская литература радикально переосмыслила ценности, формирующие национальное сознание».

Несомненный интерес представляет сделанный Г. Злобиным аналитический обзор американской драматургии. Он пишет о Юджине О'Ниле, Лилиан Хеллман, Теннесси Уильямсе, Эдварде Олби, Артуре Миллере... «Можно было бы проследить,— считает Г. Злобин,— как в начале века разорившимся владельцам «Вишневого сада» русским языком говорили, что сад пойдет с торгов, а на его месте разобьют доходные участки, а те точно не понимали, о чем идет речь, и даже мечтали посадить новый сад, и как полвека спустя, за десятки тысяч километров, совсем другие люди увидели наконец, что невозможно «что-либо сделать, поправить», что их растраченные впустую жизни и желания отцвели в «Осеннем саду» (пьеса Л. Хеллман.— В. Н.). Точно так же Г. Злобин сопоставляет чаяния горьковских героев из пьесы «На дне» с персонажами Теннесси Уильямса...

Джон О'Хара, Торнтон Уайлдер, Уильям Стайрон, Джон Гарднер-младший, Курт Воннегут, Джойс Кэрол Оутс — вот еще видные писатели, творчеству которых уделено в книге немало страниц.

Г. Злобин рассматривает также произведения писателей-негров. Это тоже литераторы США, но в Соединенных Штатах их относят к «литературе американских негров». Это Бернард Маламуд, Джеймс Болдуин, Джон Килленс и другие. Эта литература пока что мало изучена, поэтому рассказ о ней тем более интересен и ценен.

В книге не оставлена без внимания и так называемая массовая беллетристика. Г. Злобин справедливо констатирует, что в США в результате концентрации издательского дела литература стала таким же товаром, как костюм или автомобиль. Бульварное чтиво, которое только портит литературный вкус и уводит в сторону от насущных проблем, издается многомиллионными тиражами.

Новая работа Г. Злобина — еще один вклад в изучение американской литературы нашими специалистами. Как отмечает в конце своей книги автор, оно имеет у нас давние традиции, к нему «были причастны самые высокие имена в нашей отечественной культуре от Пушкина до Горького». Это дело служит достижению взаимопонимания, без которого сегодня невозможны сотрудничество и мир.

В. НИКОЛАЕВ

ного демократического строя. В преамбуле его говорится: «Южная Африка принадлежит всем в ней живущим, как черным, так и белым».

Но белые южноафриканцы расценили это требование равноправия как страшную угрозу своему господству. Нужды и чаяния черного населения были, с их точки зрения, лишь так называемыми «нуждами», которые якобы внушены народу «коммунистическими агитаторами». Манделу неоднократно отдавали под суд, вменяя ему в вину массовые демонстрации и забастовки, организованные АНК. Но всякий раз суды вынуждены были признавать неоспоримо ненасильственный характер проводимых партией АНК массовых акций.

В небывалом по масштабам и длительности судебном процессе, тянувшемся с 1957 по 1961 год, прокурор обвинял Манделу и 156 его товарищей, представших вместе с ним перед судом, в государственной измене, пытаясь доказать, что АНК готовит насильственный переворот в ЮАР. Но показания многих свидетелей обвинения из числа государственных служащих выглядели до смешного неправдоподобными. Прокурор потерпел полную неудачу. Все обвиняемые были оправданы.

Однако правительство решило во что бы то ни стало нейтрализовать движение и его лидеров. Оно издавало все более жесткие законы, которые все более ограничивали возможности мирных акций протеста. В конце концов (после побоища в Шэрпевилле, где полиция расстреляла мирную демонстрацию черных, убив 69 человек) партия АНК была в 1960 году запрещена. В результате сопротивление в легальных формах стало практически невозможным.

С точки зрения премьер-министра Фервурда, все это было лишь коммунистическим заговором, который надлежало подавить, мобилизовав весь военный потенциал государства. 5000 солдат приняло участие в «боевых операциях», самолеты кружили над черными гетто, сбрасывая листовки, 10 000 черных были арестованы. Оружейные магазины распродали белым все свои запасы, наряды полиции ходили в поселках от двери к двери и, избивая черных, гнали их на работу.

«В тот день голубь мира сложил крылья и упал»,— писала газета «Санди экспресс».

Мандела обзванивал тогда из телефонов-автоматов редакции газет, всякий раз повторяя: «Мы получили хороший урок! Акции правительства означают конец ненасильственной фазы нашего сопротивления». Вскоре была создана военная организация АНК «Умконто ве Сизве» («Копье нации») с задачей ответить на насилие правительства контролируемым контрнасилием. Организация планировала акты саботажа, добровольно обязавшись при этом избегать человеческих жертв. Командование принял на себя Мандела.

Он ушел в подполье и стал постоянным и главным объектом чрезвычайного розыска, объявленного правительством. Два года ему удавалось в различных обличьях уходить от полиции. Но в августе 1962 года Мандела был выдан полиции провокатором, отдан под суд и приговорен к каторжным работам на острове Роббен за призыв к забастовке и нелегальные переходы границы.

(Окончание следует.)

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»

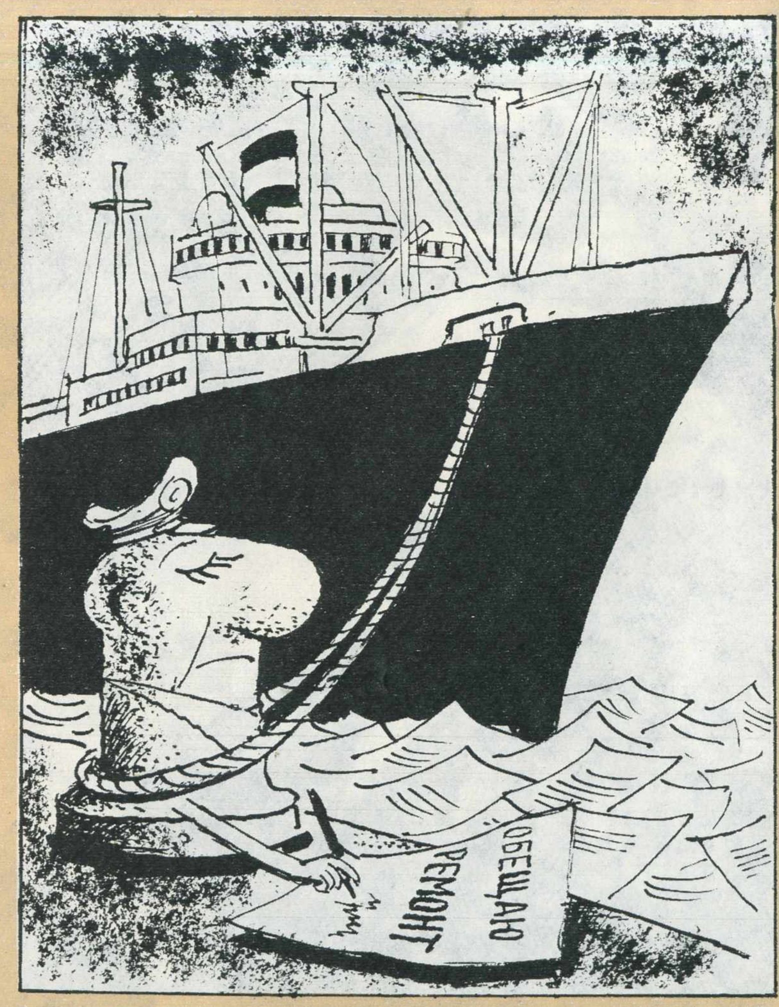

Рисунок Ю. Черепанова

ОТСТОЙ

В КОРПУНКТ ПРИШЛО ПИСЬМО. ЧЕТЫРЕ СТРАНИЦЫ ВЫРАЖАЛИ ОБИДУ, ПРОСИЛИ ПОМОЩИ, ПОЗВАЛИ В ДОРОГУ...

«...В 1982 году коллектив нашего супертраулера «Баженовск»,— пишет капитан-директор В. Крыжный,— выступил с инициативой «Пятилетку — за четыре года». Мы сдержали свое слово. И тем обиднее нам сейчас, что этот задел длиной в год практически сведен на нет длительной стоянкой судна в ожидании ремонта. Эта стоянка длится с 22 мая 1985 года...»

Внешне «Баженовск» больше походит на пассажирский лайнер, чем на промысловое судно. В день моего приезда в Советскую Гавань траулер стоял, прижатый тяжелым льдом к причалу базы океанического рыболовства. Экипаж был измотан долгой стоянкой, теряя надежды и заработки: добрая половина когда-то слаженного коллектива уже списалась на берег...

Как же получилось, что супертраулер, лидер социалистического соревнования дальневосточных рыбаков, выполнивший одиннадцатую пятилетку за четыре года, десять месяцев стоял без дела? Официально это называется так: судно на ОТСТОЕ, то есть в ожидании лимитов на ремонт. Дорого обходятся подобные отстои. По самым скромным подсчетам, как явствует из письма, только за десять месяцев на отстое «Баженовска» государство потеряло более четырех миллионов рублей. А сколько потеряет завтра?

— Завтра мы выйдем в море,— сказал капитан-директор траулера Виктор Борисович Крыжный.— Но это будет рейс на честном слове. Руководство Совгаванской базы приняло решение провести на судне саморемонт, подготовить его к еще одному промысловому рейсу.

Беседа наша проходила в капитанской каюте после знакомства с машиной, цехами и отсеками рыбозавода, каютами и рубками. Близкое знакомство, мягко говоря, не соответствовало первоначальному впечатлению.

— Внешнее восприятие бывает обманчивым,— прочитал мои мысли капитан и продолжил разговор:

— «Баженовск» — головное судно из серии больших морозильных траулеров, рыбозаводов (так называемый проект 1288). Получили его в августе 1980 года. И поначалу тоже не могли нарадоваться. Механики восхищались мощностью машины, штурманы радовались крейсерской скорости, экипаж — комфорту кают... Но первые океанские мили и пробные траления выявили серьезное несоответствие мощности машины и тралового комплекса. Лебедки, поднимающие трал, оставляли желать лучшего. Не соответствовало понятию «рыбозавод» и оборудование. Морозильная и рыбомучная установки ненамного превышают мощность старых траулеров, на смену которым идут суперы типа «Баженовска». Заметное отличие мы отметили только в цене: новые траулеры втрое дороже. Строят их в Николаеве. Тридцать семь рекламаций выставлены заводу только по нашему кораблю и только за время его испытаний. Но это не помешало представителю завода приехать к нам с предложением подписать документ, представляющий эту серию судов на государственный Знак качества. Мы, естественно, согласия не дали...

«Баженовск» имеет на своем борту «автографы» фирм почти ста стран мира. Траловый комплекс польский, насосы английские, турбины датские, автоматика американская... Такое увлечение поставками оборудования из-за рубежа осложняет эксплуатацию и ремонт, приводит к чрезмерному простою судов.

Установленные на «Баженовске» дизели французского проекта отработали срок и требуют ремонта. А кто его сделает? Нашей базе, имеющей немало больших кораблей, лимитов на ремонт отпускается вполовину меньше требуемого. Вот такие проблемы привели наш экипаж к десяти месяцам ожидания ремонта главных дизелей и морозильных установок. Ждем и сейчас. Саморемонт проблемы не решит. Сходим в рейс, а что потом?

Знает ли об этом начальник объединения «Дальрыба» Николай Исаакович Котляр? Знают ли в Министерстве рыбного хозяйства СССР? Может быть, руководители Совгаванской базы океанического рыболовства не били тревогу?

— Били,— вступил в разговор начальник Совгаванской базы Геннадий Иванович Калюжный.— К десяти месяцам, что простоял «Баженовск» у стенки, добавьте еще пять лет! Все пять лет мы озабочены отсутствием ремонтной базы для новых траулеров...

Главный инженер «Хабаровскрыбпрома» Геннадий Васильевич Гордеев показал две объемистые папки — результат пятилетней переписки. Десятки официальных писем, адресованных в «Дальрыбу» и лично тов. Котляру, в министерство и лично министру. Из министерства ответ получен только на документ Хабаровского крайкома КПСС. Эта успокоительная записка подписана заместителем министра Ю. Н. Быстровым, в ней говорится:

«В соответствии с утвержденной министерством специализацией судоремонтных заводов отрасли проведение капитальных и средних ремонтов судов проекта 1288 в XII пятилетке предусмотрено на Петропавловской судоверфи имени В. И. Ленина, техническая оснащенность которой позволяет выполнять на этих судах необходимый комплекс ремонтных работ.

Однако, учитывая поступление в рыбохозяйственные организации Приморского и Хабаровского краев в XII пятилетке значительного количества (подчеркиваем: значительного количества.— Ред.), судов этого проекта, министерством принято решение в период 1986 — 1988 годов подготовить производство Северного судоремонтного завода Ремрыбфлота с организацией необходимых специализированных участков для проведения начиная с 1988 года всех видов заводского ремонта судов проекта 1288 на этом предприятии...»

Словом, только в 1988 году кончатся ремонтные страдания хабаровских рыбаков!

Вот так обостряется с каждым годом эта проблема.

— Нам необходима собственная ремонтная база,— сказал Геннадий Иванович.— Даже если со временем Северный завод действительно организует участки для наших кораблей, мы будем ставить суда только на средний и капитальный ремонт. А межрейсовый—делать самим? Конечно, если будут цеха и оборудование, люди найдутся. Есть специалисты, долгие годы работавшие в море, но желающие остаться на берегу. Они не хотят уходить с предприятия, с которым связаны долгие годы работы. Сегодня у нас хороший, перспективный коллектив. База имеет большой добывающий и вспомогательный флот, для нее уже сегодня нужен ремонтный лимит. Выход из сложившейся ситуации мне видится в развитии собственных ремонтных мощностей.

— Раз уж затронули в разговоре наше уважаемое министерство,— включился в беседу старший механик «Баженовска» Николай Васильевич Аникеев,— то я скажу о наболевшем. Известно, флот держится на специалистах, работающих на базе. Постоянно! Временный человек, например, матрос-обработчик, приходящий на путину, никакой не хозяин. Сегодня пришел, завтра ушел. Море — профессия для боцманов, рулевых, мотористов, электриков, машинистов. Так вот, два года назад министерство изменило порядок оплаты — по новым расценкам матрос-обработчик стал получать больше специалиста. В результате специалисты стали переквалифицироваться в матросов. Вахту некому стоять! Неужели в Москве виднее, что и как делать на кораблях, которые базируются за десять тысяч километров от столицы?

...В московских кабинетах пять лет не могли решить вопрос ремонта «Баженовска». Вот почему и механики, и мотористы занимаются саморемонтом. Смекалка механиков «Баженовска» заставит еще поработать машины траулера! И экипаж вернет себе славу передовиков. Но рыбаки спрашивают: долго ли еще им ставить заплаты из энтузиазма на капитальные прорехи? И должен же кто-то ответить за подобную бесхозяйственность?

«Красный конь».

ПОВОРОТЫ В П

Анатолий ПРОХОРОВ,
фото Олега МЫШКИНА

Ни одна человеческая судьба не обходится без поворотов. Без ощущения — по прошествии некоторого времени — «выработанности породы» на сегодняшнем этапе жизненного роста, без ощущения «излета» своего движения по когда-то выбранному тобой направлению. Тогда поворот неизбежен. Но не все мы любим «правила движения», указывающие нам на эту необходимость. Мы и в жизни норовим проехаться как можно дальше на инерции движения и мышления.

Ну а как быть, если в судьбе одни повороты? Как у Гедрюса Мацкявичюса, художественного руководителя Московского ансамбля пластической драмы. Как быть тогда?

Тогда человеку сложно. Очень сложно. Но интересно.

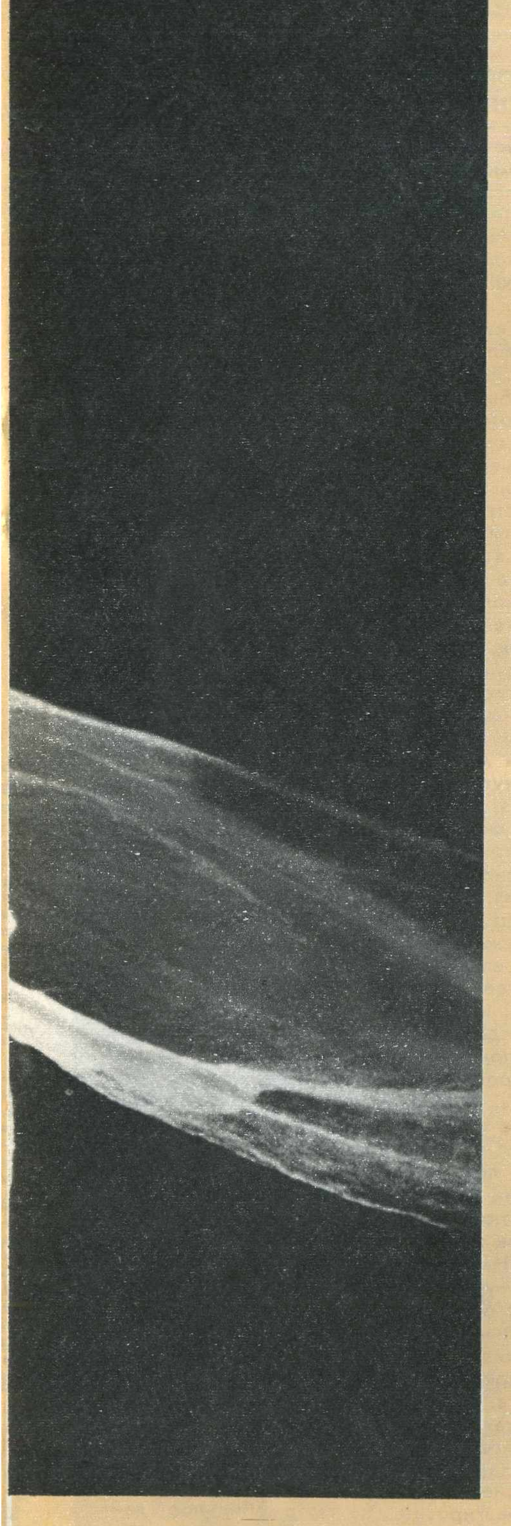
Наши заметки — о становлении «поворотности», о преодолении собственной инерции...

Но начнем сначала.

Весна сорок пятого года... В небольшой литовской деревне Грибену кричит новорожденный, который потом удивит односельчан тем, что в три года начнет читать, а в пять — пойдет в сельскую школу.

Через 16 лет удивит он и экзаменаторов, с легкостью (из сельской-то школы!) поступив на химический факультет Вильнюсского государственного университета. А через четыре года он удивит своих преподавателей и сокурсников, поступив начинающим актером в массовку Вильнюсского молодежного театра.

Лишь мимоходом упомянув первое высшее образование Гедрюса, остановимся на «втором высшем», которое для него было одновременно и переворотом судьбы, и становлением мироощущения. «Второе высшее» — это пять лет

работы в труппе пантомимы Каунасского драматического театра. Все в этой труппе было полно жизни, до предела обостренной впитыванием в себя и «перевариванием» окружающего мира. Все в этой труппе связано с ее художественным руководителем Модрисом Тенисоном.

Модрис, художник и по образованию, и по мироощущению, мыслил пространством, временем и человеческим телом, соединяющим их в своем движении. Его мышление не было режиссерским, ибо здесь еще (или уже?) не было поступка, не было характера, не было привычной для нас сценической «правды жизни». Была «жизнь человеческого тела», была нарочитая графичность его пластики, но зритель оказывался один на один с «жизнью человеческого духа» самого Тенисона.

Была ли это пантомима? Нет. Был ли это драматический театр? Нет. Был ли это Театр? Да.

«Университеты Тенисона» сделали из Мацкявичюса пластически изощренного мима, обладающего внутренним чутьем музыки собственного тела. Но было в молодом актере еще что-то, какой-то критически настроенный чертик, который время от времени начинал нашептывать на ухо Гедрюсу: «Куда бежишь? Заворачивай!» И Мацкявичюс сходил с прямой линии. Обдумывать житейские последствия своего поступка уже было некогда. Впереди маячили смутные очертания очередного поворота.

Вероятно, так было и в тот раз, когда Гедрюса, одного из ведущих актеров Тенисона, вдруг потянуло в режиссуру. И вот в Каунасе уже организована самодеятельная студия пантомимы, уже поставлено три поэтических представления. Последний из спектаклей был нещадно разруган худсоветом. По самолюбию Мацкявичюса был нанесен «бомбовый удар». Но Гедрюс воспринял его как новый толчок своего «чертика»: «Поворачивай!»

В 1972 году Мацкявичюс едет в Москву и поступает в ГИТИС на режиссерский курс М. О. Кнебель. Учеба у Марии Осиповны была для Гедрюса, как говорится, тем, что «доктор прописал». Вот где стали жизненно насущными вопросы, как увидеть поступок героя его же глазами, как приоткрыть миру его внутреннюю боль, как выявить его человеческие ценности. «Жизнь человеческого тела», по Тенисону, сплавлялась с «жизнью человеческого духа», по Станиславскому.

В 1975 году третьекурсник Мацкявичюс в своей московской студии пантомимы ставит спектакль «Преодоление», посвященный творческой судьбе Микеланджело. И театральная Москва поняла, что обрела еще один театр — театр Мацкявичюса, хотя этот театр не только не обладал помещением (как не обладает им Московский ансамбль пластической драмы и сейчас), но и профессиональным статусом.

В следующем году театр Мацкявичюса играет премьеру спектакля «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» по поэме П. Неруды, а через год — «Двенадцать» по знаменитой поэме А. Блока.

Что же такого было (и есть!) в этой триаде спектаклей, если все они к сегодняшнему дню стали бесспорной классикой советского пластического театра?

Было и есть много «такого». С чего же начать? Ну, хотя бы с того накала страстей человеческих, которые пульсируют в каждом спектакле Мацкявичюса. Пульсируют то на огромном пространстве палубы тонущего корабля, заполненном бушующей толпой (в исполнении 15 актеров на спектакле «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты»), то в нервном, порой издерганном движении хрупкой фигурки Шута из «Преодоления». Пластический театр Мацкявичюса — это театр кульминации, тотального драматизма, который присутствует не только в сценической событийности, но и в звуковой канве спектакля, и в световой партитуре, и во внутреннем состоянии актеров... Такого взлета драматизма не знало, пожалуй, искусство пантомимы.

И вот что еще обнаружилось. Эти и последующие спектакли Московского ансамбля пластической драмы (так назвала себя труппа Мацкявичюса, когда в 1978 году стала профессиональной) оказывают прямо-таки разрушающее воздействие на современную пантомиму.

Что же разрушил Мацкявичюс в пантомиме? Прежде всего — искусственную отдельность пантомимы от драматического театра, от искусства драматического актера. Окончательно рухнула и камерная замкнутость жизни и проблематики героя современного мима.

Пластический театр Мацкявичюса каждым своим спектаклем с художественной убедительностью ставит перед пантомимой вопрос о ее сценическом самоопределении. Театр она или эстрада, спектакль или концерт, царство ли сольного мима или содружество актеров, обладает ли она своим особым языком или же в состоянии постоянно находить все новую пластическую выразительность в ответ на требования времени...

Все это, вместе взятое,— и профессиональный статус труппы, и творческие задачи по «разрушению созиданием» — и определило новый поворот Мацкявичюса. Поворот к актерам, к новому уровню актерских задач.

Новые спектакли «Красный конь» или «И дольше века длится день» по роману Ч. Айтматова... Зритель на них чувствует, что подлинный, жгучий интерес автора спектакля сосредоточен в самом театральном экспериментировании, с массой значимых для него сценических тонкостей и актерских нюансов. В триаде же первых спектаклей Мацкявичюс, образно говоря, не видел ничего, кроме своего зрителя. Казалось, любое художественное средство, которое подвертывалось ему под руку, было нацелено туда, в зрительный зал.

И тут же режиссер делает еще один шаг — к сценическому воплощению целостных музыкальных произведений (напомним, что в традициях современной пантомимы — «мозаика» различных музыкальных фрагментов, от которой зачастую «рябит в ушах»). По предложению Альфреда Шнитке, одного из ведущих советских композиторов, Ансамбль пластической драмы «играет» в Концертном зале имени Чайковского музыкальную композицию Шнитке «Желтый звук», созданную по театральному сценарию известного русского художника Василия Кандинского. Спектакль-концерт был сыгран только один раз. А через год по предложению Святослава Рихтера ансамбль сыграл «Историю солдата» Игоря Стравинского. И снова всего один раз.

Несколько месяцев репетиционной работы, поиски новых средств выразительности, труд актеров, беспрестанное экспериментирование с контактом между «живой» музыкой (оркестр располагался по краям сцены) и актерами — и все это ради одного-единственного (уникального в прямом смысле этого слова) выступления?

А ведь есть еще и гастроли. От Прибалтики до Сахалина, от Норильска до Одессы. А ведь театр не эстрадный коллектив.

Так надо ли совмещать повороты в творческих поисках ансамбля с расхожестью его гастрольных судеб?

А у Гедрюса тем временем новый этап. В ГИТИСе, где он преподает практически со времени его окончания, режиссер хочет набрать курс актеров пластического театра. Это стремление создать основы «школы переживания» для актера пластического театра. Удастся ли Мацкявичюсу внутренне объединить театр, молодую студию театра и свой курс одними и теми же задачами творческого роста, актерского и режиссерского эксперимента? Объединить таким трудным желанием делать только первые шаги. А потом вновь поворот...

«Блеск Золотого руна».

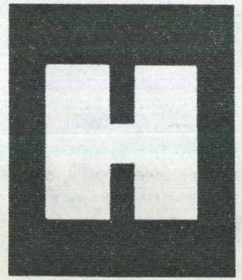

Контрасты древнего города

Алексей **ВАСИЛЬЕВ**

Фото автора

На стыке дельты Нила и Верхнего Египта находится Каир. Здесь естественное место для «сверхгорода». В пределах нынешнего каирского мегалополиса или в его ближайших пригородах оказались все прежние столицы объединенного Египта — Ун, Гелиополис, Мемфис, Фостат, мусульманский Каир.

Сейчас в Большом Каире (включая Гизу, Шубру, аль-Хейму, другие города) — более 12 миллионов жителей, и каждый год прибавляется триста — триста пятьдесят тысяч. Каир входит в десятку крупнейших городов мира.

В городе сосредоточена основная часть промышленности Египта. Он же вместе с пригородами главный центр создания новых предприятий. Положение, общее для развивающихся стран.

Каир — мощный центр прогресса, социальных и экономических перемен, генератор идей, новых форм потребления товаров и услуг, но его рост болезненно гипертрофирован.

Такое развитие столицы называют нередко «псевдоурбанизацией». Это количественный рост, непропорциональный качественному росту его социально-экономических функций, в определенной степени расширение паразитической части города.

Египет существует для Каира, а не Каир для Египта. Своим культурным, политическим, экономическим весом Каир перекрывает всю страну. Если подсчитать зарплату, которая выплачивается в столице, его службы коммуникации, численность ученых, инженеров, врачей, то, конечно же, его вес будет много больше, чем при чисто демографическом подсчете. В Каире сосредоточена четвертая часть жителей Египта, но треть чиновников и от половины до четырех пятых врачей, инженеров, если не считать тех, кто выехал на заработки за границу.

Нередко международная роль Египта превышала его реальные возможности. Довольно часто Египет больше ресурсов тратил вовне, чем внутри страны. Крупная голова пыталась заставить слабое тело и ноги действовать так, как будто она находилась на плечах гиганта.

При Насере Каир был как бы неофициальной столицей всех арабских стран. В этом смысле его географическое положение и даже размеры играли ему на руку.

Не будет преувеличением сказать, что Египет — это Каир. Египетские арабы употребляют слово «Миср» (или разговорное «Маср») как название и своей страны, и ее столицы. Обжитая территория слишком мала — около 40 тысяч квадратных километров, и весь Египет становится гигантским пригородом (сверхгорода), особенно если учитывать, что Каир и Александрия как бы двинулись навстречу друг другу, вокруг столицы появились города-спутники, а зона канала приблизилась к ней благодаря современным автострадам. Деревня, растущая вверх своими новыми домами, в которой больше половины жителей уже не заняты сельским хозяйством, еще более усиливает ощущение мегалополиса, заполняющего долину и дельту Нила.

То там, то в одиночку, то целыми группами встречаются жемчужины выдающихся творений архитектуры.

За исключением средневековых мечетей, школ-медресе, караван-сараев, фонтанов трудно говорить о «египетском» или «каирском» архитектурном стиле. Современность на все накладывает печать космополитизма, голой функциональности. Гостиницы «Меридиан», «Хилтон» или «Шератон» с трудом отличишь от их сестер в других столицах мира. Графический отпечаток современной центральной части Каира на багряном фоне заката — уже не минареты и купола, а прямоугольники высоких зданий, которые претендуют на звание небоскребов. Они столпились по берегам Нила, в районе острова Гезира и южнее, и нельзя отрицать их элегантности, удачного сочетания с волнами великой реки и купами пальм, кажущихся комнатными цветами у их подножий. Они слились с городским пейзажем Каира, но их архитектурный стиль международный. О кварталах серых, бетонных блоков на окраинах и говорить нечего.

Час «пик» на столичных улицах затягивается с утра до позднего вечера, и не раз убеждаешься, что совершить пешком малоприятную и неблизкую прогулку под африканским солнцем с острова Гезира в центр города оказывается быстрее, чем проехать на автомашине, для которой вдобавок будешь полчаса искать место стоянки. На улицах появляется все больше вторых этажей — эстакад, иногда двухъярусных. Они временно разгрузили основные магистрали, но порой и на эстакадах выстраиваются многокилометровые «хвосты» автомашин, а выхлопные газы травят людей на первых этажах не только сбоку, но и сверху, и дома вдоль главных улиц будто плывут в сизом тумане. Центральные районы города загазованы так, что после продолжительной прогулки начинает подташнивать, как при отравлении, и я своими глазами видел иностранцев в кислородных масках.

Каирские автобусы набиты до немыслимой степени, и можно лишь удивляться, как они еще движутся. Пассажиры висят на подножках и сидят в окнах. Между ними, когда внутри, когда снаружи автобуса, совершая акробатические трюки, пробирается кондуктор, умудряясь собирать плату и отрывать билеты для пассажиров. Едва вырвавшись на свободную часть улицы, это осевшее, накренившееся набок сооружение развивает большую скорость, чтобы через пару минут застрять у перекрестка, где в демократизме автомобильной «пробки» равны и роскошный лимузин, и рейсовый автобус, и даже ослик, запряженный в тележку.

Ослик пока остается довольно распространенным средством транспорта в каирском мегалополисе. Еще в начале 60-х годов, в бытность мою студентом Каирского университета, я встречал и стада верблюдов, что гнали суданцы по левому берегу Нила на знаменитый верблюжий рынок, а иногда и грузового дромадера с тюками овощей и фруктов. Но сейчас верблюдов в Каире практически нет, а ослики остались. На них разъезжают мусорщики, которые, как муравьи — санитары леса, подчищают и вывозят отбросы «сверхгорода», а заодно и сортируют их для вторичного и третичного использования в кварталах, где живут обездоленные. На ярко раскрашенных телегах в ослиной упряжке в город за покупками может приехать целая крестьянская семья, а в ночное время и под утро на повозке с фонарем развезут по лавкам и базарчикам свежую зелень. Спокойствие и понятливость позволяют осликам не реагировать на автомобильное движение.

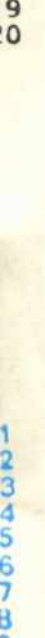
Экономисты считают, что ослики поедают слишком много травы и вместо них феллахам нужно было бы разводить более продуктивных животных, а горожанам перейти на мотороллеры. Но как расстаться с удобным, неприхотливым помощником и где взять деньги на мотороллер? Не проще ли обойтись велосипедом?

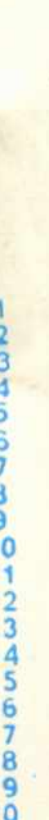
Велосипедисты в Каире двух видов. Одни давно усвоили, что на работу быстрее и надежнее добираться, используя мускулы собственных ног, чем энергию сгорания бензина. Эти — более или менее спокойны и дисциплинированны. Другие — посыльные, развозчики, чаеносы — могут с подносом, уставленным тарелками с горячим кебабом или чашечками кофе и стаканами воды, штуками материи и буб-

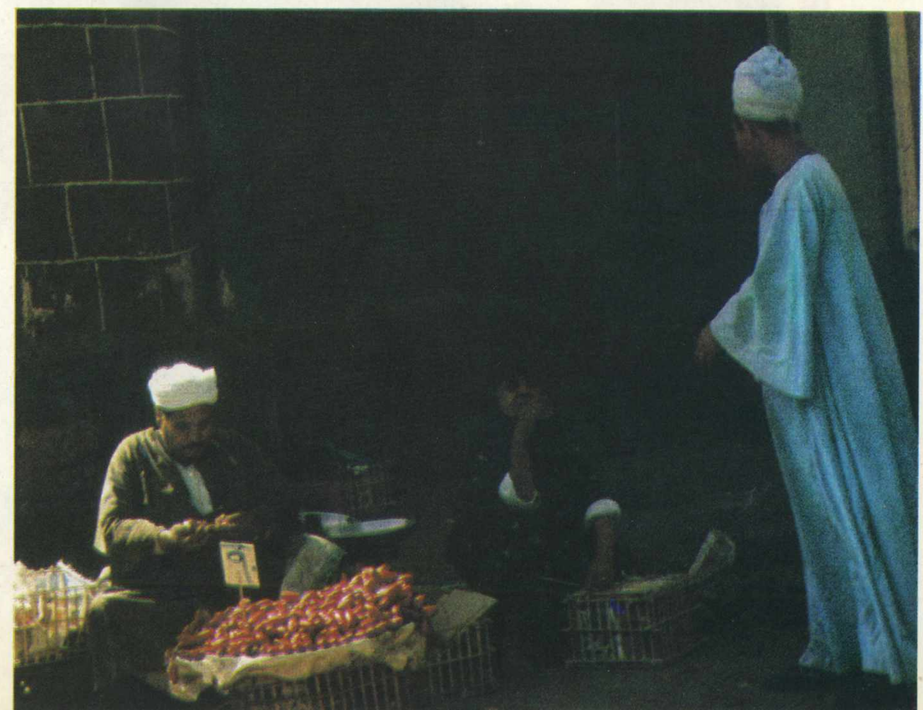
На улицах Каира ● В египетской столице вырастает все больше многоэтажных зданий ● Уличный торговец ● Феллах из пригородной деревни.

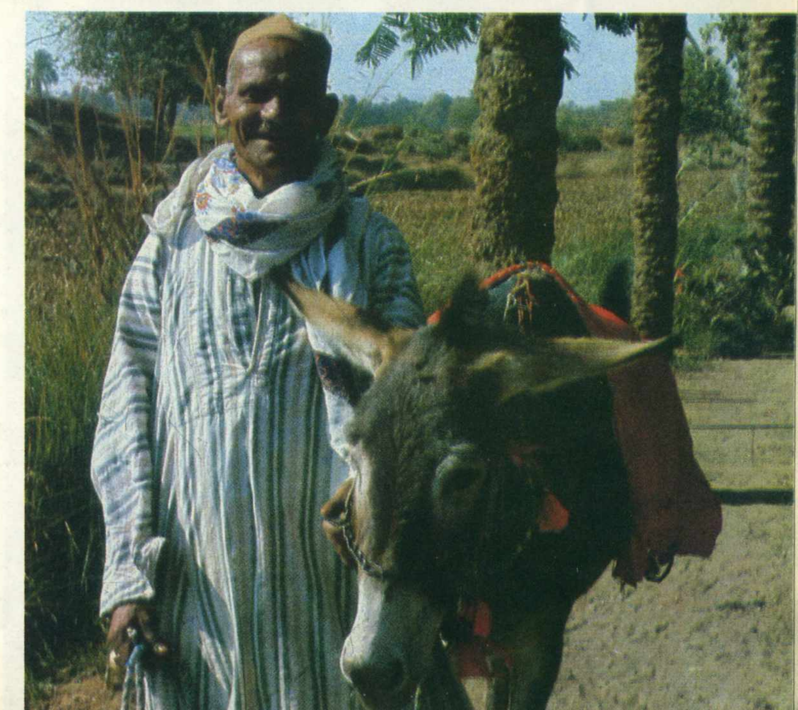

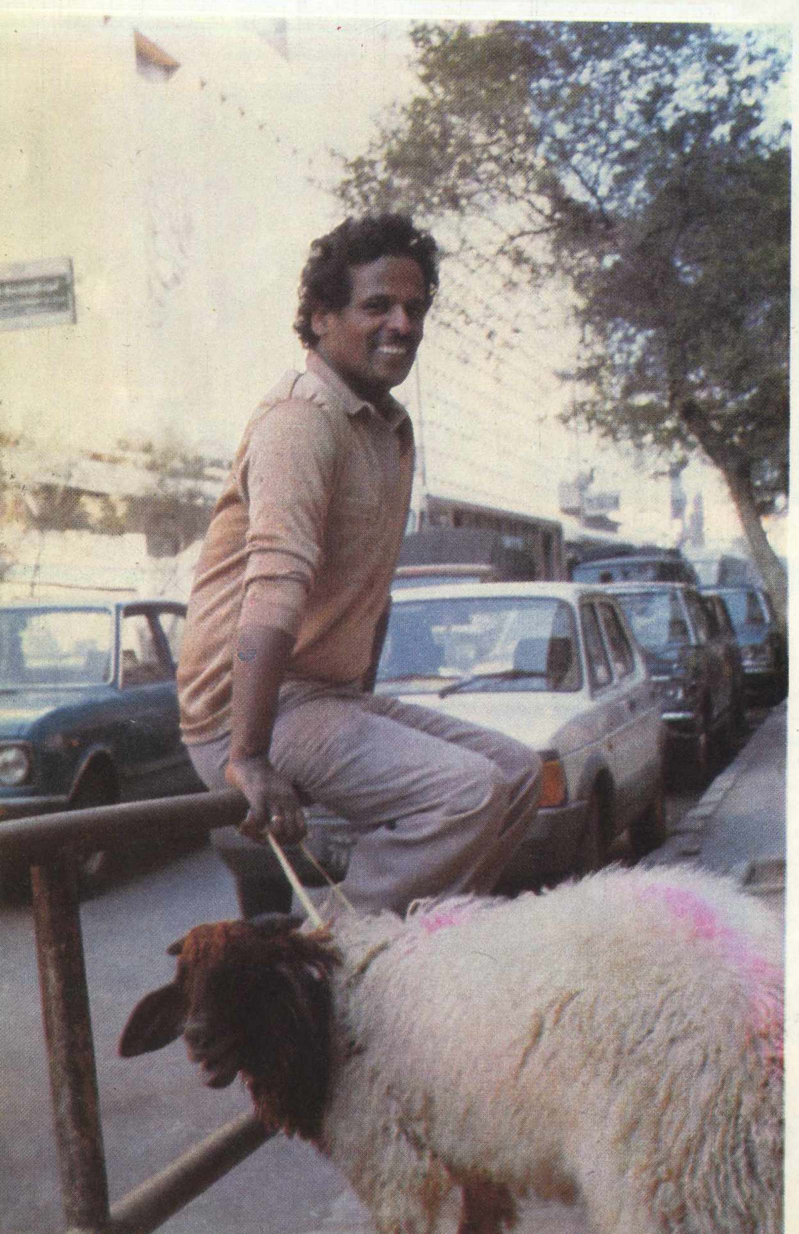

Marlboro
Marlboro

ликами, виртуозно маневрировать среди машин так, будто они едут по пустой площади.

Более хаотичного движения, чем в Каире, я не встречал. Безалабернейшие Стамбул и Тегеран по сравнению с ним кажутся воплощением дисциплины и порядка. Привыкнув к Каиру, где на зажженный красный свет еще проскакивают автомобилисты, я и в Москве первое время не сразу реагировал на желтый, не спешил трогаться при зажженном зеленом. Однажды в час пик я попытался проехать по каирской улице с односторонним движением, забитой автомашинами, направлявшимися как раз в обратную сторону. Все нарушавшие правила были решительно против меня, пытавшегося их соблюдать. Я уступил, поняв, что в каждой стране надо подчиняться ее нравам и правилам или их отсутствию.

Городу нужно метро. Его строительство откладывалось десятилетиями из-за нехватки средств. Но в восьмидесятые годы его закладка наконец состоялась. Первая линия должна соединить два железнодорожных вокзала. Центральная площадь Ат-Тахрир, и раньше переполненная людьми и автомашинами, разрыта вдоль и поперек для строительства метро, и несколько десятков полицейских с трудом справляются с волнами людского моря, что сшибаются здесь в невообразимом водовороте. Лишь фатализм, чувство юмора и надежда, что когда-нибудь эта стройка закончится, умеряют раздражение каирцев.

Транспортные муки — это еще полбеды. Все коммунальное хозяйство города строилось из расчета на максимальное увеличение числа жителей до трех миллионов человек.

Не хватает воды. Насосные станции и водопроводы не обеспечивают мегалополис водой в достаточных количествах, хотя Нил — вот он, под рукой.

Очищенная вода Нила прекрасна. Ею утоляют жажду бедняки — из больших глиняных сосудов с консервной банкой вместо кружки, которую содержат в подъездах для прохожих,— и богачи, пьющие отфильтрованную воду. В студенческие годы нашим фильтром и «холодильником» был глиняный кувшин с пористыми стенками. Всегда запотевший, особенно в жару, он сохраняет свежесть и прохладу влаги. В Египте он распространен повсеместно. Но в трубах вода просто грязная. Очистные сооружения или изношены, или недостаточной мощности.

Урбанизация и индустриализация несут с собой загрязнение Нила. По сравнению с Рейном или Миссисипи он покажется девственной рекой, но широкие пятна грязных технических масел уже плывут и по нему.

Угроза разрушения окружающей среды есть и в Египте. В долине и дельте Нила она особенно опасна, так как здесь создан хрупкий баланс между окультивированной человеком землей и пустыней. С помощью высотной Асуанской плотины Нил в любое время года обеспечивает и всеегипетский «сверхгород», и его сельское хозяйство. Но справится ли он с задачей напоить Египет через десять — двадцать лет?

Каир быстро строится, выбрасывая в пустыню и, к сожалению, в поля все новые кварталы. Но жилищ не хватает и не будет хватать, по крайней мере в ближайшие полсотни лет. Многокомнатные квартиры с видом на Нил, а то и с бассейном на крыше продаются по полмиллиона фунтов и могут годами стоять пустыми, ожидая покупателя — местного нувориша или саудовского эмира. Но каждый день — я не преувеличиваю,— каждый день в Булаке, или Агузе, или Сейидна Зейнаб обрушиваются на обитателей обветшавшие донельзя, перенаселенные дома. Люди не покидают жилищ, находящихся в аварийном состоянии, просто потому, что других нет или они недоступны по ценам.

Триста тысяч зданий в Каире нуждаются в срочном ремонте. Большинство из них никогда не будет отремонтировано.

Вчерашние крестьяне поселяются где могут и где придется. Нельзя даже сказать, что «Каир окружен трущобами». Трущобы есть и в центре, и на окраинах. Они захлестывают фешенебельные кварталы. В Египте нет дождей, и крыши многих роскошных домов заняты бездомными, целыми семействами, которые за это оказывают различные услуги дворникам — баввабам. Не попадаясь на глаза жильцам, они поднимаются наверх черным ходом и устраиваются под навесом среди старых ящиков и ржавого железа, нередко приводя с собой козу или кур, а то и разбив небольшой огород в ящиках с землей. Не стоит удивляться, услышав в Замалеке или на площади Оперы в предрассветной тишине крик петуха или блеяние козы.

Место скорби, покоя и молитв, знаменитый каирский «город мертвых» был замечен еще Иваном Буниным. Расположенный слева от шоссе, идущего из аэропорта, «город мертвых» стал густонаселенным районом Каира. В склепах были помещения, пригодные для жилья, и живые потеснили усопших.

В «городе мертвых» есть крошечные мастерские, лавчонки, кое-кто из богатых родственников усопших оплачивает присмотр за могилами, но здесь не дымит ни одна труба, нет ни одного предприятия, заслуживающего это название. Чем живет большинство обитателей «города мертвых», как и многих других трущобных районов,— для меня ответ на этот вопрос всегда лежит где-то на зыбкой почве мистики.

Две трети каирцев из числа самодеятельного населения не имеют определенных занятий.

Для многих из них Каир — лишь полустанок в гораздо более длительном путешествии. Преданный долине и дельте Нила египтянин, раньше неохотно расстававшийся с родиной, стал заядлым путешественником. Главный магнит — арабские нефтеэкспортирующие государства. За границей сейчас более трех миллионов египтян. Больше всего их в Ираке, Саудовской Аравии, Ливии. Заработная плата в странах, которые были охвачены нефтяным бумом, в несколько раз выше, чем в Египте. Когда задают вопрос: эмиграция для Египта — благо или зло, спасение или трагедия?— на него нелегко ответить. Конечно, египетская экономика не в состоянии занять все рабочие руки, и выезд за границу уменьшает безработицу.

Прежний престиж образования, чиновничьего кресла заменяется культом денег. Произошла как бы историческая месть общества всесильной бюрократии. Заработок чиновников не может угнаться за инфляцией, он отстает и от зарплаты других категорий самодеятельного населения. Учитывая многочисленность чиновничьего сословия, оно в своих низовых звеньях не может существенно поправить свое положение воровством или взятками. Общее падение общественного статуса и уровня жизни распространилось и на абсолютно необходимые обществу категории лиц с твердыми заработками — учителей, врачей государственных больниц, экономистов, инженеров государственного сектора.

Но за более высокие заработки и механики, и квалифицированные рабочие расплачиваются более интенсивным и продолжительным трудом, ухудшением качества жизни в мегалополисе с его удушливым воздухом, транспортными муками, нехваткой и дороговизной жилья. Кто же выигрывает в этой ситуации, кто снимает сливки? При ответе на этот вопрос все взоры невольно устремляются в сторону торговца и спекулянта, но отнюдь не уличного лоточника или мелкого лавочника.

...У нас на улицах есть прохожие и автомашины, иногда велосипедисты. В ряде мест продают мороженое или пирожки с повидлом. И уж вовсе редко встречаешь цветные базарчики. Представим себе, что такой базарчик растянут на много кварталов; что на нем торгуют не только цветами, но и печеным сладким картофелем — бататом или вареной кукурузой, воздушными шарами и жареными орешками, сахарным тростником, холодными напитками и шербетами из больших бутылей, дешевой бижутерией и скобяными товарами, что прямо перед входом в мясные лавки висят туши баранов или буйволов, а на земле разложены овощи и фрукты; что здесь же разъезжают тележки с дымящимися котлами, полными фасолевой похлебки, или с шипящими сковородами, на которых в растительном масле жарятся зеленые шарики таамийи — котлеток из бобов и трав. Вот тогда вы получите отдаленное представление о том, как выглядят многие каирские торговые улицы или районы. Но как передать эту смесь запахов каирской пыли, выхлопных газов, острых соусов, пахучих цветов? Как передать это ощущение от туч мух, которые, как ни странно, не дохнут от выхлопных газов, от торговца, который, разложив гайки или прокладки для кранов, спит прямо под ногами прохожих, положив под голову вместо подушки включенный на полную мощность японский транзистор? Как передать впечатление от снующей взад и вперед толпы, бедной и несытой, кое-как одетой, но неунывающе веселой и крикливо шумной, от кофейни, где посетители, посасывая наргиле (кальян) и пуская дым, философски спокойно глядят на суету бренного мира или азартно подпрыгивают, следя по телевизору за футбольным матчем? Люди нередко торгуют, едят, спят прямо на тротуаре. Тут же чинят обувь или ковры, латают одежду, учат уроки или молятся, постелив тряпку или молитвенный коврик и обратившись лицом к Мекке.

Число египетских торговцев — легион. Все мои попытки найти мало-мальски надежную статистику на этот счет окончились неудачей. Порой кажется, что в Египте торговцев больше, чем покупателей, хотя это впечатление обманчиво. Торговля престижна: ведь пророк Мухаммед был торговцем и женился на богатой купчихе. Торговля выгодна. В наши дни пятьдесят, сто, триста процентов прибыли, особенно на импортных товарах, не вызывают удивления.

Вскоре после прихода к власти Садат провозгласил политику «инфитаха»—«открытых дверей», полной либерализации торговли, экономической деятельности местного и иностранного капитала, частных банков.

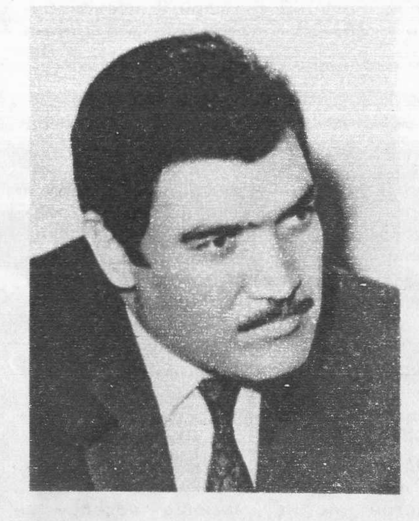
«Инфитах», снявший с частников все оковы, обернулся разнузданным ростом спекуляции. Символом нуворишей-спекулянтов в семидесятые годы стала улица Шаварби, в центральной части Каира, где были открыты лавки, магазинчики, или, как их стали называть на французский манер, «бутики», с импортными товарами. В громадах домов с давно не ремонтированными фасадами, с трущобными поселениями прямо на крышах, в забитых мусором, грязных и вонючих переулочках, на первых этажах сияли по вечерам неоновым блеском витрины, наполненные осколками «красивой» заграничной жизни. Товары предназначались для египтян отнюдь не среднего достатка. Раковая опухоль улицы Шаварби выбросила метастазы и в другие районы Каира. Спекулятивная торговля импортными или контрабандными товарами стала полулегальной и массовой.

На импортно-экспортных операциях сколачивались состояния. В Египте появились миллионеры — сначала десятки, потом сотни и тысячи. Их называли «жирными котами инфитаха». Они не могли бы жиреть и лосниться без теснейшей, органической связи, фактически слияния с верхушкой административно-бюрократического аппарата, включая полицию.

Куда ведут «открытые двери» Египта?— задавали и задают вопрос египтяне. Что означает для страны продолжение курса, начатого Садатом? От насеровской эпохи осталась высотная Асуанская плотина, заводы и фабрики, сооруженные при сотрудничестве с Советским Союзом. А что осталось после десятилетнего правления Садата?

...Великий Каир, такой древний (пять тысячелетий истории) и такой юный (два его жителя из пяти — моложе пятнадцати лет), предстает перед нами в своих противоречиях и контрастах, в переплетении традиций и бурных перемен. Бродишь по его улицам и базарам, сидишь в кофейнях, беседуешь с каирцами и слышишь все-таки слова надежды на перемены к лучшему. В политике, экономике, в египетско-советских отношениях. Египтяне хотят этих перемен, устав за годы садатовского режима от лишений, репрессий, лжи.

Каирские базары шумны и многокрасочны ● Продать в городе живого барашка — значит хорошо заработать ● У газетного киоска.

Сражаемся и строим

На наши вопросы отвечает Генеральный секретарь ЦК НДПА товарищ НАДЖИБ

В центре Кабула, на площади перед бывшим королевским дворцом, переименованным во Дворец народа, стоит на белокаменном постаменте тяжелый танк. Восемь лет назад, 27 апреля 1978 года, этот танк, управляемый майором Асламом Ватанджаром (ныне он член Политбюро ЦК НДПА и министр связи ДРА), первым ринулся на штурм дворца — оплота тиранической династии Надиров. Так началась Апрельская революция, в результате которой власть в стране перешла из рук феодально-помещичьего класса в руки трудящихся. Поднятый на мраморный пьедестал, танк стал символом мужества афганских революционеров.

— Восемь лет — срок, казалось бы, не столь уж большой, но какие важные, разительные перемены произошли на афганской земле! — говорит Генеральный секретарь ЦК Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) товарищ Наджиб.— Это был славный, хотя и сложный период, в течение которого мы познали не только радость революционных побед, но и горечь утрат, и опасность ошибок. Если говорить о главном, что определяло и определяет сейчас жизнь свободного Афганистана, то оно, это главное, состоит в том, что впервые в многовековой истории Афганистана народ стал творцом и зодчим своей судьбы.

Мы беседуем с товарищем Наджибом в его рабочем кабинете в ЦК НДПА. В светлой, просторной комнате нет ничего лишнего — широкий письменный стол и многочисленные шкафы с книгами составляют всю ее обстановку. В углу, на телевизоре, стоит искусно сделанный сувенир, сработанный руками челябинских умельцев, он был передан ЦК НДПА в связи с 20-летием ее создания от ЦК КПСС. За широкими окнами шумят деревья старого парка.

— Суть, стержень нашей внутренней политики сегодня — в том, чтобы всемерно расширять социальную базу революции, активно привлекать к решению задач общегосударственного, общенационального масштаба возможно более широкие слои населения,— продолжает товарищ Наджиб.— Многое в этом направлении уже сделано. Растут ряды Национального отечественного фронта (НОФ), в котором насчитывается около 760 тысяч членов, других общественно-политических организаций. Значительно расширен состав Ревсовета ДРА, Совета министров республики. В ходе выборов в местные органы власти — джирги, которые уже прошли во многих провинциях страны, депутатами избраны представители всех слоев населения: члены партии и беспартийные, мужчины и женщины, рабочие, крестьяне и ремесленники, служители культа и авторитетные деятели племен, представители интеллигенции и мелкой буржуазии. Успешно идет подготовка проекта новой конституции. Разумеется, процесс расширения социальной базы новой власти — процесс нелегкий, непростой. Однако уже сегодня очевидно, что ориентиры избраны верные, а линия НДПА встречает одобрение широких слоев населения.

Он подошел к карте Афганистана, висящей на стене.

— Афганистан — аграрная страна, сельское хозяйство — основа нашей экономики. Но хотя в сельском хозяйстве занято более 70 процентов трудоспособного населения, производительность в этой сфере еще семь-восемь лет назад была одной из самых низких в Азии. Причины очевидны: львиная доля земель принадлежала до революции феодалам-помещикам и богатеям-спекулянтам, а миллионы крестьян бедствовали, обрабатывая с помощью примитивных сох, кетменей и мотыг свои крошечные каменистые наделы; более 500 тысяч крестьянских хозяйств были вообще лишены земли.

Революция положила конец старым порядкам: в результате земельно-водной реформы около 320 тысяч безземельных и малоземельных крестьянских семей уже получили бесплатно более 340 тысяч гектаров земли. Хотя наемники-душманы сожгли и разрушили более двух тысяч школ, за годы, истекшие после революции, более 1 200 000 афганцев овладели «тайной чтения». Растет национальная индустрия. В ходе первой афганской пятилетки, начавшейся весной нынешнего года, при экономическом и техническом содействии СССР будет создано более 130 новых важных народнохозяйственных объектов...

Товарищ Наджиб продолжает рассказ, а я слушаю его и вспоминаю свои журналистские поездки по Афганистану. В каком бы районе этой древней живописной страны ни приходилось бывать — всюду можно увидеть реальные и весомые плоды активного советско-афганского экономического сотрудничества. В Кабуле это построенные при помощи СССР крупные по афганским масштабам промышленные предприятия, такие, как столичный хлебозавод и домостроительный комбинат, а также политехнический институт — главная кузница инженерных кадров страны. В районе Наглу — крупнейшая в Афганистане гидроэлектростанция. На севере, в Мазари-Шарифе,— мощный завод азотных удобрений, использующий в качестве сырья афганский природный газ. Ирригационные сооружения в плодородной Джалалабадской долине, газопромыслы в Шибиргане, речной порт Хайратан на Амударье, автомобильные дороги — вот далеко не полный перечень объектов, сооруженных и сооружаемых в ДРА с помощью и при техническом содействии СССР. К этому надо добавить, что на предприятиях, построенных при советской помощи, уже подготовлены почти десятки тысяч афганских специалистов — квалифицированных рабочих, мастеров, техников, которые сегодня сами успешно передают свои знания и опыт молодежи.

Известно, что определенные империалистические круги, развязавшие против ДРА не только вооруженную, но и идеологическую агрессию, всячески пытаются очернить Афганистан, дискредитировать народную власть, не прекращают клеветнических наскоков как на внутреннюю, так и на внешнюю политику ДРА. Не успел завершиться состоявшийся в начале мая 18-й пленум ЦК НДПА, обсуждавший организационный вопрос, а госдепартамент США уже распространил официальное заявление, в котором злонамеренно извращалась линия ДРА на международной арене, а в качестве «доказательства» заявлялось, что, дескать, новый Генеральный секретарь ЦК НДПА, как и его предшественник, намерен «проводить политику Москвы». Что думает по этому поводу товарищ Наджиб?

— Господа из Вашингтона намеревались запустить в направлении Кабула очередную ядовитую стрелу, а запустили бумеранг,— говорит товарищ Наджиб.— Ведь слово «Москва» по праву ассоциируется сегодня во всем мире с принципиальной, исторического значения концепцией мира без войн, без оружия, выдвинутой XXVII съездом КПСС. Это слово ассоциируется с широким комплексом масштабных инициатив, направленных на то, чтобы человечество вошло в XXI век, освободившись от ядерной угрозы, чтобы была создана всеобъемлющая система международной безопасности. У нас, в Азии, это слово прочно ассоциируется с целым рядом важных советских предложений, которые, будь они реализованы, превратили бы азиатский континент в зону прочного мира и добрососедства. Эту политику поддерживают все миролюбивые государства, и именно потому многие из них заносятся в вашингтонских политических реестрах в перечень чуть ли не «сателлитов СССР». Вот если бы мы в Кабуле отказались от участия в борьбе за мир, перечеркнули антиимпериалистические принципы движения неприсоединения и принялись аплодировать опаснейшим планам подготовки «звездных войн» и подземным ядерным взрывам, зловещее эхо которых разносится из штата Невада по всему миру,— вот тогда, можете не сомневаться, империалистические круги сразу бы возвели Афганистан в ранг «подлинно суверенных держав». Но нам не нужны «комплименты» империалистов. Мы твердо, решительно будем и впредь проводить ту внешнеполитическую линию, которая отвечает национальным интересам и чаяниям свободного и независимого афганского народа, интересам мира.

Высшая цель нашей внешней политики в том, чтобы обеспечить нашему народу возможность строить новую жизнь в условиях мира и свободы. Отсюда незыблемость и последовательность внешнеполитического курса ДРА, основанного на принципах дружбы народов, мирного сосуществования, неприсоединения, борьбы за мир и безопасность. Одно из важнейших направлений этого курса — активные усилия, направленные на достижение скорейшего урегулирования обстановки вокруг Афганистана, которое обеспечило бы реальное прекращение и надежно гарантировало бы невозобновление вооруженного вмешательства во внутренние дела нашей суверенной страны. Об этом, думается, особенно важно еще раз сказать сегодня, когда на переговорах, которые мы ведем в Женеве с Пакистаном через личного представителя генерального секретаря ООН, наступил особо ответственный этап. Мы убеждены: справедливое урегулирование возможно. Что нужно, чтобы эта возможность стала реальностью? Только одно: политическая воля, ответственный, реалистический подход со стороны Пакистана и тех кругов Запада, усердием которых была создана «афганская проблема».

Он с минуту помолчал.

— Революция должна уметь себя защищать,

и одну из главных задач ЦК НДПА мы видим сегодня в том, чтобы всемерно укреплять вооруженные силы страны. Наша революционная армия молода, но у нее уже есть и боевой опыт, и славные традиции. Это традиции тех, кто недавно сокрушил созданную в горах юго-востока, в округе Хост, крупную бандитскую крепость, где уничтожено более двух тысяч душманов, оснащенных ракетами, зенитными установками и другим современным оружием американского и английского производства. Тех, кто стойко охраняет мосты и туннели Саланга, ведет боевую работу по обеспечению нерушимости наших государственных границ. Активное участие в борьбе с контрреволюцией принимают оперативные части МГБ, отряды народной милиции, племенные территориальные войска. В боях с душманскими шайками — а только в 1985 году в стране разгромлено около 200 вскормленных за кордоном банд, включавших более 30 тысяч наемников,— куется воинское мастерство наших солдат и офицеров, мужает их моральный дух. Мы ставим перед армией цель: добиться коренного перелома в борьбе с контрреволюцией! И эта цель будет достигнута.

Восемь лет назад, когда партия подняла знамя Апрельской революции, в рядах НДПА насчитывалось 18 тысяч человек, сегодня в ней 155 тысяч членов и кандидатов. Приумножен опыт политической работы НДПА в массах, растет ее авторитет. Почти 65 процентов партийцев под ружьем. НДПА — поистине сражающаяся партия, и каждый из нас, членов НДПА, по праву гордится своей принадлежностью к ней...

Биография товарища Наджиба — это биография многих и многих из тех, кто строил и укреплял НДПА, кто готовил победу Апрельской революции, а ныне стоит на страже ее завоеваний. Сын служащего, по национальности пуштун, товарищ Наджиб родился в 1947 году, и, по существу, вся его сознательная жизнь связана с партией, с революционной борьбой. Он вступил в НДПА 19-летним юношей и в ее рядах принимал активное участие в борьбе против тирании и подготовке революции, за что дважды подвергался тюремному заключению. С первых дней победы революции он на всех участках, куда направляет его партия,— будь то дипломатическая работа или ответственный пост начальника службы государственной информации — отдает все силы делу укрепления народной власти. С 1977 года товарищ Наджиб — член ЦК НДПА, с 1981-го — член Политбюро ЦК НДПА.

Я спрашиваю товарища Наджиба, что он хотел бы передать советским людям, читателям «Огонька».

— После того, как 18-й пленум ЦК НДПА избрал меня Генеральным секретарем ЦК, в мой адрес поступили послания как из различных провинций страны, так и от руководителей многих стран. Одно из этих посланий мне особенно дорого, оно от Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Оно и сейчас передо мной — взгляните...

Он вновь помолчал, задумавшись о чем-то.

— Весь наш революционный опыт свидетельствует, что для решения больших и сложных задач, стоящих перед партией, перед страной, необходимо всемерно крепить монолитную сплоченность НДПА, добиваться единства ее слова и дела, упрочивать связи партии с широкими слоями населения страны, постоянно и настойчиво улучшать жизнь народа. Настало время действий — действий конкретных, решительных, результативных. Нужно работать так, чтобы все население страны, глубоко осознав перспективы, открытые революцией, само защищало завоеванное.

Сила НДПА — в нерушимом единстве и сплоченности, ее сила — и в несокрушимой, прочной дружбе с партией великого Ленина, которая дает планете поистине вдохновляющие примеры борьбы за мир, за свободу, за счастье народное. Мы глубоко признательны всему героическому и великодушному советскому народу, КПСС и ее руководству за ту огромную, бескорыстную, подлинно интернационалистскую помощь и поддержку, которую они оказывают нашей стране в деле защиты завоеваний Апрельской революции.

Интервью взял Ю. КОРНИЛОВ.

Кабул.

ШКОЛЬНЫЙ БАЛ

Учебный год подходит к концу, а для миллионов десятиклассников это время прощания со школой, школьными друзьями, учителями. Отзвенит последний звонок, и во всех школах начнутся балы.

Выпускной вечер — важное, незабываемое событие в жизни каждого старшеклассника. Каким он должен быть? Как сделать так, чтобы память о нем сохранилась надолго? Конечно же, для многих юношей и девушек бал, посвященный окончанию школы, связан с нарядным платьем, торжественным костюмом.

«Посоветуйте, как лучше одеться на выпускной вечер и что сейчас вообще в моде,— написали нам в редакцию десятиклассницы из Кишинева.— Очень не хочется выглядеть так же, как на обычной домашней вечеринке или дискотеке, куда некоторые ребята приходят в джинсах и кроссовках».

— Ваши читательницы совершенно правы,— говорит главный художник Московского Дома молодежной моды Лидия Матвеевна Соселия.— Если говорить о наряде выпускницы, то он должен быть, конечно, особым, а главное, праздничным. Совсем необязательно шить дорогое шелковое платье. Наши художники-модельеры предлагают несколько вариантов моделей на разные вкусы.

Девушкам более женственным, романтического склада очень к лицу наряд в фольклорном стиле. Ничто так не подчеркивает свежесть юности, как народный костюм, всегда богато декорированный вышивками, аппликациями, кружевом.

Девушке спортивного стиля трудно и непривычно сменить любимые брюки на пышную торжественную юбку. Да это и необязательно. Современный танцевальный репертуар вполне допускает на нынешнем балу танцы в брюках. В этом сезоне они могут быть шелковистые, узкие, с объемной блузкой или наоборот — широкие, почти как вечерняя юбка. Новинка Дома молодежной моды — нарядные брюки из расписной ткани.

Владислав Соколов — специалист по художественной обработке тканей предложил с помощью анилиновых красок расписать, оживить холодную скучную ткань яркими сочными узорами. Кстати, ручную оттеночную роспись от светлого тона к более темному можно сделать и самим в домашних условиях. Ткань натягивается на рамку, и рисунок наносится кистью, а затем запаривается горячим утюгом. После этого ее можно уверенно стирать, не боясь, что она полиняет. Чтобы модели были еще дешевле, наряду с ручной росписью используется и печать. Стремление к удешевлению моделей вообще характерно для Дома молодежной моды.

Одно из новых предложений в моде этого года — мини-юбки со шлицами, разрезами, что создает свободу движения.

Хлопчатобумажные платья пастельных тонов сразу станут наряднее, если их украсить мережками, аппликациями. Яркая недорогая бижутерия, легкая косынка, шарфик, туфельки в тон к платью, красивая прическа — все эти мелочи дополнят и сделают ваш туалет праздничным, нарядным.

И еще один совет. Если после бала вы захотите прогуляться по городу, постарайтесь не испортить созданный образ старой вязаной кофтой, накинутой на плечи. Художники-модельеры предлагают в этом сезоне платья-пальто, или пыльники, как их когда-то называли. Они легки, шьются без подкладки и надеваются на маленькое платье, брюки, юбки.

По-прежнему в моде остаются пиджаки с подчеркнутой линией плеча или плавно спадающей расширенной проймой. По-новому смотрятся пиджаки из блестящих, типа атласа тканей. Цвета могут быть пастельные, светлых оттенков: апельсиновые, розовые, бирюзовые, желтые. Возможны и контрастные яркие тона. Особо моден цвет яркой зелени.

Обувь молодых — по-прежнему без каблука или небольшая шпилька.

Не хотелось бы, чтобы девушки на своем выпускном балу были одеты в нарядное взрослое платье 25—30-летней женщины. Это у вас еще впереди. А пока блистайте, восхищайте нас своей свежестью, молодостью и красотой!

В. МОРОЗОВА

МГНОВЕНИЯ

Андрей МАСЮНИН

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Хоть и пригород,
вечно слышен
перестук поездных колес...
Майский вечер уснул на крышах,
окунувшись в листву берез.

И откуда-то издалека
песня льется. Из темноты
над зрачками туманных окон
наклонила сирень кусты.

И не слышится ветра пенье.
Приумолк его быстрый бег.
Хрупких яблонь в саду
сплетенья
окунулись, как в пышный снег.

Только снова, как прежде,
слышен
перестук поездных колес...
Майский вечер уснул на крышах,
погрузившись в листву берез.

В ПОЕЗДЕ

Менялся за окном причудливый
пейзаж,
подсвеченный слегка латунным
светом,
и радовался вновь
бодрящим ветрам
электропоезда двухсменный
экипаж.

Стояла ночь.
И не было войны.
В вагонах безмятежно спали
люди,
но, словно залпы праздничных
орудий,
сияли в небе звездные миры.

Стояла ночь.
И не было войны.

ТЫ

Ты наполняешься злом,
как лужа во время дождя
наполняется черной водой,
в которой мерцают
на самом дне
потухшие звезды.

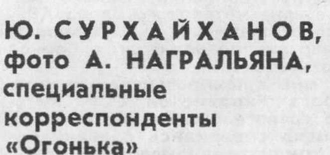
ИЗ ОКНА САМОЛЕТА

В разрыве туч,
как в полынье,
плывут кирпичики селений,
то скотный двор,
то стог осенний
в туманной легкой пелене.
Но закрывается окно
как будто ставнями из ваты;
крыло с дюралевой заплатой,
и небо рядом.
Вот оно.

Огни Армаша.

Лауреат Государственной премии СССР, главный врач Армашского сельского участка А. П. Айриян проводит утренний осмотр.

ДОКТОР с улицы аистов

Марина Айриян с сыном Каренчиком.

Ю. СУРХАЙХАНОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Аисты — примета Армаша. Одна из примет. Это армянское село, расположенное в Араратской долине, имеет много других: здесь кончается долина, окраинные дома села стоят у подножия гор. Село это пограничное в двух отношениях: восемь километров до турецкой границы и три — до Азербайджанской ССР, точнее, Нахичеванской АССР; так что на союзной карте, хотя оно и не обозначено, место расположения Армаша найти легко — это в полном смысле дальний угол Армении, если угодно — медвежий, в горах этот зверь водится.

Но в Армении село Армаш известно главным образом тем, что здесь работает Арсен Петросович Айриян — главный врач сельского врачебного участка. В 1985 году ему была присуждена Государственная премия СССР за разработку «Атласа перспективного развития сельского здравоохранения Армянской ССР».

Если перечислить все, чего добился на своем, казалось бы, скромном поприще сельского врача доктор Айриян, мы увидим целый ряд исключений из правил. На материале собственной практики он выполнил кандидатскую диссертацию — пример и сейчас еще редкий; затем докторскую диссертацию — это уже уникальный случай. Он автор более ста сорока научных печатных работ, в том числе и нескольких монографий,— этого достаточно много даже для ученого-медика, работающего в научно-исследовательском центре, институте. Работа, за которую он был удостоен Государственной премии,— общепризнанный фундаментальный вклад в науку.

В Армаш приезжают врачи, ученые со всего Союза, опыт Айрияна изучают и внедряют в Прибалтике, Чувашии, Средней Азии... Сюда специально приезжают врачи зарубежных стран. Армаш стал местом проведения всесоюзных научно-практических конференций, где прозвучали доклады крупнейших советских ученых: генетиков, гигиенистов, биологов.

Как удалось сочетать научную деятельность с практикой сельского врача, активно повлиять на саму концепцию, структуру сельского здравоохранения в целой республике, стать зачинателем нового направления?

Село Армаш, куда в 1953 году после окончания бакинского медицинского института приехал Арсен Петросович Айриян, к моменту его приезда только что появилось на земле Армении. Сюда были поселены армяне, репатриированные из Ирана, и он стал их первым врачом и первым наставником. Крестьянам предстояло возродить к жизни эту землю, а ему, молодому врачу, их к новой жизни на вновь обретенной Родине.

Сегодня Армаш — большое село с добротными двухэтажными домами, заасфальтированными улицами и буквально утопает в зелени садов. Вслед за поликлиникой здесь появилась больница на тридцать пять коек. Сейчас к ней пристраивается двухэтажный корпус, где предусмотрен зимний сад для прогулок больных в холодное время года. Комплекс должен вступить в строй в октябре. Все вместе это будет называться «Сельский центр охраны здоровья». Название это не случайное, оно отражает концепцию организации сельского здравоохранения, выработанную Айрияном. Здесь будет функционировать учебная база социальной гигиены для молодых врачей, организаторов сельского здравоохранения.

Так совпало, что уже в последний день моего пребывания в Армаше вся семья Арсена Петросовича оказалась в сборе. Был праздничный день — 9 мая, из Еревана приехала дочь Марина (она тоже врач) с мужем Сергеем и их сыном Каренчиком — ему пять месяцев. Старший сын Арсена Петросовича Левон и его жена Анушик живут и работают в Армаше — оба врачи. У них двое детей: Арсен и Зина...

— Вы знаете,— сказала мне Офелия Григорьевна, жена доктора,— Арсен Петросович несколько раз меня обманул. Мы одновременно окончили институт. Я не хотела ехать в село, наверное, потому, что выросла в городе, привыкла к удобствам, а он, хотя тоже бакинец, настаивал: «Поработаем положенный срок и потом поселимся в городе». Я поверила, согласилась. Но я не представляла, какая здесь жизнь. К моменту нашего приезда здесь в год до тридцати детей умирало. Инфекционные болезни были очень распространены: дизентерия, желтуха, бруцеллез... И среди взрослых, и среди детей. Я офтальмолог, но и мне работы хватало: больше трехсот человек страдали трахомой. И по врачебным вызовам ездила, у нас тогда была бричка,— ведь Арсен был один терапевт на три села.

Я уже знал хронологию семьи Айриянов, и слова Офелии Григорьевны по-новому высветили мне такой факт: несмотря на то, что они находились в самом центре очага инфекционных заболеваний, она через год родила Левона, а потом Марину...

— Когда истек срок отработки, положенный по распределению,— улыбается Офелия Григорьевна,— он опять обманул меня. Сказал: дай мне отработать хирургическую интернатуру, и тогда — в Ереван. Я осталась еще на два года, а получилось, как видите, гораздо больше. Он не стал защищать диссертацию как хирург, вернулся с новой идеей.

Потом мы вышли с Арсеном Петросовичем в сад, здесь, как тридцать лет назад, играли Левон и Марина, бегали сейчас Арсен и Зина.

— Вы спрашиваете, почему я не стал хирургом... Что и говорить, хирурги — центральная фигура в поле зрения людей. Но где-то уже на втором году интернатуры меня то и дело останавливала мысль, что хирургия, точнее, подавляющая часть хирургических вмешательств в тело человека происходит тогда, когда бессильна «вся остальная медицина»... А может быть, оттого, что в свое время проглядела болезнь в стадии зарождения. И я мысленно возвращался все чаще к факту, с которым я сталкивался на практике в Армаше: антибиотики, спасающие жизнь человеку, способны вызывать отрицательные, подчас тяжелые последствия. Правда, в то время такое наблюдалось не так часто, как сейчас. Исследование этого явления и стало темой моей кандидатской диссертации. Но это скорее частное, чем целое. Смысл же своей работы как врача я увидел в другом... Это сложно и долго объяснять, но теперь говорю: «Я врач здоровых людей». Как следует это понимать? Врач не должен сидеть в своем кабинете в ожидании пациентов или вызовов. Он должен постоянно работать со здоровыми людьми, держа в поле зрения болезни, которые им угрожают, выявлять очаги и причины возникновения, вовремя подавлять их. Этим целям и служит медицинская география...

Сейчас хорошо известно, что самые важные интересные открытия делаются на стыке наук: физики — химии, химии — биологии, биологии — медицины... Вряд ли два с половиной десятилетия назад об этом думал врач Айриян, когда пришел к необходимости составления первой своей медико-географической карты, а впоследствии первого атласа.

Можно, конечно, удивляться тому, как это сельский врач сумел «дойти» до доктора наук. Это действительно очень трудно и под силу лишь единицам, но саму возможность этого доказывает биография доктора Айрияна. Строго говоря, он занимался не тем, что «писал диссертации», то есть «остепенялся», а неистово, порой мучительно искал ответы на те вопросы, которые ставила перед ним жизнь, то есть практика сельского врача, а они в биографии доктора Айрияна неразделимы. Биография его доказывает многое, а он просто все эти годы возделывал свой виноградник, но не ту сотню квадратных метров с десятком лоз, что позади его дома. Его виноградник — это и Армаш, и окружающие села, и вся Армения, которая предстала в его атласе со всеми ее человеческими проблемами, но и победами.

Сейчас важно снизить фильтрацию радиоактивных веществ в почве и водоемах. Специальные химические препараты вносятся с воздуха на земли хозяйств, прилегающих к АЭС.

Мужество и выдержка

Олег ГУСЕВ

Фото ТАСС и А. Иллеша

Живое партийное слово, как много оно значит в минуты, когда не до бумаг, когда любое дело решается в два счета, порой даже после телефонного звонка! Так сегодня действуют те, кто призван выполнять заказы для противостояния в зоне Чернобыльской АЭС.

Помню, на первомайском празднике мы оказались рядом с Леонардом Львовичем Никифоровым, генеральным директором Киевского объединения имени С. П. Королева. Его головное предприятие выпускает радиоприемники «Меридиан». Генеральный директор рассказал, что накануне люди до ночи не уходили из цехов. И ветераны, и молодежь делом ответили на призыв секретарей партийных организаций потрудиться с максимальной отдачей. И сделали приспособлений больше, чем было в задании: их ждали в районе Чернобыля. И не было ни одного, кто бы пожаловался на усталость.

Снова и снова в последующие майские дни киевляне подавали руку помощи — так было и на заводах «Большевик», «Точэлектроприбор» и на многих других.

Символично, что почти все названные предприятия находятся по обеим сторонам одного из красивейших в Киеве проспекта Победы. В эти дни он принимает на себя все увеличивающийся поток транспорта. И его рядами мчатся отнюдь не только легковушки. Мчатся с грузами спецназначения бетоновозы, тягачи, спаренные автопоезда — лес, трубы, кирпич. Туда, туда... В кузовах автомашин со знаками многих областей Украины заметишь все, что крайне необходимо там, у поселка Припять.

Киев посылает в район Чернобыльской АЭС лучших специалистов — и проходчиков-метростроевцев, и академиков. Город ускоряет ход автомобильных колонн по направлению к поврежденному реактору. И, как сказал офицер киевской милиции А. Заик, не было случая, чтобы движение машин к Чернобыльской АЭС было хоть на минуту приторможено.

Дисциплина в эти дни не просто окрепла — она во сто крат усилилась. На каждом рабочем месте. В каждом трудовом коллективе. Люди выполняют тот долг особой важности, о котором всем нам напомнил товарищ М. С. Горбачев во время выступления по телевидению.

Вот один пример. Слесарь Киевского завода имени И. Лепсе Р. А. Кравченко готовит к работе в экстремальных условиях новую технику вместе со специалистами из Челябинска, Калуги, Мелитополя. Общий язык нашли быстро. Побратимы работают по десять — двенадцать часов. Их стараниями подготовлен к делу мощный роботомеханизированный бульдозер. В опасной зоне эта машина без человека по радиокомандам уже убирает остатки радиоактивных обломков, конструкций станции. Робот-бульдозер выполняет волю человека в тех особых точках, где из-за высокого уровня радиоактивности самому человеку появляться нельзя.

— Слесарь Кравченко и его товарищи по цеху,— сказал мне заместитель главного инженера завода В. Радченко — и сегодня трудятся над спешным созданием новых устройств и аппаратуры для той техники, которая помогает быстрее выполнять самые ответственные задания в зоне поврежденной АЭС. Будет чернобыльцам новая аппаратура!

Стало обычным: к словам «непосильно» или «невозможно» здесь, в 130 километрах от аварийного реактора, нередко дополняется еще одно — «пока». Говорят: «Пока невозможно...» Пока, то есть вчера, в силу экстремальной ситуации действительно было не сделать. Но сегодня и неразрешимое становится разрешимым. Скажем, в первые дни после аварии «узким местом» оказалась доставка бетонного раствора для укрепления площадок вокруг поврежденного энергоблока. Дело пошло благодаря максимальной оперативности, за счет находчивости и рабочей смекалки. Два завода объединения «Киевжелезобетон» перешли на трехсменку. И тотчас стали выдавать на пятьсот кубометров бетона больше. Его в Припять начали привозить даже на теплоходах...

Днем и ночью трудятся метростроевцы, обеспечивая высокий темп проходки подземных трасс к месту ликвидации последствий беды. Чтобы ускорить ремонт техники, управление механизации «Киевметростроя» выделило два комплекса землеройных и строительных машин. И этот необычный конвейер намного поднял темпы работ в зоне четвертого блока АЭС.

Мужество, самоотверженность и благородство людей — эти черты проявляются в борьбе с нежданной и грозной бедой.

Как рассказали мне в Министерстве автомобильного транспорта Украинской ССР, киевские водители, по тревоге выехавшие в район Чернобыля, образцово справились с эвакуацией населения из тридцатикилометровой зоны. Например, в зоне АЭС работал киевский водитель А. Адамович. Он обратился в партком своего автотранспортного предприятия с просьбой перечислить заработанную им за два дня сумму в фонд ликвидации последствий аварии.

— Тысячи подобных заявлений,— сообщил секретарь Киевского горкома партии Н. Н. Сергеев,— поступили от жителей города.— Кроме того, многие из них радушно приглашают на жительство эвакуированных из чернобыльской зоны. Бывает, оставляют номера домашних телефонов у нас в горкоме партии. А некоторые публикуют приглашения в местных газетах. Вот строки за подписью И. Калиты из газеты «Вечерний Киев»: «От чистого сердца предлагаю свою помощь. Я на пенсии, живу в Киеве, а в селе Райковщина Ягодинского района у меня есть дом, в котором жили родители. Готов его передать во временное пользование оставшейся без крова семье. Там будет хорошо».

Глубокая порядочность, сердечность, желание помочь... Стараются самим фактом сочувствия заглушить чужую боль. В этом убеждаешься на Киевском почтамте, да и в любой сберегательной кассе города. Операторы принимают телеграммы сочувствия пострадавшим, посылки, денежные переводы. «Практически на всех предприятиях и в организациях столицы Украины,— как отметил председатель Киевского горисполкома Валентин Арсентьевич Згурский,— вносят предложения отработать в фонд помощи чернобыльцам рабочий день. Некоторые перечисляют личные сбережения на текущий счет фонда восстановления Чернобыльской АЭС».

— Я как депутат Верховного Совета СССР,— подчеркнул председатель исполкома,— могу засвидетельствовать, что подобные гуманные предложения поступают в Киев со всех концов Советской страны. Назову тружеников колхоза «Правда» Черниговской области, которые перечислили в фонд помощи чернобыльцам четыре тысячи рублей, премию за победу в соревновании хлеборобов Украины. Коллектив совхоза «Хабне» Полесского района заработанные за день средства отдал пострадавшим от аварии... Свинец из Свердловска, сварочная техника из Ленинграда, срочные грузы из Армавира, Волгограда, Тамбова и других городов страны — все это без задержки везут в район Чернобыля!

Киев.

АНТИСОВЕТСКАЯ ШУМИХА !!!

ЗЛОРАДСТВО

АНТИСОВЕТСКИЕ НЕБЫЛИЦЫ И ВЫМЫСЛЫ

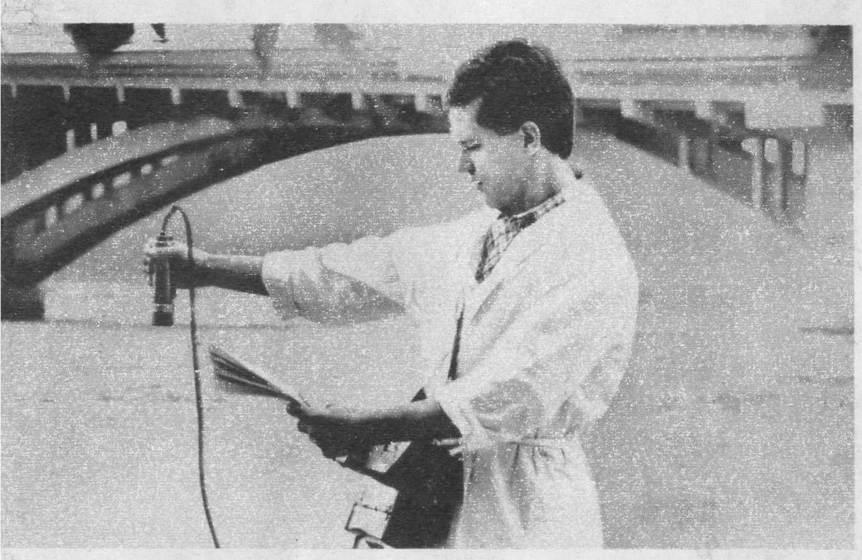
Бор. Е.-86.

Облучение ложью.

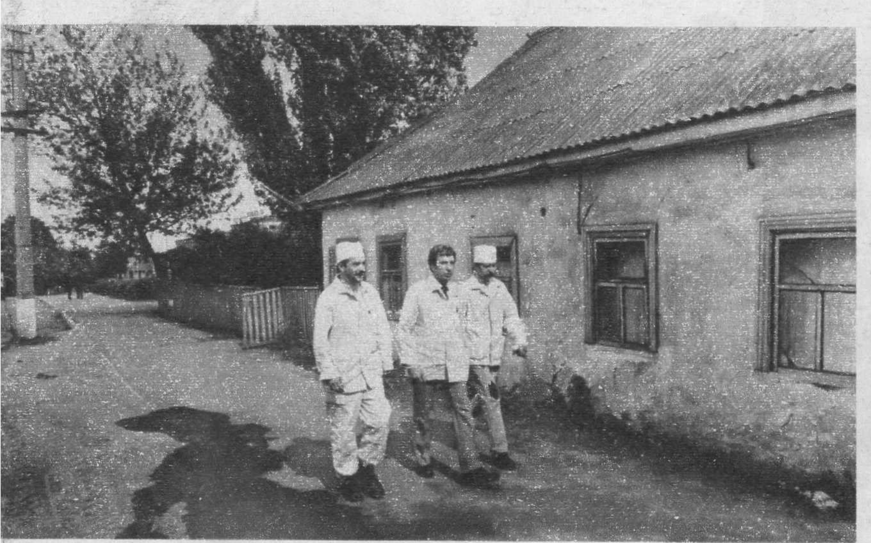
Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Экипаж уточняет маршруты...

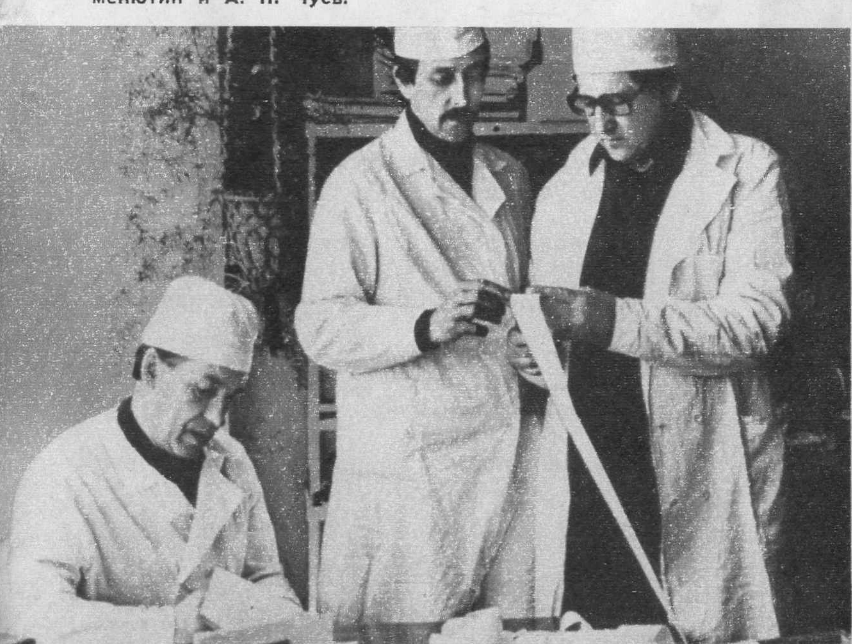

Инженер киевской гидрологической станции А. Л. Грабчак измеряет уровень радиации.

Район Чернобыльской АЭС. После смены...

Предельно внимательны спектрометристы Ю. И. Федоренко, А. Н. Семенютин и А. Н. Чуев.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Героиня романа Г. Флобера. 9. Советский атомный ледокол. 10. Стихотворение А. С. Пушкина. 11. Прохладительный напиток. 13. Марка советского трактора. 14. Основоположник современной аэродинамики. 15. Древнерусский шлем. 17. Французский живописец, представитель классицизма. 18. Административно-территориальная единица в Болгарии. 20. Спортивные соревнования на автомобилях, мотоциклах. 22. Единица магнитной индукции. 23. Жанр древнерусской ораторской прозы и письменности. 25. Степная птица, занесенная в Красную книгу СССР. 28. Советский украинский писатель, публицист. 30. Музыкант. 32. Народный танец кабардинцев и адыгейцев. 33. Народный писатель Белоруссии. 34. Советский боксер, чемпион Олимпийских игр 1956 года. 35. Бесцветная жидкость, употребляемая для производства красителей, пластмасс. 36. Река на северо-востоке Якутии.

По вертикали: 1. Северное созвездие. 2. Устройство, объединяющее приемник и электропроигрыватель. 3. Химический раствор для закрепления изображения в фотографии. 4. Мелкие обломки горной породы, употребляемые в строительстве. 5. Певица, народная артистка СССР. 6. Способ получения изображения на переплете книги. 8. Город в Рязанской области. 12. Опера Э. Ф. Направника. 13. Курорт в Ставропольском крае. 16. Небесное тело, движущееся по вытянутой орбите. 17. Разговор двух или нескольких лиц. 19. Государство в Западной Африке. 20. Маршрут корабля, самолета, автомашины. 21. Способ активной обороны в спортивных играх с мячом. 24. Безопасный судоходный путь. 26. Мягкая хлопчатобумажная ткань с начесом. 27. Горизонтальное перекрытие в корпусе судна. 29. Прибор, техническое устройство. 30. Роман Ф. В. Гладкова. 31. Комплекс определенных упражнений.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 7. Партизан. 8. Матросов. 10. Плиев. 11. «Журавли». 12. Театр. 13. Казарма. 16. Вучетич. 19. Ромашка. 20. Накат. 21. Номер. 22. Ивченко. 24. Флагман. 28. Лабинск. 31. «Искра». 32. Куликов. 33. Алмаз. 34. Тухманов. 35. Горбатов.

По вертикали: 1. Рапира. 2. Ставка. 3. «Радуга». 4. Павлов. 5. Портье. 6. Родари. 9. «Катюша». 14. Закалка. 15. Мортира. 17. Уланова. 18. Тюленин. 23. Евклид. 25. Лакмус. 26. «Гранма». 27. Наумов. 28. Леонов. 29. Ибадан. 30. Самсон.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весенняя песня. (См. в номере материал «Доктор с улицы аистов»).

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели одежды Московского Дома молодежной моды к выпускному вечеру. (См. в номере материал «Школьный бал»).

Фото И. ГАВРИЛОВА

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 30.04.86. Подписано к печати 20.05.86. А 00686. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16.80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1383. Заказ № 2762.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Вернисаж «Огонька»

1

2

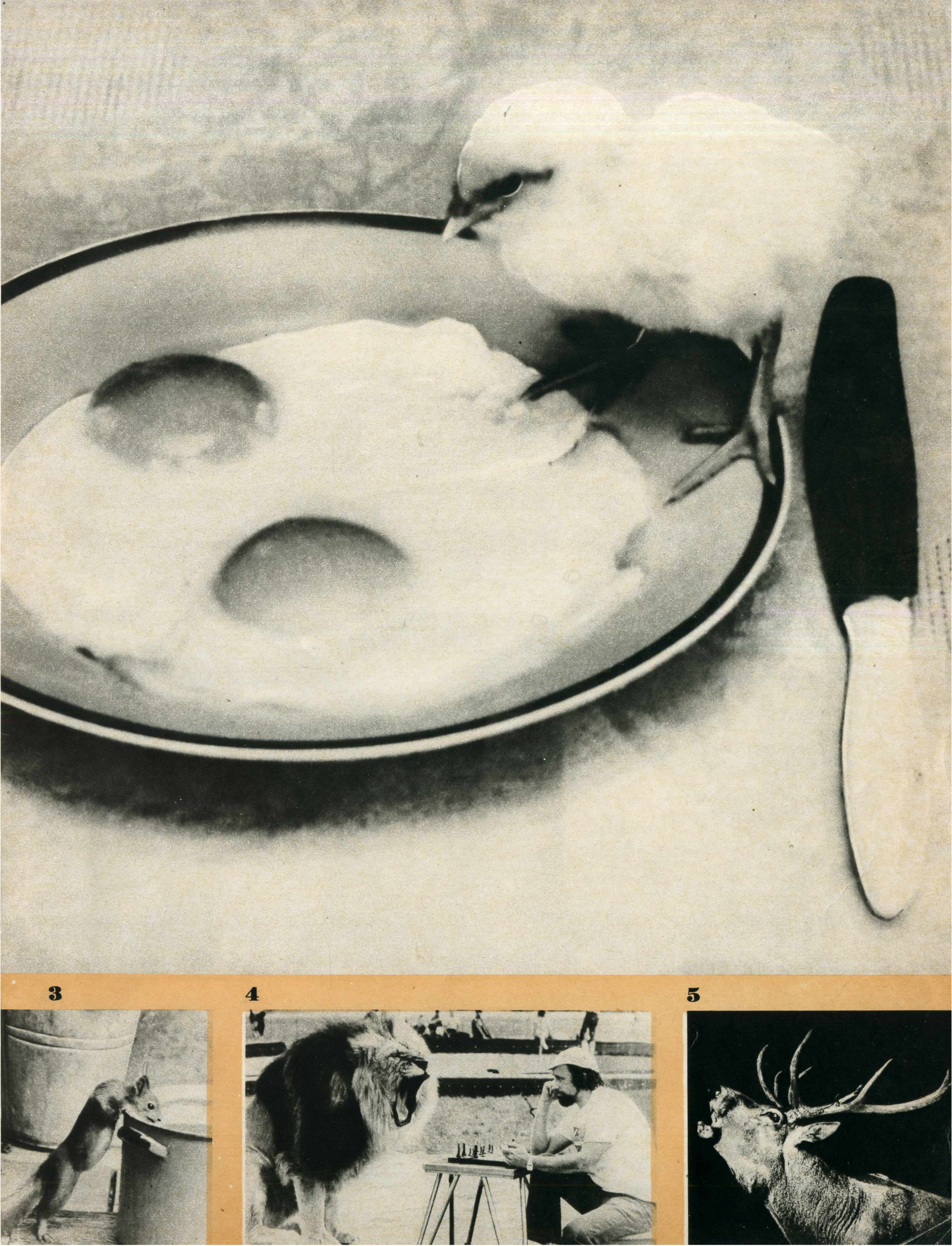
1 Фотография на память. Фото М. Прудникова. Москва.

2 Завтрак. Фото В. Леонтьевой. Тюмень.

3 На водопое. Фото И. Черкашнева. Москва.

4 Скандальный партнер. Фото В. Воротникова и Е. Петрийчука.

5 Призыв. Фото Е. Хмелевцева. Воронеж.

3
4
5

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663